

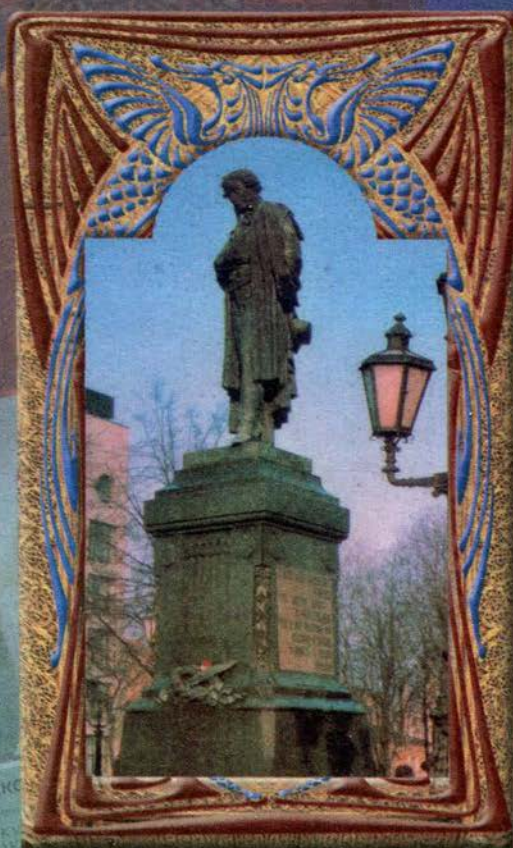
Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, О.В. Чиндилова

ЛИТЕРАТУРА

9 класс

ИСТОРИЯ

ТВОЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕБНИК

Книга 2

АЛЕКСАНДР
БЛОК
поэмы

РУССКИЕ
ПИСАТЕЛИ-
ЛАУРЕАТЫ
НОБЕЛЕВСКОЙ
ПРЕМИИ
АЛЕКСАНДР

И.С. Тургенев
ЗОЛОТОЙ
1861 г.

Л.Н. Толстой
ВЕК

XIX век

Ф.М. Достоевский
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Н.С. Лесков
А.П. Чехов

Образовательная система «Школа 2100»

Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, О.В. Чиндилова

ИСТОРИЯ ТВОЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

9 класс
Книга 2

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО РЕКЕ ВРЕМЕНИ

Рекомендовано
Министерством образования и науки Российской Федерации

Москва
БАЛСС
2010

УДК 373.167.1:821.161.1
ББК 84 (2 Рос-Рус)я721
Б91

Образовательная система «Школа 2100»

Совет координаторов предметных линий «Школы 2100» — лауреат премии Правительства РФ в области образования 2008 года за теоретическую разработку основ образовательной системы нового поколения и ее практическую реализацию в учебниках

На учебник получены положительные заключения
Российской академии образования (от 28.06.2005) и Российской академии наук (от 01.12.2005)

- Бунеев Р.Н., Бунеева Е.В., Чиндилова О.В.
Б91 **Литература.** (История твоей литературы. Литературное путешествие по реке времени). Учебник для 9-го класса. В 2-х книгах. Кн. 2. — Изд. 2-е, перераб. — М. : Баласс, 2010. — 272 с. : ил. (Образовательная система «Школа 2100». Серия «Свободный ум»)

ISBN 978-5-85939-434-0

Учебник предназначен для работы с учащимися в 9-м классе общеобразовательной школы. Соответствует федеральному компоненту государственного стандарта общего образования, является продолжением непрерывного авторского курса и составной частью комплекта учебников развивающей Образовательной системы «Школа 2100».

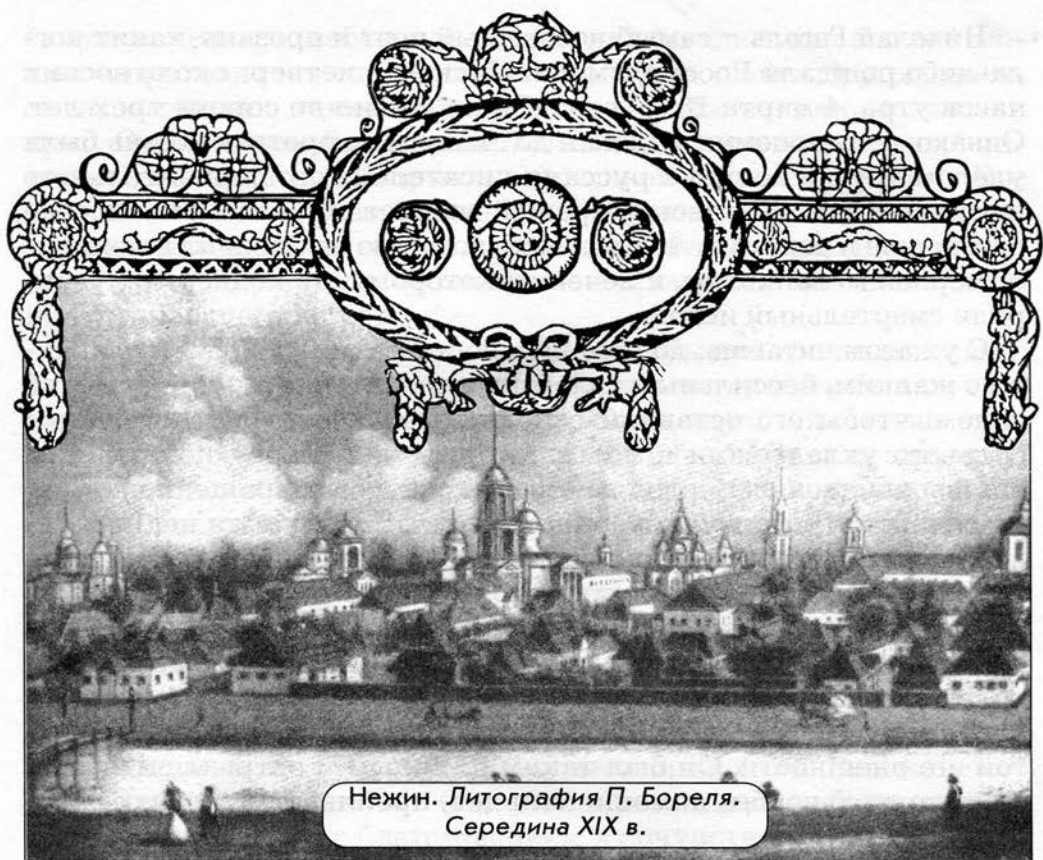
В учебнике «Литература» для 9-го класса представлен систематический курс истории отечественной литературы. В соответствии с государственными образовательными стандартами в 9-м классе изучается история русской литературы до середины XIX века и дается представление об историко-литературном процессе 2-й половины XIX в. и XX в.

УДК 373.167.1:821.161.1
ББК 84 (2 Рос-Рус)я721

Данный учебник в целом и никакая его часть не могут быть
скопированы без разрешения владельца авторских прав

ISBN 978-5-85939-434-0

© Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, О.В. Чиндилова, 2004, 2005
© ООО «Баласс», 2004, 2005

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852)

1. Вспомните «страшное», «веселое», «героическое», «лирическое» и «трагическое» у Гоголя. Какие страницы книг Гоголя вы бы назвали своими любимыми?
2. Опираясь на свой читательский опыт, попробуйте представить личность Гоголя. Встречи с каким писателем вы ждете?
3. Познакомьтесь с биографией Н.В. Гоголя, подготовленной на основе эссе В. Набокова «Николай Гоголь», написанном в эмиграции в 1944 году. Работа В. Набокова вызывает неоднозначные оценки. Но из всех известных попыток рассказать о Гоголе мы предлагаем вам именно этот вариант, когда о великом русском писателе говорит другой писатель, называющий себя антиподом Гоголя. Какую установку на чтение дает вам эта информация?
4. Просмотрите материалы, прежде чем приступить к чтению. Перечитайте начало и последние два абзаца. Обратите внимание на то, в какой последовательности В. Набоков излагает биографию Гоголя.

Николай Гоголь – самый необычный поэт и прозаик, каких когда-либо рождала Россия, умер в Москве, в четверг около восьми часов утра, 4 марта 1852 года*. Он не дожил до сорока трех лет. Однако, если вспомнить, какая до смешного короткая жизнь была уделом других великих русских писателей того поразительного поколения, это был весьма зрелый возраст. Крайнее физическое истощение в результате голодовки, которую он объявил в припадке черной меланхолии, и лечение, которому его подвергли, ускорили смертельный исход.

С ужасом читаешь, до чего нелепо и жестоко обходились лекари с жалким, бессильным телом Гоголя, хоть он молил только об одном: чтобы его оставили в покое. После контрастной ванны больного укладывали в постель, прилепив к носу полдюжины жирных пиявок, несмотря на его бесконечное отвращение ко всему слизистому, ползучему, увертливому. Картина эта неприглядна, но она дает почувствовать до странности телесный характер гения Гоголя. Живот – предмет обожания в его рассказах, а нос – герой-любовник. Желудок всегда был самым знатным внутренним органом писателя... Его большой и острый нос был так длинен и подвижен, что в молодости он умел пренеприятно доставать его кончиком нижнюю губу; нос был самой чуткой и приметной чертой его внешности. Он был таким длинным и острым, что умел самостоятельно, без помощи пальцев, проникать в любую, даже

Дом Иохима на Большой Мещанской улице в Петербурге, где жил Н.В. Гоголь в 1829 г. Автолитография Э. Бернштейна. 1951

Н.В. Гоголь-гимназист. Гравюра по рисунку неизвестного художника. 1827

* Н.В. Гоголь умер 21 февраля 1852 года. Дату смерти писателя В. Набоков указывает по новому стилю, который был принят в России в 1918 году. Различие между старым и новым стилем составляет в XIX веке 12 суток, в XX – 13 суток.

самую маленькую табакерку. Дальше мы увидим, как нос лейтмотивом проходит через его сочинения; трудно найти другого писателя, который с таким смаком описывал бы запахи, чиханье и храп. Однако было бы неправильным объяснить чрезмерный интерес Гоголя к носу ненормальной длиной собственного носа. Нос как таковой с самого начала казался ему чем-то комическим, чем-то отдельным, не совсем присущим его обладателю. Вот почему есть что-то до ужаса символическое в пронзительной сцене лечения умирающего Гоголя.

Его детство ничем не примечательно: обычные болезни, слабое дитя, любитель липких сладостей. Примечательным был он сам: школьником с завидным упорством ходил не по той стороне улицы, по которой шли все; надевал правый башмак на левую ногу; расставлял мебель в своей комнате в беспорядке, словно заимствованном из «Алисы в Зазеркалье». Окончив гимназию в Нежине, он поехал в Санкт-Петербург искать место.

Приезд в столицу был омрачен сильной простудой, обморожениями. Триста пятьдесят материнских рублей были сразу же истрачены на новую одежду. Если верить легенде, которыми Гоголь впоследствии любил украшать свое прошлое, первое, что он сделал, приехав в столицу, был визит к Пушкину, которым он бурно восхищался, не будучи знаком с великим поэтом. Великий поэт еще не вставал с постели и еще никого не принимал. «Бог ты мой! – воскликнул Гоголь с благоговением и сочувствием. – Верно, всю ночь работал?» Встреча так и не состоялась.

Последовали не слишком настойчивые поиски службы, сопровождаемые просьбами к матери о деньгах. Двадцатилетний писатель попал как раз в тот город, который был нужен для развития его ни на что не похожего дарования; безработный молодой человек, дрожащий в туманном Петербурге, таком отчаянно холодном и сыром по сравнению с Украиной, вряд ли мог чувствовать себя счастливым. Он привез в Петербург несколько поэм – одна из них, длинная и туманная, звалась «Ганц Кюхельгартен» и была опубликована в 1829 году под нелепым псевдонимом «В. Алов». Гоголь пугливо ожидал, что же теперь будет. А было гробовое молчание, за которым последовала короткая, но убийственная отповедь в «Московском телеграфе». Гоголь со своим верным слугой кинулись в книжные лавки, купили все экземпляры «Ганца» и сожгли их. И вот литературная карьера Гоголя началась так же, как и окончилась лет двадцать спустя, – аутодафэ (приведение в исполнение приговора. – Авт.), причем в обоих случаях ему помогал покорный и ничего не разумеющий крепостной.

В начале июля 1829 года он принял внезапное решение, не объясненное позднее его биографами, и уехал за границу. Могу лишь заметить, что после каждой неудачи в его литературной судьбе (а провал злосчастной поэмы был воспринят так же болезненно, как позже критический разнос «Ревизора») он поспешно покидал город, в котором находился.

Трудно сказать, как он провел два месяца за границей, в Германии. В Петербург Гоголь вернулся так же внезапно, как оттуда уехал. От ненависти к канцелярской работе он подумывал пойти на сцену, но испугался экзамена или провалился на нем. Это было его последней попыткой уклониться от государственной службы, потому что в конце 1829 года мы находим его на должности чиновника, но в основном его деятельность на этом поприще заключалась в переходе из одного присутственного места в другое. Мать и сестры старательно присылали ему сведения об украинских обычаях, именах, и в начале 1830 года Гоголь напечатал рассказ, который позднее вошел в «Вечера на хуторе близ Диканьки». В это же время в печати появились отредактированные Дельвигом главы из неоконченного исторического романа, подписанные «0000». Четверка нулей, как говорят, произошла от четырех «о» в полном имени Николай Васильевич Гоголь-Яновский. Выбор пустоты, да еще и умноженной вчетверо, чтобы скрыть свое «я», очень характерен для Гоголя.

Дельвиг рекомендовал молодого Гоголя поэту Жуковскому, а тот – литературному критику и университетскому профессору Плетневу, которому Пушкин посвятил свой роман «Евгений Онегин». Плетнев и особенно Жуковский стали близкими друзьями

«Вечера на хуторе близ Диканьки». Титульный лист первого издания кн. I

«Вечер накануне Ивана Купала». Деньги не принесли счастья. Рисунок М. Деригуса. 1950

«Сорочинская ярмарка». Параска перед зеркалом. Рисунок В. Маковского. 1875

Гоголя. В мягком, набожном Жуковском Гоголю встретился близкий духовный темперамент. При помощи Плетнева Гоголь получил возможность сменить поденщину государственной службы на поденщину педагогическую, с чего и началась его незадачливая учительская карьера в качестве преподавателя истории в Институте благородных девиц. И через того же Плетнева на приеме, устроенном в мае 1831 года, Гоголь познакомился с Пушкиным.

«Сейчас прочел «Вечера на хуторе близ Диканьки», – писал Пушкин другу. – Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия!» Похвала Пушкина кажется несколько преувеличенной, хотя в условиях, когда в литературе почти ничего поистине стоящего (кроме прозы самого Пушкина) не публиковалось, «Вечера...» Гоголя, конечно, были откровением. Если бы Пушкин дожил до «Шинели» и «Мертвых душ», он бы, несомненно, понял, что Гоголь нечто большее, чем поставщик «настоящей веселости». Недаром ходит легенда, что, когда незадолго до смерти Пушкина Гоголь прочел ему набросок первой главы «Мертвых душ», Пушкин воскликнул: «Боже, как грустна наша Россия!»

К 1835 году появились два тома «Вечеров...», впитавших в себя украинский фольклор, и два тома повестей, озаглавленных «Миргород» (куда вошли «Вий», «Тарас Бульба», «Старосветские помещики» и т.д.). В период создания «Диканьки» Гоголь стоял на краю опаснейшей пропасти: он чуть было не стал автором только украинских фольклорных повестей и красочных романтических историй. В этом же году Гоголь написал Пушкину: «Сделайте милость, дайте

Афиша первого представления «Ревизора» в Москве с Щепкиным в роли городничего

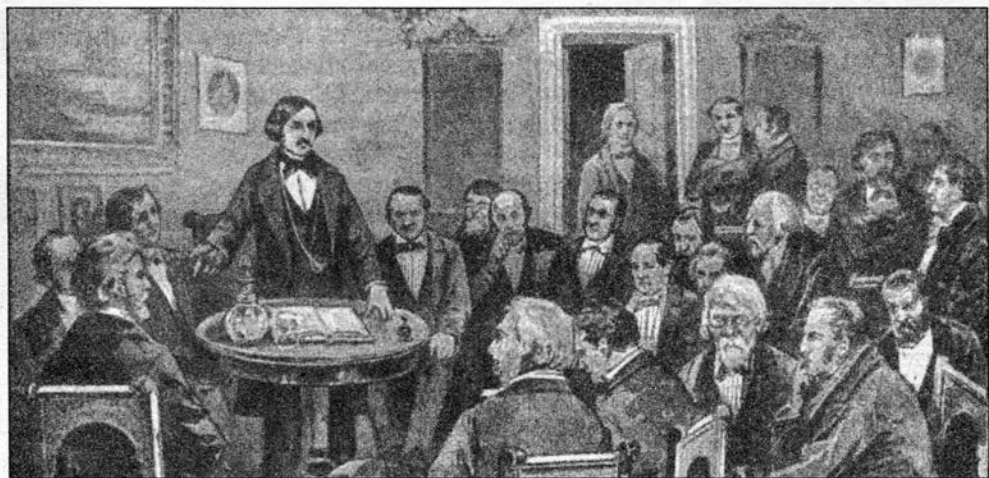

Сцена V действия первой постановки «Ревизора» в Александринском театре.
Гравюра по рисунку В. Самойлова

какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но чисто русский анекдот. Рука дрожит написать... комедию». Из подаренного Пушкиным сюжета очень быстро родился «Ревизор».

Трудно сказать, что привлекло в «Ревизоре» царя Николая I. Говорят, что он заявил после первого представления: «Все получили по заслугам, а я больше всех». Остается только предположить, что разрешение поставить пьесу вызвано внезапным капризом царя, — ведь и появление такого писателя, как Гоголь, можно приписать необычной причуде какого-то духа, ведавшего развитием русской словесности в начале XIX века.

Первое представление «Ревизора» было отвратительным в смысле актерской игры и оформления; Гоголь чрезвычайно зло отзывался о непристойных париках, шутовских костюмах и грубом переигрывании, которым театр испортил ему пьесу. Гнетущее впечатление произвели на него и обвинения, выдвинутые противниками «Ревизора», которые усмотрели в пьесе коварные нападки на российскую государственность. Положение создалось довольно странное — к Гоголю пришла слава в самой что ни на есть громогласной форме: двор рукоплескал пьесе чуть ли не со злорадством; спесивые чиновники высокого ранга потихоньку теряли спесь, смущенно ерзя в креслах партера; малопочтенные критики истекали тухлым ядом; молодежь с восторгом повторяла смешные реплики и отыскивала хлестаковых и сквозник-дмухановских среди своих знакомых. Другой бы писатель упивался этой атмосферой славы и скандала. Пушкин просто оскалил бы свои ослепительные негритянские зубы в добродушной усмешке и воротился к неоконченной рукописи очередного шедевра. Гоголь же поступил так же, как и после

Н.В. Гоголь читает «Ревизора» в кругу литераторов

провала «Кюхельгартена», – сбежал, вернее, уполз за границу. Гул, поднявшийся вокруг него, пугал Гоголя: он боялся, что двор вдруг пересмотрит свое высочайшее благорасположение к пьесе, что цензура будет долгие годы вредить его литературной карьере в России... Он воображал, будто вокруг него ползает и перешептывается вся враждебная ему Россия, пытаясь его погубить, хваля и понося его пьесу. В июне 1836 года Гоголь уехал в Европу.

Но если б только это! Он попытался объяснить в печати те места своей пьесы, которые критики превратно толковали, – худшее, что может позволить себе сделать писатель в подобных обстоятельствах. Гоголь, будучи Гоголем и существуя в зеркальном мире, обладал способностью тщательно планировать свои произведения п о с л е того, как он их написал и опубликовал.

Начались годы странствий. Германия, Швейцария, Париж (здесь застало его известие о гибели Пушкина), Рим – и опять все сначала... Вертящиеся колеса почтовых карет соткали ему ткань первой части «Мертвых душ», физическое кружение помогло автору погрузить себя и своих героев в калейдоскопический кошмар русской жизни. Осенью 1839 года Гоголь ненадолго возвратился в Россию, читал московским и петербургским друзьям главы «Мертвых душ», вызывая всеобщий восторг.

Снова покинув Россию в июне 1842 года, Гоголь возобновил свои странные странствия. Опасность превратиться в лежачий камень ему не угрожала: несколько летних сезонов он беспрестанно ездил с вод на воды, лечился. Болезнь его казалась малопонятной и переменчивой: приступы меланхолии чередовались с припадками телесного недомогания. Парадокс заключался в том,

«Мертвые души», т. I.
Титульный лист второго
издания

«Мертвые души», т. I. Чичиков на балу у губернатора.
Рисунок В. Маковского

что поддержать в себе творческий порыв он мог лишь постоянным движением — а оно физически мешало ему писать. Но теперь пришло время готовить себя ко второй части «Мертвых душ». В соответствии со своим методом объяснять свое произведение после того, как оно напечатано, Гоголь сумел убедить себя, что еще ненаписанная вторая часть и есть его главная книга, в которой он ясно покажет «пути-дороги» к идеалу. Намерение написать главную книгу совпало с апогеем его как писателя: расцвета он достиг в «Петербургских повестях» («Нос», «Портрет», «Шинель» и др.), «Ревизоре», первой части «Мертвых душ». А теперь Гоголь стал проповедником, и ему нужна была кафедра, с которой он мог бы объяснить нравственную подоплеку своего сочинения, нужна была прямая связь с читателями.

Проповеднический период начался у Гоголя с последних поправок, которые он внес в «Мертвые души». В многочисленных письмах, которые он писал друзьям из-за границы, фразы звучали все пышнее и напоминали библейские: «...горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова». Он задумал написать «Выбранные места из переписки с друзьями» и требовал от своих адресатов сообщения фактов о русской действительности, изобрел для друзей-грешников, которых называл учениками, поразительную систему покаяния, принуждая их бегать по его делам, покупать и пересылать нужные ему книги, переписывать критические статьи, торговаться с наборщиками... Гоголь утверждал, что все сказанное и сделанное им вдохновлено тем духом, суть которого он вскоре откроет во втором и третьем томе «Мертвых душ», а «Выбранные места...» задуманы им как испытание духа читателя, подготовка к восприятию второй части его поэмы. Основное содержание «Выбранных мест...» состояло из назиданий поместным дворянам, провинциальным чиновникам: «Потом скажи им (мужикам. — *Авт.*), что заставляешь их трудиться и работать вовсе не потому, чтобы нужны были тебе деньги на твои удовольствия, и в доказательство тут же сожги ты перед ними ассигнации...»

Книга вызвала оглушительный скандал. Белинский написал знаменитое письмо Гоголю, вскрывшее суть «Выбранных мест...» («эту надутую и неопрятную шумиху слов и фраз»). Несмотря на потоки ругани, обрушившиеся на книгу со всех сторон, Гоголь вел себя довольно мужественно и продолжал утверждать, что выполнил свое намерение — подготовил общественное мнение ко второй части «Мертвых душ».

В течение последних десяти лет жизни Гоголь упорно вынашивал замысел продолжения «Мертвых душ», из которого «могли бы все понять и то, что неясно у меня было в прежних сочинениях». Он

пытался создать книгу, угодную и Гоголю-художнику, и Гоголю-святоше. Законченные «Мертвые души» должны были рождать три взаимосвязанных образа: преступления, наказания и искупления. Достигнуть этой цели было невозможно, потому что автор навязал главную роль грешника такой личности, как Чичиков. В считанных сохранившихся главах второй части Чичиков хоть и остался главной фигурой, но как-то выпал из фокуса. А когда появляются положительные герои – бережливый помещик, праведный купец, богоподобный князь – всякая связь между ними и Чичиковым раздражает, кажется искусственной. По замыслу в третьей части его душу спасает священник, и Чичикову было суждено окончить свои дни в качестве изможденного монаха в отдаленном монастыре в Сибири.

Неудивительно, что последнее озарение, последняя вспышка здравомыслия заставила Гоголя уничтожить конец «Мертвых душ». Когда в Москве, пригнувшись к огню, рыдая, он в присутствии мальчика-камердинера уничтожал плоды многолетнего труда, ему уже было ясно, что оконченная книга предавала его гений: в соответствии с художественной правдой Чичиков никогда не будет набожно угасать в деревянной часовенке среди суровых елей на берегу легендарного озера.

Гоголь был странным созданием, но гений всегда странен.

Он родился 1 апреля 1809 года* в селе Большие Сорочинцы Миргородского уезда. По словам его матери (а она любила придумывать и преувеличивать заслуги Николая, уверяя, например, что паровозы и пароходы изобретены ее сыном), стихотворение, которое он написал в пять лет, прочел Капнист, довольно известный писатель. Капнист обнял важно молчавшего ребенка и сказал счастливым родителям: «Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя-христианина». Но вот то, что Гоголь родился 1 апреля, это правда.

По В. Набокову

1. В своей работе Набоков достаточно вольно обращается с фактами жизни Гоголя, замечая, «что любой интеллигентный человек может найти даты и прочие сведения в хорошей энциклопедии или в любом учебнике по русской литературе». Что же в таком случае было главной задачей писателя?
2. Попробуйте объяснить, почему В. Набоков изменил дату жизни Гоголя и днем его рождения назвал 1 апреля?
3. Какой образ Гоголя возник в вашем представлении, несмотря на явные попытки Набокова принизить его?

* Н.В. Гоголь родился 20 марта 1809 года, а В. Набоков указывает эту дату по новому стилю.

4. Подготовьте, опираясь на «сведения в хорошей энциклопедии», свой рассказ о жизни Гоголя. Какая мысль будет главной в вашем изложении фактов и сведений?

5. По заглавиям книг Гоголя проследите, как складывалась творческая судьба писателя. Чем она необычна?

6. Какие из книг Гоголя вам захотелось перечитать или прочитать после знакомства с размышлениями Набокова?

7. В эссе Набокова есть ряд неточностей биографического характера, противоречивых утверждений. Чем же, на ваш взгляд, интересны эти не простые для чтения, субъективные размышления? Попробуйте объяснить тот факт, что великолепный стилист Набоков, советовавший иноязычным студентам изучать русский, чтобы «во всей полноте понять Ник. Гоголя», написал свое эссе на английском языке?

8. Какую мысль Набокова вам бы хотелось опровергнуть при новом чтении Гоголя, какую – подтвердить?

9. Многие яркие работы о Н.В. Гоголе и его творчестве созданы русскими эмигрантами К.Н. Мочульским, В.В. Зеньковским, В.К. Зайцевым, В.Ф. Ходасевичем, А.М. Ремизовым, И.А. Ильиным и др. Как вы можете объяснить этот факт?

10. Прокомментируйте следующие высказывания о работе В. Набокова:

Вл. Ворopaев: «Сам Гоголь – его жизнь и мировоззрение – Набокову глубоко чужд».

С. Залыгин: «Гений Гоголя приобрел – и это показывает сам же Набоков – гораздо большее и гораздо более объективное значение, чем его собственные, в какой-то мере субъективные установки на этот счет».

11. В письме к матери в 1844 году Гоголь писал: «Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора». Проанализируйте с этой позиции материалы его биографии.

Советуем прочитать:

1. Басина М.Я. Петербургская повесть (Документальная повесть о Н.В. Гоголе). – Л., 1974.
2. Боголепов П.К., Верховская Н.П. Тропа к Гоголю. – М., 1976.
3. Вересаев В.В. Гоголь в жизни. – М., 1990.
4. Золотусский И.П. По следам Гоголя. – М., 1988.
5. Манн Ю.В. В поисках живой души. – М., 1987.
6. Манн Ю.В. Смелость изобретения. Черты художественного мира Гоголя. – М., 1985.
7. Мочульский К.Н. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М., 1995.
8. Храпченко М.Б. Николай Гоголь: Литературный путь. Величие писателя. – М., 1984.

Читаем поэму «Мертвые души»

1. Познакомьтесь с рассказом Гоголя о творческой истории «Мертвых душ»: «Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение... В заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он не отдал бы никому другому. Это был сюжет «Мертвых душ».

Что, с вашей точки зрения, еще необходимо для создания гениального произведения, кроме подаренного великим Пушкиным сюжета?

2. У поэмы Гоголя была необычная жизнь: борьба вокруг нее началась еще до опубликования рецензий и критических статей. Так, в одной газете читателей оповещали о скором выходе книги в свет, обещая, что «здесь талант нашего романиста предстанет нам еще на высшей степени своего развития», в другой предупреждали, что «ни в одном русском сочинении нет столько безвкусыя, грязных картин и доказательств совершенного незнания русского языка».

О чем свидетельствуют эти факты? Чем можно объяснить такую эмоциональность и торопливость оценок?

3. На заседании цензурного комитета, рассматривавшего рукопись Гоголя, председатель, только услышав название поэмы, закричал: «Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертной, мертвой души не может быть!..». Его успокоили, объяснив, что речь идет лишь о ревизских душах (то есть учтенных ревизией, переписью, крепостных крестьянах; таким образом, имена умерших числились в списках до следующей ревизии). И снова раздался крик: «Этого нельзя позволить; это значит против крепостного права!». Тогда один из цензоров начал уверять присутствующих, что рукопись он читал и в ней все строится на «смешном недоумении продающих и на тонких хитростях покупателя» душ умерших крестьян. Теперь уже закричали все: «Предприятие Чичикова есть уголовное преступление!» Одних смутило то, что читатели начнут брать с Чичикова пример, а других, молодых, возмутила низкая цена, которую тот предлагал за мертвую душу.

Прокомментируйте это реальное событие.

4. На основе данных фактов и знакомства с биографией Гоголя сформулируйте ваши ожидания от чтения его поэмы. Какие вопросы у вас возникли?

Просто читаем

Прежде чем начать разговор о поэме, приглашаем вас прочитать любую страницу гоголевского повествования. Вспомните, как Пушкин определил особенность прозы Гоголя: «настоящая веселость»

(эта веселость еще вызвала некоторое раздражение у В. Набокова). А теперь обратимся к словам того же Пушкина после знакомства с первым томом «Мертвых душ»: «Боже, как грустна наша Россия!» В этом, наверное, и кроется главный секрет прозы Гоголя: о грустном он пишет смешно. Значит, задача читателя – за смешным увидеть, разглядеть грустное. С первого раза это не всегда получается, книги Гоголя требуют перечитывания и вчитывания.

На любой странице «Мертвых душ» можно найти только для Гоголя характерные глаголы: «доехал» всего осетра, «пришипился», «засторчал»...

На любой странице можно встретить небывалые по выразительности гоголевские слова: «тюрики и байбаки», «дребезжалки и колесосвистки»...

А сколько всякой мелочи рассыпано на страницах книги! Загляните в чернильницу Плюшкина и вы увидите какую-то заплесневевшую жидкость «с множеством мух на дне».

Странное дело, именно из этих мелочей и рождаются характеры героев Гоголя, иногда почти фантастические, но все равно остающиеся правдоподобными. Весь характер Плюшкина, например, вычитывается из одной фразы: «...Долго еще он ворочал на все стороны четвертку, придумывая: нельзя ли отделить от нее еще осьмушку». Не случайно дважды повторяется «еще» – уж очень хочется Плюшкину сэкономить бумагу.

Все невероятно, преувеличена каждая мелочь, и тем не менее все похоже на правду. Вот Плюшкин «стал писать», выводя буквы, «похожие на музыкальные ноты», «лепя скупой строка на строку». О его руке, отвыкшей от письма, Гоголь вдруг говорит как о породистой лошади: «прыть руки, которая рассказывалась»...

Одна деталь – и весь характер персонажа перед нами. «Вся сердцевина лица выступала у него вперед и пошла в нос» – так нарисован чиновник Иван Антонович, нос которого привык «вынюхивать» взятки.

А вот описание губернского бала. «Галопад летел во всю пропадую: почтмейстерша, капитан-исправник, дама с голубым пером, дама с белым пером, грузинский князь Чипхайхилидзе, чиновник из Петербурга, чиновник из Москвы, француз Куку, Перхуновский, Беребендовский – все поднялось и понеслось...» Удивляет все: «галопад», в котором есть что-то от музыки и что-то от скачки коня, редкая пестрота персонажей, говорящие фамилии, перья вместо дам, ...

«Комизм кроется везде, – писал Гоголь. – Живя среди него, мы его не видим; но если художник перенесет его в искусство, на сцену, то мы же сами над собой будем валяться со смеху».

Над чем же смеется Гоголь? Как рождается смешное в его поэме? Начните с ответов на эти вопросы, с чтения пока лишь одной страницы. Поделитесь своими наблюдениями с товарищами.

А теперь отправимся в странствие по Руси вместе с главным героем поэмы, «приобретателем» (не правда ли, звучит современно?) Чичиковым.

Кстати, есть ли, на ваш взгляд, разница между «приобретателем» и «предпринимателем»?

Особенности композиции поэмы

Приезд Чичикова в город NN. Акварель П. Соколова. 70–80-е годы XIX в.

Сюжет поэмы прост, в нем нет захватывающих приключений и сцен: главный герой спокойно и буднично перемещается в пространстве и времени в поисках ревизских душ умерших крестьян. Столь же проста и безыскусна композиция поэмы.

Просмотрите книгу, познакомьтесь с ее построением. Отделите от общего повествования первую главу – развернутую экспозицию, знакомящую читателей с героями поэмы, и последнюю главу, подводящую итоги. Что объединяет оставшиеся II–VI и VII–X главы?

Однако, несмотря на разное содержание этих двух композиционных кругов, весь сюжет держит общая мысль, которая отчетливо звучит во вставной «Повести о капитане Копейкине». На первый взгляд эта повесть не имеет никакого отношения к сюжету, да и действие ее происходит в Петербурге, а не в губернском городе NN и не в помещичьих усадьбах. Единственная нить, формально свя-

зывающая повесть с поэмой, – это почтмейстер, который рассказывает чиновникам о капитане Копейкине, уверяя их, что Чичиков и был этим капитаном. Почему же тогда Гоголь приложил огромные усилия, чтобы повесть прошла через цензуру и осталась в поэме?

Перескажите содержание повести и попробуйте самостоятельно определить ее задачу в поэме.

Сам Гоголь так ответил на этот вопрос в одном из писем: «Кусок этот необходим не для связи событий, но для того, чтобы на миг отвлечь читателя, чтобы одно впечатление сменить другим, и кто в душе художник, тот поймет, что без него остается сильная прореха». Да, связь событий нарушена, но зато на другом художественном материале развивается одна из сквозных тем поэмы – тема «омертвевшей» души: душа вельможи, ответившего ледяным холодом на просьбу о помощи капитана Копейкина, искалеченного участника войны 1812 года, мертва. Меняются обстановка, герои, время и место действия, не меняется одно – умирание души человеческой.

Раскрытию этой темы и подчинены в первую очередь сюжет и композиция поэмы, несмотря на то что многие составляющие их житейские эпизоды, действительно, граничат с анекдотом.

Какой эпизод из «помещичьих» глав вам кажется особенно анекдотичным?

Чичиков и помещики в поэме

Проследите маршрут странствий Павла Ивановича Чичикова. Подготовьте рассказ об одном из помещиков по плану:

- 1) описание деревни;
- 2) описание помещичьей усадьбы;
- 3) описание внешнего вида помещика;
- 4) реакция помещика на предложение Чичикова;
- 5) поведение помещика в сцене купли-продажи;
- 6) лирическое отступление как средство типизации;
- 7) отношение Чичикова к помещику;
- 8) ваше отношение к помещику, менялось ли оно.

Сделайте вывод о том, что объединяет их всех, несмотря на индивидуальность каждого. Попробуйте объяснить, почему Гоголь начинает знакомство с помещиками с Манилова, а заканчивает Плюшкиным? Случайна ли, по-вашему, последовательность появления помещиков на страницах поэмы?

Изображая своих героев, Гоголь прибегает к знакомым вам художественным приемам и способам создания образа: говорящие фамилии, гипербола и гротеск, ирония, сарказм, синекдоха (когда вместо целого называется лишь его часть), речь и портрет персо-

нажей, интерьер, вещи, иронический пейзаж, особая интонация повествования, прямые и не прямые оценки, ремарки автора.

Какие приемы использует Гоголь для создания образа помещика, о котором вы рассказывали? Нарисуйте героя гоголевским и своим словом.

Гоголь показывает в поэме два пути развития русского помещичьего дворянства, противоположные только на первый взгляд. Первый отличают отсутствие у помещиков интереса к хозяйству, безответственное, легкомысленное, расточительное отношение к своим обязанностям. Второй характеризуется гиперболизированным интересом к хозяйственной деятельности при общей бездуховности, приземленности, скупости, стремлении к наживе.

Отнесите каждого из помещиков к какой-либо группе. Убедитесь в том, что писатель чередует их.

Такое чередование создает эффект контраста между предшествующим и последующим персонажем. Но только эффект – на самом деле оба пути ведут к деградации, в первую очередь духовной, к вырождению, «омертвлению» души.

Докажите справедливость этого утверждения.

Обратите внимание: у большинства помещиков нет прошлого, словно они такими и родились на свет, их характеры статичны.

Иное дело – Чичиков, его характер развернут в биографию. Рассказ о детстве Чичикова настолько подробен, что мы знаем о нем все, вплоть до той минуты, когда его осенила мысль о купле душ умерших крестьян. Мы видим, как постепенно растет в нем жажда наживы.

Составьте рассказ о жизни Чичикова. Проследите, как он становился «приобретателем». Что сближает Чичикова с помещиками, нарисованными Гоголем?

Есть еще одно отличие Чичикова от помещиков: последние живут и действуют бездумно, инстинктивно, Чичиков же постоянно размышляет.

Проанализируйте одно из размышлений героя (например, после увольнения с таможни за контрабанду). Найдите в нем элементы самооправдания, обвинения в адрес других, проявления угрызений совести. Сделайте вывод о чичиковском понимании морали.

И только один образ из ряда героев первого тома поэмы строится на тех же основах, что и Чичиков, – Плюшкин. У него есть прошлое, его характер развернут в постепенных изменениях от рачительного хозяина до погубленного неимоверной скупостью

человека. Как важно, оказывается, иметь прошлое: ведь если за спиной есть прошлое, можно рассчитывать и на будущее, на развитие, изменение. Очевидно, так рассуждал Гоголь, выделяя этих двух героев из всей системы персонажей.

Немаловажно и то, что и у Чичикова, и у Плюшкина есть одна очевидная порочная страсть – приобретательство и скупость. Попробуйте выделить подобную разрушающую личность страсть у других помещиков – едва ли вам это удастся. Определенность страсти оставляет надежду на исправление, ведь легче освободиться от явного порока, чем совершенствоваться вообще. Таким образом писатель намекает на будущее перерождение Чичикова и Плюшкина: эти герои, по замыслу Гоголя, пройдя через новые преступления, срывы, должны были исправиться только к концу третьего тома. Но мы уже знаем, что против Гоголя была сама жизнь да еще его талант, верный художественной правде.

Особенности жанра

Жанр «Мертвых душ», безусловно, можно отнести к художественным открытиям Гоголя, хотя и для исследователей творчества писателя, и для читателей он до сих пор остается загадкой. Любопытно, что сам Гоголь долго колебался в определении жанра и в письмах к друзьям, например, называл свое произведение «предлинным романом».

Найдите элементы романа в «Мертвых душах». В случае необходимости обратитесь к литературоведческому словарю.

В литературной критике известно несколько попыток объяснить, почему же Гоголь все-таки остановил свой выбор именно на поэме. Одна из самых распространенных точек зрения сводится к соотношению повествования Гоголя с античными поэмами Гомера «Илиадой» и «Одиссеей» и «Божественной комедией» Данте. Их отличают особая масштабность, преобладание эпического начала над лирическим, временная и пространственная протяженность. Но это лишь одна из гипотез.

В теории литературы поэма определяется как лиро-эпический жанр, для которого характерны развернутый сюжет, развернутый образ лирического героя-повествователя. И действительно, без голоса рассказчика, без многочисленных лирических отступлений от «Мертвых душ» остается только незамысловатый рассказ о приезде Чичикова в губернский город и его встречах с помещиками и чиновниками. По-видимому, именно особый характер повествователя в «Мертвых душах» и позволяет назвать прозаическое произведение поэмой.

Обратитесь к главам II, VI, VII и XI и проследите по тексту, где рассказчик выступает как конкретная личность, где — как автор, оценивающий своих героев, где — как поэт, воплощающий «дух народа».

Найдите лирические отступления, в которых Гоголь размышляет о судьбе Руси, величии русского народа.

Образ России в поэме

Желая изобразить в поэме «всю Русь» «с одного боку», Гоголь в результате, по наблюдению современного критика И.П. Золотусского, создал удивительно разностороннюю картину: «На небольшом пространстве «Мертвых душ» уместилась вся Русь. Кого тут только нет! Кажется, всех званий и всех сословий коснулся в них Гоголь, никого не обошел. Дворянство, крестьянство, офицерство, губерния, Петербург, трактир и кабаки, катакомбы канцелярий (которые Гоголь сравнивал с кругами ада) и русский необъятный простор».

«Разверните» наблюдение И.П. Золотусского примерами из текста.

Для литературы реализма характерны две противоположные тенденции в изображении России, обычно переплетающиеся в творчестве писателя: начало критическое и начало патриотическое (вспомните произведения Лермонтова «Бородино» и «Прощай, немытая Россия!»). Та же двойственность отличает и поэму Гоголя. На страницах «Мертвых душ» мы видим реальную Россию 40-х годов XIX века (город и поместья, чиновники и представители власти, помещики и крестьяне), подвергающуюся беспощадной критике писателя. Но здесь же живет Россия его мечты — страна бескрайних просторов, где каждый может реализовать свои потенциальные возможности, где живы традиции народной культуры, языка. Гоголевская Россия противоречива и неоднозначна, но такова она и в действительности.

Найдите в тексте поэмы две противоречивые картины, доказывающие неоднозначность отношения Гоголя к России.

Подведем итоги

1. «Мертвые души» — название, построенное на оксюморо́не (внутреннем противоречии двух признаков). Покажите многозначность названия романа. Могут ли, по мнению Гоголя, жить среди нас «мертвые души»? Кого, по-вашему, можно назвать истинно «мертвыми» и истинно «живыми душами» в поэме?

Чичиков и Манилов

Чичиков и Коробочка

Встреча Чичикова и Ноздрева на постоялом дворе

Чичиков у Собакевича

Разговор Чичикова с мужем по дороге к Плюшкину

Плюшкин с деньгами

В губернской канцелярии

Чичиков на балу у губернатора

Разговор дам

Чичиков

Манилов

Коробочка

Ноздрев

Собакевич

Плюшкин

Мижухев

Губернский олимп (чиновники губернского города NN)

Иван Антонович

2. Расскажите о Чичикове как о социальном типе, не сбиваясь на пересказ его биографии. Можно ли отнести Чичикова к «мертвым душам»? Менялось ли и как ваше впечатление о нем по ходу чтения?
3. Объясните присутствие автора в повествовании. Найдите страницы поэмы, где авторская ирония, сарказм сменяются нотами лиризма, боли, сострадания.
4. Каково авторское определение жанра этой книги? Совпадает ли оно с вашим восприятием «Мертвых душ»?
5. Сопоставьте «городские», чиновничьи страницы поэмы с «деревенскими», помещичьими. Какие из них вольготнее и спокойнее, а какие — жестче, саркастичней? Как вы можете это объяснить?
6. Как вы понимаете выражение И. Андроникова: «Гоголем невозможно начитаться»? В чем заключается своеобразие языка, искусство детали у Гоголя?
7. Познакомьтесь с портретной галереей гоголевских героев в исполнении художников А.А. Агина, П.М. Боклевского (см. с. 20–21). Совпадает ли видение художников с вашими представлениями о героях Гоголя?
8. Подготовьте свою «Повесть об одном приобретателе». Попробуйте перенести повествование в наше время. К каким выводам вы пришли?
9. Найдите в тексте описание глаз Манилова, Плюшкина. Сопоставьте их с описанием глаз Печорина у Лермонтова. Сделайте вывод, как, используя данный прием, писатели выносят своеобразный приговор своим героям.
10. Проведите исследовательскую работу. Найдите в последней главе поэмы черты романтизма и реализма. Сделайте вывод о справедливости утверждения Н.Н. Скотова о сосуществовании различных литературных направлений в литературе первой половины XIX века.
11. Исследователь К. Мочульский писал, что Гоголю «было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского». Он считал Гоголя гениально одаренным не только в литературе, но и в «нравственной области». Как вы понимаете его слова? Чью позицию вы разделяете — К. Мочульского или В. Набокова, утверждающего, что Гоголь стал проповедником всего лишь потому, что «ему нужна была кафедра для объяснения нравственного смысла своих произведений»?
12. Проследите развитие образа дороги в поэме. Чем, по-вашему, привлекает этот образ Гоголя?
13. Проведите наблюдения над контрастностью интонации в поэме. Чем вы можете объяснить эту особенность авторского повествования?

14. Подготовьте сообщение на тему «Образ гоголевского города», опираясь на тексты «Ревизора», «Шинели», «Мертвых душ». Используйте в работе наброски Гоголя к первому тому «Мертвых душ»: «Идея города. Возникшая до высшей степени Пустота... Весь город со всем вихрем сплетней – преобразование бездельности жизни всего человечества в массу...». Прокомментируйте, как авторский замысел реализовался на страницах «Мертвых душ».

Русская критика о Чичикове

1. Спор о Чичикове в русской критике начался еще при жизни Гоголя. Известно, например, абсолютное несходство позиций В.Г. Белинского и К.С. Аксакова. Объясните существование самых противоречивых оценок Чичикова: от «по-настоящему сильная личность» (В.В. Кожин) до «дурак», совершающий «промах за промахом» (В.В. Набоков).

2. До чтения страниц современной критики, посвященных в первую очередь Павлу Ивановичу Чичикову, сформулируйте свое понимание сути этого героя, его роли в поэме Гоголя, во всей русской литературе.

И.П. Золотусский (из работы «Горизонт без конца», 1984 г.): В шкатулке тайные намерения героя Гоголя обращены в явные, документально подтверждены и обоснованы, скреплены – печатями и подписями. Начиная от банковских билетов (ассигнаций), которые упрятаны в особо потайном ящичке, и кончая бумагами для заключения купчих крепостей. Мыльница и другие приспособления для туалета говорят о том, что Чичиков – опрятный человек; сургучи и перья – что он деловой человек; сорванная со столба афишка – что он друг Мельпомёны. Впрочем, афишка эта, как поясняет Гоголь, нужна была Чичикову более для определения цены партера в городском театре.

Ибо он не только смертный, но и живой человек.

«Кровь Чичикова играла сильно», – пишет Гоголь. Кажется, он имеет в виду одну страсть своего героя – страсть к приобретательству. Он так и называет Чичикова: «хозяин», «приобретатель». С легкой руки автора это имя закрепилось за главным героем «Мертвых душ».

Но зачисление Чичикова в отрицательные персонажи происходит в том месте поэмы, где Гоголь спорит со своим читателем, предполагая, что ему, читателю, не понравится его герой. Он даже называет Чичикова «подлецом»; «...припряжем подлеца!», – восклицает Гоголь.

Но слово «подлец» возникает в контексте спора, где на другом полюсе стоит некий «добродетельный человек», которого требует

читатель и которого уже давно, по мнению Гоголя, заездили писатели. Этот добродетельный человек (читай, положительный герой) уже стал лошадью, он выдохся, он уже мертвый человек, «как мертвая книга перед живым словом».

Итак, «подлец» возникает на другом полюсе «добродетельного человека» как его антитеза и отрицание. «Подлец» не «добродетельный человек», а значит, не мертвый, а живой герой.

Припряжем живого человека! – вот мысль Гоголя.

Недаром Достоевский считал Чичикова одним из немногих героев русской литературы. В его списке Чичиков стоит рядом с Онегиным и Печориным, которых никто, надеемся, еще не считал подлецами. Поступая так, мастер изображения человеческого подполья, а также борьбы Бога и черта в душе человека имел в виду, что у героя Гоголя есть свой «верх» и «низ», что ему, как и любимым героям Достоевского, даны свои «падения» и «восстания».

Если заглянуть в детство Чичикова и вспомнить, что он рос без матери, то это о многом скажет. Бедное детство, бедное не только по отсутствию благ, но и материнской ласки, оно должно было перерасти и в черствую юность, и в холодное мужество, которое, в конце концов, привело к «охлажденности» всей души Чичикова.

Душа его спрятана в шкатулке; открывая этот ларец, Чичиков как бы беседует с самим собою, но и здесь лежат только мертвые бумаги, которые ему дано лишь на мгновения оживить своим чувством. Так оживляет он восклицанием «сердечные мои» списки умерших крестьян, проданных ему Коробочкой и Собакевичем. Здесь шкатулка-душа приоткрывается, и хозяин-приобретатель предстает перед нами не как хозяин и приобретатель.

«Мертвые» в «Мертвых душах» присоединяются к живым, встают с ними в один ряд, образуя то живое народонаселение России, без которого эта поэма была бы недонаселена; Гоголь говорит, что Селифан и Петрушка даже не второстепенные и не третьестепенные ее герои, что тут есть лица поважней. Но он лукавит. Именно эти мужики, а с ними заодно и четыреста душ «мертвых», которые скупил Чичиков в энской губернии, и есть те самые первостепенные герои, которые составляют ее живую плоть.

На небольшом пространстве «Мертвых душ» уместилась вся Русь...

Бричка Чичикова путешествует не в безвоздушном пространстве. По сторонам ее пути то и дело попадают попутчики и пешеходы, один из них – пешеход в протертых лаптях – направился куда-то, как пишет Гоголь, за 800 верст.

Чичиков настолько свыкается с тем, что купленные им крестьяне – купленные, как тогда говорили, «на вывод», то есть для переселения на другие земли, – живые, что в конце седьмой главы, несколько подвыпив, отдает Селифану «приказания собрать всех вновь переселившихся мужиков, чтобы сделать всем лично поголовную переключку».

Из таких, как они, мужиков и хотел бы он в мечтах создать некую Чичикову слободку, деревеньку, где бы он, Чичиков, был и хозяином, и главою семьи, и обладателем дома.

«Эй, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху...» В этих конях не узнать ни чубарого, ни каурого, ни гнедого. Это не те знакомые нам коняги, на которых покрикивает Селифан и которым, осерчав на Чичикова за то, что он отказался играть с ним в карты, отказался дать овса Ноздрев. Это окаменевший в медном литье ветер, это само движение, получившее права бессмертия.

П.Л. Вайль, А.А. Генис (из книги «Родная речь», 1991 г.): Свою Россию Гоголь строит с самого начала на пустом месте. Географическая точка – город NN – и в ней человек, самый заурядный, самый обыкновенный: «Ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод».

Человек этот такая же абстракция, как буквы NN в названии города. Таким и должен быть герой путеводителя – типичный пример, любой и каждый, нейтральный и невзрачный инструмент исследования.

Выбор автора случаен. Мог бы подвернуться и кто-нибудь другой. Например, молодой человек из того же первого абзаца, про которого зачем-то написано, что у него была «манишка», застегнутая тульской булавкой с бронзовым пистолетом. Но молодой человек навсегда ушел «своей дорогой», а господин в бричке остался. Что ж, пусть он и будет главным, какая разница?..

Заурядность, серость Чичикова, этого «господина средней руки», постоянно подчеркивается автором. Его герой мелок во всех проявлениях своей сущности. Ограниченность – главная черта Чичикова. И карьеру свою он строит из скучных кирпичиков – бережливости, терпения, усердия. Мечты его приземлены и ничтожны: «Ему мерещились впереди жизнь во всех удовольствиях, со всеми достатками; экипажи, дом, отлично устроенный, вкусные обеды»...

Маленький человек с маленькими страстями, Чичиков знает одну цель – деньги. Но и тут он недостаточно последователен, чтобы стать воплощением злодейства. Зачем Чичиков остается в городе NN после оформления купчих крепостей? Зачем легкомысленно влюбляется в губернаторскую дочку? Зачем нерасчетливо наслаждается дружбой городских чиновников?

Все оттого, что Чичиков на самом деле не столько ищет капитала, не столько ждет исполнения своих коварных планов, сколько надеется войти в человеческую жизнь – обрести друзей, любовь, тепло. Он хочет быть своим на празднике жизни, который устраивают в его честь «энские» горожане. И ради этого откладывается афера. Чичиков тормозит сюжет, примеряя то маску херсонского помещика, то наряд первого любовника. В апофеозе светских успехов он сбрасывает с себя бремя маленького человека. Он распрямился настолько, что сумел даже на время забыть про свою вожденную шинель.

Но маленький человек годится лишь для своей роли. И Чичикову не дано ни в чем добиться успеха. Вечно у него все рушится в последний момент, никак ему не удастся подрасти хотя бы до обещанного автором «подлеца».

Почему, собственно, ловкий Чичиков обречен на провал? Гоголь ясно отвечает на этот вопрос: Чичиков слишком мелок для России, для этой грандиозной, мифической державы.

Автор сожалеет о нем, как и о Башмачкине, но не может не показать, что маленькие люди сами виноваты в мизерности своей судьбы. С горечью Гоголь восклицает: «Хоть бы раз показал он в чем-нибудь участие, хоть бы напился в пьян и в пьянстве рассмеялся бы; хоть бы даже предался дикому веселью, какому предается разбойник в пьяную минуту... Ничего не было в нем ровно: ни злодейского, ни доброго.

Да, Чичиков – не запорожец. Но самое страшное, что он живет в России. Маленький человек в огромной стране – вот трагический масштаб «Мертвых душ»...

Гоголь с наслаждением описывает свою Русь, где тайна заключена во всем, где ничего нельзя объяснить до конца, где жизнью управляет абсурд, нелепица.

Нормален в «Мертвых душах» один Чичиков. Хотя вроде бы и у него есть тайна. Десять глав читатель, как и все персонажи книги, не знает, зачем Чичикову мертвые души. Но в одиннадцатой главе, выясняется, что чичиковская тайна – ненастоящая: она имеет разгадку.

Чичиков – единственный герой поэмы, который знает, что и зачем делает: он шьет себе шинель. Тайна мертвых душ оказывается заурыдной аферой, мелким жульничеством. Про Плюшкина не ска-

жешь: он копит добро, чтоб разбогатеть. И Ноздрев врет не себе на пользу. А вот Чичиков – как на ладони. Гулливер среди великанов, он – воплощенная норма, материал для сравнения. Обычный среди необычного, он разрушает своим появлением сказочный мир гоголевской России. Чичиков – герой другого романа.

Пусть бы он был самозванец, как Хлестаков, пусть бы великолепный шарлатан, пусть капитан Копейкин, пусть Бонапарт! Но нет, Чичиков – маленький человек, и ему принадлежит будущее. Ведь он единственный персонаж «Мертвых душ», который что-то делает.

Город NN со всеми окрестностями погружен в вековую спячку. Тут царит праздность – бесцельная и вечная. А Чичиков – буржуй. Это Онегин и Печорин берут деньги из тумбочки. Это они не опускаются до меркантильных расчетов. Чичиков деньги зарабатывает. Трудолюбивое насекомое, он верит, что «цель человека все еще не определена, если он не стал наконец твердой стопой на прочное основание». И ничтожность натуры не позволяет ему понять, насколько мнима прочность этого «основания».

Однако, как ни уютно было Гоголю с его бесполезными монстрами, Русь-тройку он запряг, чтобы везла она Чичикова – других не было.

Из своего итальянского далека Гоголь взирал на родину глазом государственного человека. Чтобы Россия пришла в движение, чтобы и вправду посторонились «другие народы и государства», надо, чтобы аллегорической тройкой управлял Чичиков – средний, рядовой, маленький человек. Что с того, что он нам не нравится? Гоголю он тоже не нравился. Но, повторим, других-то нет.

<...> Чичиков – герой нового времени. Он еще не устоялся, еще не завершен. Его энергия – отражение внутренней противоречивости. Поэтому, в деятельном негодяе и просвечивает что-то человеческое.

«Припряжем подлеца», – говорит Гоголь, пристраивая Чичикова к птице-тройке, – но сделаем так, чтобы в подлеце родился человек. Чтобы он, осознав изменчивость своей цели, направлял хватку, сметку, волю на подвиг христианского труда и государственного строительства.

Чтобы Русь понеслась к ослепительному идеалу, именно Чичикову надо пережить «второе рождение», именно с ним должно случиться чудо обращения, которое так часто происходит с будущими героями Толстого.

1. Как оценивают Чичикова И. Золотусский, П. Вайль и А. Генис? В чем критики близки и в чем расходятся? Чья точка зрения вам ближе?

2. Выпишите из работ прямые оценки Чичикова. Какие из них, по-вашему, противоречат тексту поэмы?

Развитие речи.

Сочинение в жанре путешествия

Конечно, мы не случайно обращаемся к сочинению в жанре путешествия и предлагаем вам написать сочинение на тему «Путешествие по России». Русская литература XVIII – XIX веков наполнена литературными путешествиями, как, впрочем, и фольклор, и древнерусская литература. А.Н. Радищев с его «Путешествием из Петербурга в Москву»; Грибоедов с его Чацким, который, возвратившись из длительного путешествия, вновь отправляется «искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок». В этот же ряд попадают А.С. Пушкин с его главой о путешествии Онегина, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь...

Литературное путешествие многолико: может выступать как особый жанр, как разновидность поэмы, очерка, романа, как составная часть произведения. Чаще всего путешествие становится композиционной основой произведения, что дает автору полную свободу для развертывания сюжета.

Вспомните все известные вам литературные путешествия и определите, в каком качестве выступает каждое из них.

Выделим основные признаки жанра:

1) в основе путешествия лежит описание путешественником достоверных (воображаемых) сведений о каких-либо странах, землях и пр.;

2) внимание читателя сосредотачивается не только на внешнем плане, но и переносится в план внутренний – на чувства и переживания путешествующего героя;

3) пишется путешествие чаще в форме заметок, записок, дневников (журналов), мемуаров, очерков;

4) возможно включение в путешествие писем, автобиографий, нравоучительной проповеди;

5) сюжет может быть единым, а может складываться из отдельных фрагментов;

6) это свободный жанр, практически ни в чем не знающий границ.

Следующий этап работы – обдумывание замысла:

– отберите содержание (достоверное или вымышленное, время и место путешествия, его герои, способ передвижения);

– составьте общий план путешествия;

– выберите форму сочинения (заметки, записки, дневники, мемуары, очерки);

– проверьте, выдерживается ли целостность путешествия (есть ли сквозной герой, объединяющая мысль, тема и пр.);

– озаглавьте сочинение.

Кстати, многие известные в литературе путешествия создавались как пародия на уже существующие: так, например, родился роман Сервантеса «Дон Кихот».

Возможно, кто-то из вас тоже попробует написать пародию на известное всем путешествие, созданное в XVIII–XIX веках.

Подведем итоги

Итак, закрыта последняя страница поэмы Гоголя «Мертвые души», последняя страница книги, представляющей в нашем учебнике литературу первой половины XIX века.

Подумайте, почему комедия Грибоедова «Горе от ума», роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин», роман Лермонтова «Герой нашего времени» и поэма Гоголя «Мертвые души» стали не просто знаками своего времени, но и вечными спутниками русской культуры, русской жизни вообще. В своем ответе вы можете опираться на следующие выводы критиков и литературоведов:

1) Все эти произведения носили обобщающий, синтезирующий характер, аккумулировали в себе многообразные мотивы, настроения, переживания разных поэтов и писателей.

2) Это были по-настоящему настольные книги, наиболее полно представившие Россию в целом. Не случайно современники называли «Горе от ума» «светской библией». «Евгений Онегин», по определению Белинского, — «энциклопедия русской жизни». «Герой нашего времени» по замыслу автора — история души человеческой. Поэму «Мертвые души» еще при жизни Гоголя сравнивали с греческим эпосом, да и сам он заявлял, что хотел в ней отобразить, пусть даже с одного боку, но «всю Русь».

3) Все перечисленные писатели стремились к художественной выразительности, которую более всего дает стихотворная или близкая к стихотворной речь, и потому их произведения в разной степени, но поэтические. Комедия Грибоедова написана в стихах. «Евгений Онегин» — роман в стихах, «Герой нашего времени» — роман, исполненный лиризма, «Мертвые души» — поэма в прозе.

Иллюстрации к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души».
Черная акварель А. Лаптева. 1951

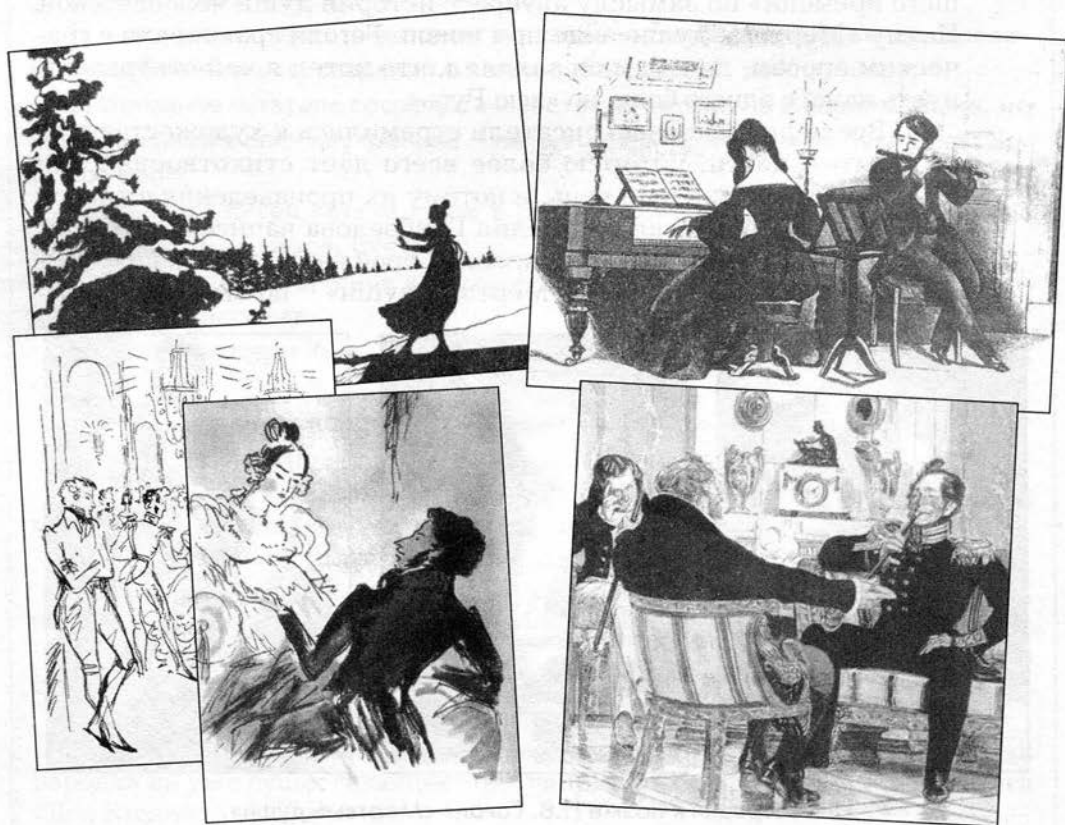
4) «Горе от ума», «Евгений Онегин», «Мертвые души» дали удивительное количество пословиц, поговорок, крылатых слов и выражений, вошедших в общенациональную жизнь, живущих и сейчас, чаще уже самостоятельно, безотносительно к своему источнику.

5) Эти книги положили начало типическим, ставшим нарицательными образам: постоянному герою русской литературы – лишнему человеку; открыли тип русской героини, с которым будут связаны последующие образы русских женщин в нашей литературной классике – прежде всего тургеневских.

Попробуйте «развернуть» первое наблюдение (с. 29), дополните его конкретными примерами.

Вспомните пословицы, поговорки, крылатые слова и выражения, вошедшие в нашу речь из литературы 1-й половины XIX века. Подготовьте материал для игры-викторины «Кто сказал: ...».

Кого из известных вам литературных героев вы отнесли бы к типическим характерам, лишним людям, идеальным женским образам? Назовите 3–4 характеристики каждого понятия, например: «лишний человек» – отсутствие осмысленной деятельности, непонимание окружающими...

Иллюстрации к произведениям А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и А.С. Грибоедова «Горе от ума»

ВЕРШИНЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕДИНЫ XIX века

ЭПОХА

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ПОД РЕДАКЦИЮ М. ДОСТОЙЕВСКАГО

1864

МАЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ОСОБЫЕ ВЪЗНУШЕНІЯ (Рассказъ Гонимова) Лилия Уткина. 1
Оригиналы (Завѣщаніе слѣдователя, Навѣщеніе на уби- 27
ица). Н. М. Соловьевскаго.

Удѣльное дѣло (Очеркъ изъ исторіи русской сло- 28
вности. Въ трехъ частяхъ) Часть 1. ОТОСТАЮЩІЙ.
Александровъ.

Рассказъ Маршалавъ, по повѣствованію покойной 110
госпожи. Сочиненіе Александра Гринке.

Изъ литературныхъ и нравственныхъ оцѣнокъ. 1. Записки о г-нѣ Н. Мазарета Скоттъ и о г-нѣ
и г-нѣ. Александръ Гринковъ.

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ПОД РЕДАКЦИЮ М. ДОСТОЙЕВСКАГО

ТОМЪ I

ПУТЕШЕСТВИЕ 4

ВЕРШИНЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Продолжаем плыть по реке времени, внимательно вглядываясь в то, что происходит на берегу эпохи, мимо которой мы движемся. Перед нами открывается картина: Россия 1850–1880-х годов. Какая она? Какие события владеют умами мыслящих людей?

На общественной жизни России не могли не отразиться политические события, происходившие в Европе в конце 40-х годов: революция 1848 г. во Франции и ее влияние на политическую ситуацию в Австрии и Пруссии, национально-освободительное движение в Венгрии, Польше, Чехии... Передовая часть русского общества, особенно в столицах, с восторгом принимала известия из-за границы, надеялась на возможность перемен в России. Росло недовольство властью и среди городских низов и крестьянства. Правительство Николая I принимает крайние охранительные меры: усилилась политическая слежка, русские подданные срочно возвращены из-за границы, иностранцам запрещен въезд в страну, начинается период жесткой цензуры в печати, который продолжался до 1856 года.

Начало 50-х годов XIX века. Россия ощущает себя одной из сильнейших стран Европы и подумывает о захвате и присоединении к своим территориям земель своих соседей. Результатом стала Крымская война 1853–1856 годов. Начавшись как победоносная, она после вступления в войну Англии и Франции оборачивается для России поражением. Крымская война показала примеры

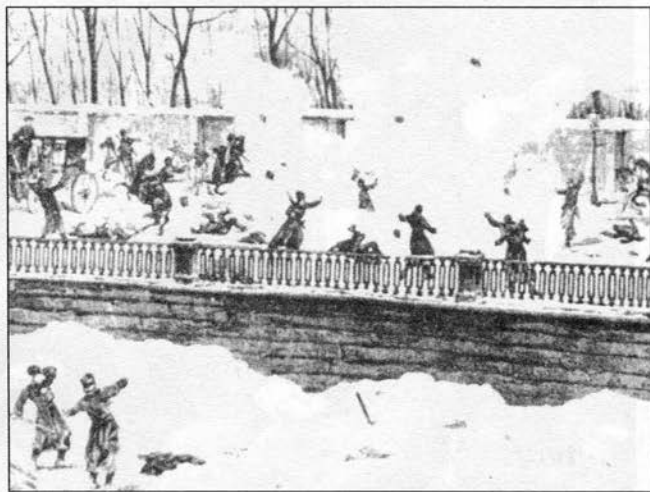
величия духа, самоотверженности и мужества русских солдат и простых людей, подарила истории имена гениальных российских полководцев. Но главным итогом войны стал унижительный для нашего государства Парижский мир и понимание, что Россия на самом деле экономически отстает от многих стран Европы.

Умирает Николай I, тот, чье восшествие на престол ознаменовалось казнью декабристов и репрессиями. После его смерти в 1855 году начинает царствовать его сын Александр II. Он получает страну, развитие которой тормозят крепостное право, всевластие чиновников и реакционных политиков. В воздухе витает угроза непослушания и бунта. Александр II решается подготовить и начать реформы, которые давно ожидались. Главная из них – отмена в 1861 году крепостного права. Однако ее неоднозначность и неполнота запустили в обществе новые негативные процессы.

Либеральные реформы сочетаются с антилиберальными. В России появляются революционные организации. Одни предлагают просветительский путь изменения жизни страны. Другие считают, что только физическим устранением верховных руководителей можно решить все проблемы. Переломным моментом в жизни страны стала попытка студента Дмитрия Каракозова в 1866 году убить Александра II. Впервые за долгие годы было совершено покушение на главный символ государства – на царя. Государь ответил сворачиванием «освободительных реформ». Но остановить неизбежные последствия проведенных реформ было уже нельзя: изменился привычный уклад жизни России, начался промышленный переворот, создаются элементы гражданского общества. Россия восстановила свои позиции в Европе и расширила

Александр II

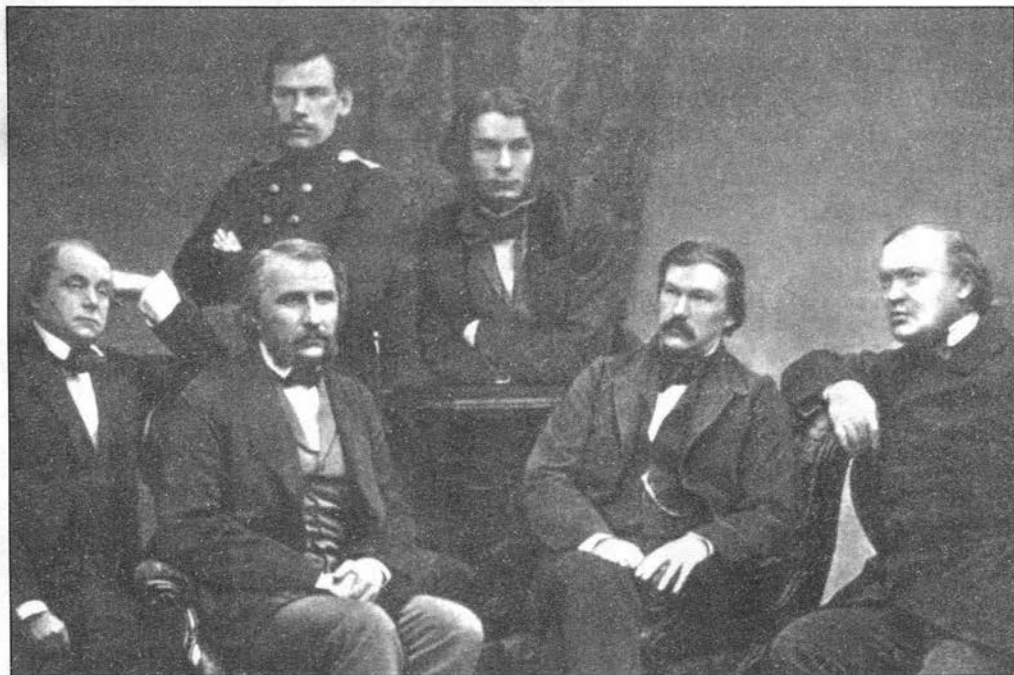
Покушение на Александра II в Петербурге

границы империи. Российские дипломаты блестяще решают многие дипломатические проблемы. Развивается наука.

Однако идеи изменения жизни страны через индивидуальный террор все набирали силу. С 1878 года по России прокатилась волна террористических актов, направленных на представителей власти. Царь и чиновники отвечали репрессиями и казнями, что вело к новым террористическим актам. Страх и неуверенность охватывают многих людей в стране. 1 марта 1881 года народо-вольцами был убит царь-освободитель Александр II. На престол взошел Александр III, который начал контрреформы в России.

Но мы с вами вернемся к литературе...

Внутренние и внешние события серьезно влияли и на развитие литературного процесса: вслед за западными революциями, и прежде всего французской революцией 1848 года, в России последовало ужесточение всей культурной политики. Начались цензурные преследования и запрещения, реальные репрессии. Так, когда в 1852 году умер Гоголь, то всего лишь за некролог на его смерть И.С. Тургенева отправили в ссылку. Пострадал и Ф.М. Достоевский, участник кружка, возглавляемого социалистом Петрашевским. Чуть ли не единственным обвинением в адрес писателя было чтение письма Белинского к Гоголю. Да и само имя главы русской критики предшествовавшего периода попало под запрет.

Портрет русских литераторов. Фото С. Левицкого. 15 февраля 1856 года

На таком сложном фоне шло развитие литературы и журналистики. Именно в литературных журналах того времени публиковали свои произведения Тургенев и Толстой, Гончаров и Достоевский, Некрасов и Островский. При этом вклад в литературу вносили журналы самых разных направлений и разных общественных позиций: «Современник» (1846–1866), «Отечественные записки» (1868–1884), «Русский вестник» (1856–1887) и др. В них были сосредоточены лучшие силы русской критики, печатались статьи революционных демократов Чернышевского, Добролюбова, а также стоявших на противоположных общественных позициях умеренных либералов Дружинина, Анненкова и др. Главное, что критика этого времени уже не сводилась к имени одного автора, безусловного, почти не ошибавшегося, каким был в своих статьях Белинский.

Чем можно объяснить спад уровня литературной жизни в целом и бурное развитие журналистики в середине века?

Проверьте себя. Имена каких литературных критиков, кроме Белинского, вам известны? Кого из них можно отнести к современным критикам? Важно ли сегодня, на ваш взгляд то, на какой общественной позиции стоит критик? Какие современные литературные журналы вы знаете? Кто в них печатается?

Попробуйте предположить, какие литературные жанры в эти годы продолжали развиваться, а какие оказались на время невостребованными. Сделайте выводы на основе анализа хронологических материалов.

Важнейшие факты литературной жизни середины XIX века

- 1843–1846. В.Г. Белинский. Статьи «Сочинения Александра Пушкина».
- 1846. Ф. М. Достоевский. Повесть «Бедные люди».
- 1847–1851. И.С. Тургенев. Рассказы «Записки охотника».
- 1848. М.Е. Салтыков-Щедрин. Повесть «Запутанное дело»;
- А.Н. Островский. Комедия «Свои люди – сочтемся».
- 1854. Ф.И. Тютчев. Сборник стихотворений.
- 1852–1857. Л.Н. Толстой. Повести «Детство», «Отрочество», «Юность».
- 1854–1856. Л.Н. Толстой. «Севастопольские рассказы».
- 1855–1856. Н.Г. Чернышевский. Критические статьи.
- 1856. Н.А. Некрасов. Сборник «Стихотворения»;
- А.А. Фет. Стихотворения.
- 1857. А.Н. Островский. Комедия «Доходное место»;
- А.К. Толстой. Сборник «Стихотворения».
- 1858. Н.А. Некрасов. Стихотворение «Размышление у парадного подъезда» и др.;
- И.С. Тургенев. Повесть «Ася».
- 1859. И.А. Гончаров. Роман «Обломов»;
- Н.А. Добролюбов. Критические статьи.
- 1859–1860. А.Н. Островский. Драма «Гроза».
- 1860. Ф. М. Достоевский. Роман «Униженные и оскорбленные».

Обратите внимание, что писатели, которых ждет большое будущее во второй половине XIX века, впервые заявляют о себе в 40-е годы. Это прозаики И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин, публицист А.И. Герцен, поэты Н. А. Некрасов и А.А. Фет, драматург А.Н. Островский.

Кстати, литературные 1840-е годы оказались не очень благоприятными для поэзии, это время поэтического упадка. Лишь в самом конце 40-х годов оживает и усиливается интерес к поэзии.

Новый поэтический подъем начинается лишь с середины 50-х годов. Поэзия снова получает права гражданства на страницах журналов, лучшие критики снова много и заинтересованно пишут о ней. Выходят и часто становятся подлинно выдающимися явлениями литературной и общественной жизни поэтические сборники Некрасова, Фета, Никитина, Полонского, Майкова. Но происходит не просто смена поколений, начинается новый этап творчества поэтов давно сложившихся, но почти замолчавших в непоэтические 40-е годы, например Ф.И. Тютчева.

Очевидно, что на первый план в середине века выходит проза, представленная малыми формами – рассказами и повестями, что свидетельствовало о новых целях творчества. Главная особенность прозы этого времени – склонность к анализу частных сторон жизни, углубленное внимание к внутреннему миру человека, и потому меняются сами характеры героев: это уже не столько *характеры-типы*, сколько *характеры-личности*, причем нередко обычные люди. Лишь с одним исключением вы встретитесь в старшей школе: Обломов, герой одноименного романа И.А. Гончарова, воплотил в себе ставшее нарицательным явление – обломовщину, хотя и в этом случае автор в первую очередь тщательно исследовал внутренний мир своего героя.

Таким образом, в центре внимания ведущих писателей середины века стоит личность героя.

Кого из писателей вы узнали на коллективном портрете русских литераторов (с. 34)?

С творчеством каких писателей-прозаиков и поэтов середины XIX века вы знакомы? Вспомните, что читали в школе, а что – самостоятельно?

Назовите прочитанные вами в 7–8-м классах литературные произведения, авторы которых подробно рассказывали о своих героях. Через какие испытания на личную и общественную состоятельность проходили их герои? Назовите книги и их авторов, где испытанием для героя становились экстремальные ситуации, любовь, нравственный выбор.

А теперь давайте встретимся с новыми для вас и уже знакомыми писателями середины XIX века, откроем для себя страницы их произведений.

Панорама Замоскворечья

Александр Николаевич Островский (1823–1886)

1. Назовите писателей-драматургов первой половины XIX века. С кем из них могла пересечься судьба А.Н. Островского?
2. Познакомьтесь с одной страницей из жизни А.Н. Островского в изложении известного современного литературоведа В.Я. Лакшина. Найдите в материалах эпизод, напоминающий сцену из спектакля.

Жизнь Островского была удивительно ровной, лишенной громких событий и, по-видимости, малоинтересной. Ему не суждено было быть убитым на дуэли, его не высылали из столицы за вольнодумство, как Пушкина, Лермонтова, не приговаривали к каторге, как Достоевского. Он не участвовал в военных сражениях, подобно графу Толстому, не скитался по миру в поисках истины, не сжигал своих книг, как Гоголь. Он не умер на чужбине, тоскуя по родовому гнезду, как Тургенев. Мало того, на склоне лет Островский выкупил у мачехи сельцо Щельково и умер там в кругу семьи 63 лет от роду. Но может ли быть малоинтересной жизнь человека, который населил русскую сцену толпой живых лиц?

...В один из декабрьских вечеров 1849 года профессор Московского университета, известный историк и издатель журнала «Москвитянин» М. П. Погодин созвал к себе гостей. Народу собралось много – литераторы, артисты, ученые. Ждали самого Гоголя. Всем хотелось услышать обещанную хозяином литературную новинку – комедию «Банкрот», сочиненную совсем еще молодым человеком, скромным служащим Коммерческого суда. Об этой комедии, с небывалой откровенностью и художественной правдой рассказавшей о быте и нравах замоскворецкого купечества, шла уже широкая молва по Москве. А между тем пьеса нигде еще не была напечатана, и молодой автор лишь изредка читал ее вслух по рукописи в кругу друзей и знакомых.

Все с любопытством оглядывали белокурого, стройного, франтовато одетого молодого человека, устроившегося в углу, у окон. На нем был коричневый со светлыми пуговицами фрак и по тогдашней моде необыкновенно пестрые брюки. Глядел он застенчиво. Островский объяснил, что будет читать комедию вместе с Провом Садовским и берет на себя женские роли, а ему отдает мужские. В какой-то момент к ним подсел Михайло Семенович Щепкин и, заглядывая в тетрадь, тоже начал подавать реплики за одного из персонажей.

Шумный успех сопутствовал чтению и на этот раз. Простую историю (богатый купец Большов решил обмануть своих кредиторов мнимым банкротством, однако еще более ловкий плут – приказчик Подхалюзин – прибирает к рукам все состояние бывшего хозяина и женится на его дочери) слушали в полной тишине и внимании. Первый ледок настороженности быстро растаял, и в гостиной Погодина то и дело раздавались смех, одобрительные возгласы. Во время

А.Н. Островский

М.С. Щепкин. Литография по рисунку А. Скино

М.П. Погодин. Рисунок Э. Дмитриева-Мамонова

чтения неожиданно вошел Гоголь, запоздавший к началу. Он оперся о притолоку двери да так и простоял неподвижно до конца чтения, не привлекая к себе внимания. Гоголь вскоре уехал, не успев ничего сказать автору, окруженному густой толпой новых поклонников, но сохранилось предание, что через Погодина он передал Островскому записку, в которой тепло приветствовал его талант. Говорят, Островский свято хранил этот клочок бумаги, но текст записки неизвестен, сама она не разыскана, так что придирчивый критик может даже усомниться в том, существовал ли такой документ. Важно, впрочем, другое. Сама литературная легенда, соединившая имена Гоголя и Островского, символична.

Молодой автор в избытке обладал новым, непривычным для литературы материалом. Александр Николаевич Островский с детства был хорошо знаком с особым укладом жизни купеческого Замоскворечья, этого своеобразного уголка старой Москвы, который он открыл для своих читателей и зрителей как некую экзотическую страну, лежавшую и прежде у них под носом, но обойденную до той поры литературой. Драматург словно приглашал своих слушателей последовать за ним в путаницу замоскворецких переулков, заглянуть в окна мещанских домишек и купеческих особняков... Островский видит там множество сцен, то заразительно комедийных, то неподдельно драматичных. Словоохотливые свахи в пестрых платочках красно расписывают достоинства женихов, купцы степенно обсуждают свои плутни за кипящим самоваром, приказчики заискивают перед хозяевами, а где-то в задних комнатах свершаются обыденные семейные драмы, страдает гордая девица душа, бушует разъяренное самодурство.

Смоленский рынок. Гостиница «Ялта»

Торговля скобяными изделиями

Рукопись комедии читали разные лица. Комитет для безгласного надзора над действиями цензуры, за работой которого следил царь, вынес пьесе такую оценку: «Ни одного характера, призывающего на себя уважение, ни одной черты или порыва, на которых можно бы было с отрадою остановиться посреди картины этой моральной низости». На этом решении Николай собственноручно наложил резолюцию: «Совершенно справедливо, напрасно печатано, играть же запретить...».

Комедия была поставлена только после смерти Николая I в 1861 году, через 12 лет после ее написания, сразу в Петербурге и в Москве. В московском спектакле были заняты выдающиеся актеры: М.С. Щепкин, П.М. Садовский... Островский удивительно трепетно относился к актерам вообще, а некоторых из них буквально боготворил. Он сам руководил постановкой каждой своей пьесы, много возился с артистами, чуть не до слез умилялся, видя старание последних, и никогда не бранил за неудачи.

К восторгу зрителей актеры поправили искаженный цензурой финал пьесы: ни слова не говоря, Подхалюзин совал квартальному взятку, и тот оставлял мошенника на свободе. Шумная овация была устроена артистам и автору после окончания спектакля. Молодежь, встретившая Островского в артистическом подъезде, вынесла его на руках на улицу, без шубы, в двадцатиградусный мороз, намереваясь нести его так до дома... Благоразумие взяло верх: кто-то набросил на него шубу, его усадили в сани. Толпа в несколько сот человек сопровождала его до самого дома, перебудив весь Яузский квартал.

...Не зря драматург так тщательно готовился к своему литературному дебюту, несколько лет кряду шлифуя свою первую комедию, прежде чем явиться с нею перед публикой. Около пятидесяти пьес написано Островским за его долгую жизнь, но и среди многих других замечательных его достижений комедия «Банкрот», названная позднее «Свои люди – сочтемся», выделяется свежестью первого открытия новых комедийных положений и лиц, поразительным мастерством художественной отделки.

По В.Я. Лакшину

1. Подготовьте по этим материалам рассказ о драматурге А.Н. Островском. Включите в свой рассказ сцену постановки комедии «Свои люди – сочтемся» в Малом театре Москвы. Подумайте, что для этого нужно изменить в тексте. Сделайте вывод, чем интересно подобное включение сценических эпизодов в биографические материалы.

2. По утверждению В.Я. Лакшина, Островский выступил в литературе как прямой продолжатель дела Гоголя, наследник его реализма, простоты и правдивости, но не повторял его ни в темах, ни в подходе

к жизни. В чем же заключалось новаторство драматурга, чем вообще отличалась драматургия середины века, представленная прежде всего творчеством Островского, от предшествующей?

3. В литературных мемуарах современников Островского сохранилось немало анекдотов о драматурге. Познакомьтесь с одной из вымышленных историй, передающей, однако, достаточно ярко отношение драматурга к своему делу:

Незадолго до начала Крымской войны Островский приехал в Петербург хлопотать о постановке своей комедии. На одном из приемов лишь Островский не принимал горячего участия в спорах о предстоящей войне и на замечание Тургенева ответил, что в данный момент его более всего интересует не война, а разрешение на постановку комедии.

Все ахнули.

– Странно, я не ожидал такого от вас равнодушия к России!

– Что тут для вас странного? – ответил Островский Тургеневу. – Я пишу для сцены; и если мне не разрешат ставить на сцене свои пьесы, я буду самым несчастнейшим человеком на свете.

Как вы думаете, почему мог появиться этот анекдот? Что он говорит вам о личности драматурга?

4. Подготовьте самостоятельно «сценический» рассказ об одной странице из жизни Островского.

Советуем прочитать:

1. А.Н. Островский в воспоминаниях современников. – М., 1966.
2. Валагин А.П. Прочитаем вместе... (о комедиях Д. Фонвизина, А. Грибоедова, Н. Гоголя, А. Островского). – М., 1991.
3. Лашкин В.Я. А.Н. Островский. – М., 1982.
4. Лашкин В.Я. Театр Островского. – М., 1986.
5. Лобанов М.П. Островский («ЖЗЛ»). – М., 1989.

Читаем и обсуждаем комедию «Свои люди – сочтемся»

1. В литературном мире Островского называли «Колумб Замоскворечья», а недоброжелатели драматурга именовали его «купеческим Шекспиром». Объясните почему. Каким в соответствии с этой информацией может быть содержание комедии?

2. А.Н. Островский особое значение придавал названиям своих пьес: «не подберем названия – ...значит, что идея пьесы не ясна, что сюжет не освещен как следует...». Что название комедии говорит вам о ее идее и сюжете?

ЛИЦА:

Самсон Силыч Большов, *купец*.

Аграфена Кондратьевна, *его жена*.

Олимпиада Самсоновна (*Липочка*), *их дочь*.

Лазарь Елизарыч Подхалюзин, *приказчик*.

Устинья Наумовна, *сваха*.

Сысой Псоич Рисположенский, *стряпчий*.

Фоминишна, *ключница в доме Большова*.

Тишка, *мальчик*.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Большова.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Фоминишна, входит, ставит на стол водку с закуской.

Л и п о ч к а. Не пойду я за купца, ни за что не пойду. Затем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортопьянах, и танцевать! Нет, нет! где хочешь возьми, а достань благородного.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Вот ты и толкуй с ней.

Ф о м и н и ш н а. Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный вкус? Голый на голом, да и христианства-то никакого нет: ни в баню не ходит, ни пирогов по праздникам не печет; а ведь хошь и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой.

Л и п о ч к а. Ты, Фоминишна, родилась между мужиков и ноги протянешь мужичкой. Что мне в твоём купце! Какой он может иметь вес? Где у него амбиция? Мочалка то его, что ли, мне нужна?

Ф о м и н и ш н а. Не мочалка, а божий волос, сударыня, так-то-сь!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ведь и тятенька твой не оболваненный какой, и борода-то тоже не обшарканная, да целуешь же ты его как-нибудь.

Л и п о ч к а. Одно дело тятенька, а другое дело — муж. Да что вы пристали, маменька? Уж сказала, что не пойду за купца, так и не пойду! Лучше умру сейчас, до конца всю жизнь выплачу: слез не достанет, перцу наемся.

Ф о м и н и ш н а. Никак, ты плакать собираешься? И думать не моги! И тебе как в охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. А кто ее дразнит? Сама привередничает.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Пожалуй, уж коли тебе такой апекит, найдем тебе и благородного. Какого тебе: посолидней али поподжаристей?

Л и п о ч к а. Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика. И пуще всего, Устинья Наумовна, чтоб не курносого, беспрременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтоб и одет был по-журнальному. (*Смотрит в зеркало.*) Ах, Господи! а сама-то я нынче вся, как венник, растрепана.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. А есть у меня теперь жених, вот точно такой, как ты, бралиянтовая, расписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Л и п о ч к а. Ах, Устинья Наумовна! Совсем не брюле, а брюнет.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Да, очень мне нужно на старости лет язык-то ломать по-твоему! как сказалось, так и живет. И крестьяне есть, и орген на шее; ты вот поди оденься, а мы с маменькой-то потолкуем об этом деле.

Л и п о ч к а. Ах, голубушка, Устинья Наумовна, зайди уж ко мне в комнату: мне нужно поговорить с тобой. Пойдем, Фоми-нишна.

Ф о м и н и ш н а. Ох, уж мне, егоза!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Большов и Рисположенский

Б о л ь ш о в. ...Вот я теперь маюсь, маюсь с делом-то, так измучился, поверишь ли ты, мнением только этим одним! Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Самсон Силыч, не вы первый, не вы последний; нешто другие-то не делают?

Б о л ь ш о в. Как не делать, брат, и другие делают. Да еще как делают-то — без стыда без совести! На лежачих лесорах ездят, в

трехэтажных домах живут; другой такой бельведер с колоннами выведет, что ему с своею образиной и войти-то туда совестно; а там и капут, и взять с него нечего. Коляски эти разъедутся неизвестно куда, дома все заложены, останется ль, нет ли кредитора-то старых сапогов пары три. Вот тебе вся недолга. Да еще и обманет-то кого: так, бедняков каких-нибудь пустит в одной рубашке по миру. А у меня кредиторы все люди богатые, что им делается!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Известное дело. Что ж, Самсон Силыч, все это в наших руках.

Б о л ь ш о в. Знаю, что в наших руках; да сумеешь ли ты это дело сделать-то? Ведь вы народец тоже! Я уж вас знаю! На словах-то вы притки, а там и пошел блудить.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Да что вы, Самсон Силыч, помилуйте, нешто мне в первый раз! Уж еще этого-то не знать! хе, хе, хе... Да такие ли я дела делал...

Б о л ь ш о в. Ой ли? Так какую ж ты механику подсмолишь?

Р и с п о л о ж е н с к и й. А там глядя по обстоятельствам. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью... (*Пьет.*) Вот, первое дело, Самсон Силыч, надобно дом да лавки заложить либо продать. Это уж первое дело.

Б о л ь ш о в. Да, это точно надобно сделать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить? Да вот разве на жену?

Р и с п о л о ж е н с к и й. Незаконно, Самсон Силыч! Это незаконно! В законах изображено, что таковые продажи недействительны. Оно ведь сделать-то недолго, да чтоб крючков после не вышло. Уж делать, так надо, Самсон Силыч, прочней.

Б о л ь ш о в. И то дело, чтобы оглядок не было.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Как на чужого-то закрепшишь, так уж и придраться-то не к чему. Спорь после поди против подлинных-то бумаг.

Б о л ь ш о в. Только вот что беда-то: как закрепшишь чужого дом-то, а он, пожалуй, там и застрянет, как блоха на войне.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Уж вы ищите, Самсон Силыч, такого человека, чтобы он совесть знал.

Б о л ь ш о в. А где ты его найдешь нынче? Нынче всякий норovit, как тебя за ворот ухватить, а ты совести захотел.

Р и с п о л о ж е н с к и й. А я вот как мекаю, Самсон Силыч, хотите вы меня слушайте, хотите вы нет: каков человек у вас приказчик?

Б о л ь ш о в. Который? Лазарь, что ли?

Р и с п о л о ж е н с к и й. Да, Лазарь Елизарыч.

Б о л ь ш о в. Ну, а на Лазаря, так и пускай на него; он малый с понятием, да и капиталец есть.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Что же прикажете, Самсон Силыч: закладную или купчую?

Б о л ь ш о в. А с чего процентов меньше, то и варгань. Как сделаешь все в аккурате, такой тебе, Сысой Псоич, магарыч поставлю, просто сказать угоришь.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Уж будьте покойны, Самсон Силыч, мы свое дело знаем. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили об этом деле или нет? Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Б о л ь ш о в. Нет еще. Вот нынче потолкуем. Он у меня парень-то дельный; ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь. Ну, зложим мы дом, а потом что?

Р и с п о л о ж е н с к и й. А потом напишем реестрик, что вот, мол, так и так, по двадцати пяти копеек за рубль: ну, и ступайте по кредиторам. Коли кто больно заартачится, так можно и прибавить, а другому сердитому и все заплатить... Вы ему заплатите, а он — чтобы писал, что по сделке получил по двадцати пяти копеек, так, для видимости, чтобы другим показать. Вот, мол, так и так; ну, и другие, глядя на них, согласятся.

Б о л ь ш о в. Это точно, поторговаться не мешает: не возьмут по двадцати пяти, так полтину возьмут; а если полтины не возьмут, так за семь гривен обеими руками ухватятся. Все-таки барыш. Там что хошь говори, а у меня дочь невеста, хоть сейчас из полы в полу да с двора долой. Да и самому-то, братец ты мой, отдохнуть пора; проклажались бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту к черту. Да вот и Лазарь идет.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Т е ж е и Подхалюзин, входит.

<...>

Б о л ь ш о в. Эх, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежние времена. *(Помолчав.)* Что, ведомости принес?

П о д х а л ю з и н *(вынимая из кармана и подавая)*. Извольте получить-с.

Б о л ь ш о в. Давакась, посмотрим. *(Надевает очки и просматривает.)*

Р и с п о л о ж е н с к и й. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет, потом надевает очки, садится подле Большова и смотрит в газеты.)*

Б о л ь ш о в *(читает вслух)*. «Объявления казенные и разных обществ: 1, 2, 3, 4, 5 и 6, от Воспитательного дома». Это не по нашей части, нам крестьян не покупать. <...> «Контора Вдовьего дома сим приглашает...» Пускай приглашает, а мы не пойдем. «От

Сиротского суда». У самих ни отца ни матери. (Просматривает далее.) Эге! Вон оно куда пошло! Слушай-ка, Лазарь! «Такого-то года, сентября такого-то дня, по определению Коммерческого суда, первой гильдии купец Федот Селиверстов Плешков объявлен несостоятельным должником, должником; вследствие чего...» Что тут толковать! Известно, что вследствие бывает. Вот те и Федот Селиверстыч! Каков был туз, а в трубу вылетел. А что, Лазарь, не должен ли он нам?

П о д х а л ю з и н. Малость должен-с. Сахару для дому брали пудов, никак, тридцать, не то сорок.

Б о л ь ш о в. Плохо дело, Лазарь. Ну, да мне-то он сполна отдаст по-приятельски.

П о д х а л ю з и н. Сумнительно-с.

Б о л ь ш о в. Сочтемся как-нибудь. *(Читает.)* «Московский первой гильдии купец Антип Сысоев Енотов объявлен несостоятельным должником». За этим ничего нет?

П о д х а л ю з и н. За масло постное-с, об Великом посту брали бочонка с три-с.

Б о л ь ш о в. Вот сухоядцы-то, постники! И Богу-то угодить на чужой счет норовят. Ты, брат, степенству-то этому не верь! Этот народ одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет! <...>

П о д х а л ю з и н. Уж такой расподлеющий народ-с.

Б о л ь ш о в *(ворочая листы)*. Да тут их не перечитаешь до завтрашнего числа. Возьми прочь!

П о д х а л ю з и н *(берет газету)*. Газету-то только пакостят. На все купечество мораль эдакая...

Иллюстрации к комедии «Свои люди – сочтемся!». Худ. П. Боклевский

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Контора в доме Б о л ь ш о в а. Прямо дверь, на левой стороне лестница наверх.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

П о д х а л ю з и н (один). Вот беда-то! Вот она где беда-то пришла на нас! Что теперь делать-то? Ну, плохо дело! Не миновать теперь несостоятельным объявиться! Ну, положим, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чем буду? Мне-то куда деться? В проходном ряду пылью торговать? Служил, служил лет двадцать, а там ступай мостовую грани. Как теперь это дело рассудить надо? Товаром, что ли? Вот векселя велел продать (*вынимает и считает*): тут, должно быть, попользоваться будет можно. (*Ходит по комнате.*) Говорят, надо совесть знать! Да, известное дело, надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам других обманывает, так какая же тут совесть! Самсон Силыч купец богатейший, и теперича все это дело, можно сказать, так, для препровождения времени затеял. А я человек бедный! Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого; потому он сам несправедливо поступает, против закона идет. А мне что его жалеть. <...> Конечно, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и, можно сказать, каких в свете нет, а ведь этот жених ее теперича не возьмет, скажет, денег дай! А денег где взять? И уж не быть ей теперь за благородным, потому денег нет. Рано ли, поздно ли, а придется за купца отдавать! (*Ходит молча.*) А понабравши деньжонок, да поклониться Самсону Силычу: дескать, я, Самсон Силыч, в таких летах, что должен подумать о продолжении потомства, и я, мол, Самсон Силыч, для вашего спокойствия пота-крови не жалел. Конечно, мол, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит, сами изволите видеть, имею капиталец. Отчего не отдать за меня? Чем я не человек? Ни в чем не замечен, к старшим почтителен! Да при всем том, как заложили мне Самсон Силыч дом и лавки, так и закладной-то можно пугнуть. А знавши-то характер Самсона Силыча, каков он есть, это и очень может случиться. У них такое заведение: коли им что попало в голову, уж ничем не выбьешь оттедова. Все равно как в четвертом году захотели бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали — нет, говорит, после опять отпущу, а теперь поставлю на своем: взяли да и обрили. Так вот и это дело: потрафь я по ним или так взойди им в голову — завтра же под венец, и баста, и разговаривать не смей. Да от эдакого удовольствия с Ивана Великого прыгнуть можно. <...>

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Подхалюзин, Большов и Тишка

Большов. Стряпчий был?

Подхалюзин. Был-с!

Большов. Говорил ты с ним?

Подхалюзин. Да что, Самсон Силыч, разве он чувствует? Известно, чернильная душа-с! Одно ладит объявиться несостоятельным.

Большов. Что ж, объявиться так объявиться — один конец.

Подхалюзин. Ах, Самсон Силыч, что это вы изволите говорить!

Большов. Что ж, деньги заплатить! Да с чего же ты это взял? Да я лучше все огнем сожгу, а уж им ни копейки не дам. Перевози товар, продавай векселя; пусть тащут, воруют кто хочет, а уж я им не плательщик.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, заведение было у нас такое превосходное, и теперь должно все в расстройство прийти.

Большов. А тебе что за дело? Не твое дело. Ты старайся только, от меня забыт не будешь.

Подхалюзин. Не нуждаюсь я ни в чем после вашего благодеяния. И напрасно вы такой сюжет обо мне имеете. Я теперича готов всю душу отдать за вас, а не то чтобы какой фальш сделать. Вы подвигаетесь к старости, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, и в таких годах; надобно и об ней заботливость приложить-с. А теперь такие обстоятельства мало ли что может произойти из всего этого.

Большов. А что такое произойти может? Я один в ответе.

Подхалюзин. Что об вас-то толковать! Вы, Самсон Силыч, отжили свой век, слава богу, пожили; а Алимпияда-то Самсоновна, известное дело, барышня, каких в свете нет. Я вам, Самсон Силыч, по совести говорю, то есть как это все по моим чувствам: если я теперича стараюсь для вас и все мои усердия, можно сказать, не жалея пота-крови, прилагаю — так это все больше по тому самому, что жаль мне вашего семейства.

Большов. Полно, так ли?

Подхалюзин. Позвольте-с! Ну, положим, что это все благополучно кончится-с, хорошо-с; останется у вас чем пристроить Алимпияду Самсоновну. Ну, об этом и толковать нечего-с; были бы деньги, а женихи найдутся-с. Ну, а грех какой, сохрани Господи! как придерутся, да начнут по судам таскать, да на все семейство эдакая мораль пойдет, а еще, пожалуй, и имение-то все отни-

мут: должны будут они-с голод и холод терпеть и без всякого призрения, как птенцы какие беззащитные, да это сохрани Господи! это что ж будет тогда? (Плачет.)

Б о л ь ш о в. Да об чем же ты плачешь-то?

П о д х а л ю з и н. Конечно, Самсон Силыч, я это к примеру говорю – в добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется; а ведь враг-то силен – горами шатает.

Б о л ь ш о в. Что ж делать-то, братец, уж, знать, такая воля Божия, против ее не пойдешь.

П о д х а л ю з и н. Это точно, Самсон Силыч! А все-таки, по моему глупому рассуждению, пристроить бы до поры до времени Алимпияду Самсоновну за хорошего человека; так уж тогда будет она по крайности как за каменной стеной-с. Да главное, чтобы была душа у человека, так он будет чувствовать. А то вон, что сватался за Алимпияду Самсоновну, благородный-то, и оглобли назад поворотил.

Б о л ь ш о в. Как назад? Да с чего это ты выдумал?

П о д х а л ю з и н. Я, Самсон Силыч, не выдумал; вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, что-нибудь прослышал, кто его знает.

Б о л ь ш о в. А ну его! По моим делам теперь не такого нужно.

П о д х а л ю з и н. Вы, Самсон Силыч, возьмите в рассуждение. Я посторонний человек, не родной, а для вашего благополучия ни дня ни ночи себе покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдают барышню, можно сказать, красоту неописанную; да и денег еще дают-с, а он ломается да важничает, ну есть ли в нем душа после всего этого?

Б о л ь ш о в. Ну, а не хочет, так и не надо, не заплачем!

П о д х а л ю з и н. Нет, вы, Самсон Силыч, рассудите об этом: есть ли душа у человека? Я вот посторонний совсем, да не могу же без слез видеть всего этого. Поймите вы это, Самсон Силыч! Другой бы и внимания не взял так убиваться из-за чужого дела-с; а ведь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я уж вас не оставлю; потому не могу – сердце у меня не такое.

Б о л ь ш о в. Да как же тебе оставить-то меня! ведь только и надежды-то теперь, что ты. Сам я стар, дела подошли тесные. Погоди: может, еще такое дело сделаем, что ты и не ожидаешь.

П о д х а л ю з и н. Да не могу же я этого сделать, Самсон Силыч! Поймите вы из этого; не такой я совсем человек! Другому, Самсон Силыч, конечно, это все равно-с, ему хоть трава не расти, а уж я не могу-с; сами изволите видеть-с, хлопочу я али нет-с. Как черт какой, убиваюсь я теперича из-за вашего дела-с; потому что не такой я человек-с. Жалеючи вас это делается, и не столько вас,

сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Конд-
ратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня, ка-
ких в свете нет-с...

Б о л ь ш о в. Неужто и в свете нет? Уж ты, брат, не того ли?..

П о д х а л ю з и н. Чего-с?.. Нет, я ничего-с...

Б о л ь ш о в. То-то, брат, ты уж лучше откровенно говори.
Влюблен ты, что ли, в Алимпияду Самсоновну?

П о д х а л ю з и н. Вы, Самсон Силыч, может, шутить изволите.

Б о л ь ш о в. Что за шутки! Я тебя без шуток спрашиваю.

П о д х а л ю з и н. Помилуйте, Самсон Силыч, смею ли я это по-
думать-с.

Б о л ь ш о в. А что ж бы такое не сметь-то? Что она, княжна,
что ли, какая?

П о д х а л ю з и н. Хотя и не княжна; да как бымши вы моим
благодетелем и вместо отца родного... да нет, Самсон Силыч, поми-
луйте, как же это можно-с, неужли же я этого не чувствую!

Б о л ь ш о в. Так ты, стало быть, ее не любишь?

П о д х а л ю з и н. Как же не любить-с, помилуйте, кажется,
больше всего на свете. Да нет-с, Самсон Силыч, как же это можно-с.

Б о л ь ш о в. Так ты бы так и говорил, что люблю, мол, больше
всего на свете.

П о д х а л ю з и н. Да как же не любить-с! Сами извольте рассу-
дить: день думаю, ночь думаю... то бишь, известное дело, Алимпия-
да Самсоновна барышня, каких в свете нет... да нет, этого нельзя-с.
Где же нам-с!..

Б о л ь ш о в. Да чего же нельзя-то, дура-голова?

П о д х а л ю з и н. Да как же можно, Самсон Силыч? Как знам-
ши я вас, как отца родного, и Алимпияду Самсоновну-с, и опять
знамши себя, что я такое значу, — где же мне с суконным-то
рылом-с?

Б о л ь ш о в. Ничего не суконное. Рыло как рыло. Был бы ум в го-
лове, а тебе ума-то не занимать стать, этим добром Бог наградил.
Как же, Лазарь, посватать тебе Алимпияду-то Самсоновну, а?

П о д х а л ю з и н. Да помилуйте, смею ли я? Алимпияда-то
Самсоновна, может быть, на меня и глядеть-то не захотят-с!

Б о л ь ш о в. Важное дело! Не плясать же мне по ее дудочке на
старости лет. За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу с
кашей ем, хочу масло пахтаю. Ты со мной-то толкуй.

П о д х а л ю з и н. Не смею я, Самсон Силыч, об этом с вами го-
ворить-с. Не хочу быть подлецом против вас.

Б о л ь ш о в. Экой ты, братец, глупый! Кабы я тебя не любил,
нешто бы я так с тобой разговаривал? Понимаешь ли ты, что я мо-
гу на всю жизнь тебя счастливым сделать!

П о д х а л ю з и н. А нешто я вас не люблю, Самсон Силыч, больше отца родного? Да накажи меня Бог!.. Да что я за скотина!

Б о л ь ш о в. Ну, а дочь любишь?

П о д х а л ю з и н. Изныл весь-с! Вся душа-то у меня перевернулась давно-с!

Б о л ь ш о в. Ну, а коли душа перевернулась, так мы тебя поправим. Владей, Фаддей, нашей Маланьей.

П о д х а л ю з и н. Тятенька, за что жалуете? Не стою я этого, не стою! И физиономия у меня совсем не такая.

Б о л ь ш о в. Ну ее, физиономию! А вот я на тебя все имение переvedу; так после кредиторы-то и пожалеют, что по двадцати пяти копеек не взяли.

П о д х а л ю з и н. Еще как пожалеют-то-с!

Б о л ь ш о в. Ну, ты ступай теперь в город, а ужотка заходи к невесте: мы над ними шутку подшутим.

П о д х а л ю з и н. Слушаю, тятенька-с!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Липочка и Подхалюзин.

Молчание.

П о д х а л ю з и н. Алимпияда Самсоновна-с! Алимпияда Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-с! Позвольте вашу ручку поцеловать.

Л и п о ч к а. Вы дурак, необразованный!

П о д х а л ю з и н. За что вы, Алимпияда Самсоновна, обижать изволите-с?

Л и п о ч к а. Я вам один раз навсегда скажу, что не пойду я за вас, — не пойду.

П о д х а л ю з и н. Это как вам будет угодно-с! Насильно мил не будешь. Только я вам вот что доложу-с...

Л и п о ч к а. Я вас слушать не хочу, отстаньте от меня! Как бы вы были учтивый кавалер: вы видите, что я ни за какие сокровища не хочу за вас идти — вы бы должны отказаться.

П о д х а л ю з и н. Вот вы, Алимпияда Самсоновна, изволите говорить — отказаться. Только если я откажусь, что потом будет-с?

Л и п о ч к а. А то и будет, что я выйду за благородного.

П о д х а л ю з и н. За благородного-с! Благородный-то без приданого не возьмет.

Л и п о ч к а. Как без приданого? Что вы городите-то! Посмотри-те-ка, какое у меня приданое-то – в нос бросится.

П о д х а л ю з и н. Тряпки-то-с! Благородный тряпок то не возьмет. Благородному-то деньги нужны-с.

Л и п о ч к а. Что ж! Тятенька и денег даст!

П о д х а л ю з и н. Хорошо, как даст-с! А как дать-то нечего? Вы дел-то тятенькиных не знаете, а я их очень хорошо знаю: тятенька-то ваш банкрот-с.

Л и п о ч к а. Как банкрот? А дом-то, а лавки?

П о д х а л ю з и н. А дом-то и лавки – мои-с!

Л и п о ч к а. Ваши?! Подите вы! Что вы меня дурачить хотите? глупее себя нашли!

П о д х а л ю з и н. А вот у нас законные документы есть! (*Вынимает.*)

Л и п о ч к а. Так вы купили у тятеньки?

П о д х а л ю з и н. Купил-с!

Л и п о ч к а. Где же вы денег взяли?

П о д х а л ю з и н. Денег! У нас, слава богу, денег-то побольше, чем у какого благородного.

Л и п о ч к а. Что же это такое со мной делают? Воспитывали, воспитывали, потом и обанкрутились! (*Молчание.*)

П о д х а л ю з и н. Ну, положим, Алимпияда Самсоновна, что вы выйдете и за благородного – да что ж в этом будет толку-с? Только одна слава что барыня, а приятности никакой нет-с. Вы изволили рассудить-с: барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с. А если и выедут-то куда, так только слава что четверня-то, а хуже одной-с купеческой-то. Ей-богу, хуже-с. Одеваются тоже не больно пышно-с. А если за меня-то вы, Алимпияда Самсоновна, выйдете-с – так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с, – окромя бархатных и надевать не станем. В рассуждении шляпок или салопов – не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудней! Лошадей заведем орловских. (*Молчание.*) Если вы насчет моей физиономии сомневаетесь, так это как вам будет угодно-с: мы также и фрак наденем, и бороду обреем либо так подстрижем, по моде-с, это для нас все одно-с.

Л и п о ч к а. Да вы все перед свадьбой так говорите, а там и обманете.

П о д х а л ю з и н. С места не сойти, Алимпияда Самсоновна! Анафемой хочу быть, коли лгу! Да это что-с, Алимпияда Самсоновна! Нешто мы в эдаком доме будем жить? В Каретном ряду купим-с, распишем как: на потолках это райских птиц нарисуем, сиренов, капидонов разных – поглядеть только будут деньги давать.

Л и п о ч к а. Нынче уж капидонов-то не рисуют.

П о д х а л ю з и н. Ну, так мы букетами* пустим. *(Молчание.)* Было бы только с вашей стороны согласие, а то мне в жизни ничего не надобно. *(Молчание.)* Как я несчастлив в своей жизни, что не могу никаких комплиментов говорить.

Л и п о ч к а. Для чего вы, Лазарь Елизарыч, по-французски не говорите?

П о д х а л ю з и н. А для того, что нам нѣ для чего. *(Молчание.)* Осчастливьте, Алимпияда Самсоновна, окажите эдакое благоволение-с. *(Молчание.)* Прикажите на колени стать.

Л и п о ч к а. Станьте!

Подхалюзин становится.

Вот у вас какая жилетка скверная!

П о д х а л ю з и н. Эту я Тишке подарю-с, а себе на Кузнецком мосту закажу, только не погубите! *(Молчание.)* Что же, Алимпияда Самсоновна-с?

Л и п о ч к а. Дайте подумать.

П о д х а л ю з и н. Да об чем же думать-с?

Л и п о ч к а. Как же можно не думать?

П о д х а л ю з и н. Да вы не думамши.

Л и п о ч к а. Знаете что, Лазарь Елизарыч!

П о д х а л ю з и н. Что прикажете-с?

Л и п о ч к а. Увезите меня потихоньку.

П о д х а л ю з и н. Да зачем же потихоньку-с, когда так тятенька с маменькой согласны?

Л и п о ч к а. Да так делают. Ну, а коли не хотите увезти — так уж, пожалуй, и так.

П о д х а л ю з и н. Алимпияда Самсоновна! позвольте ручку поцеловать! *(Целует, потом вскакивает и подбегает к двери.)* Тятенька-с!..

Л и п о ч к а. Лазарь Елизарыч, Лазарь Елизарыч! Подите сюда!

П о д х а л ю з и н. Что вам угодно-с?

Л и п о ч к а. Ах, если бы вы знали, Лазарь Елизарыч, какое мне житье здесь! У маменьки семь пятниц на неделе; тятенька как не пьян, так молчит, а как пьян, так прибьет того и гляди. Каково это терпеть образованной барышне! Вот как бы я вышла за благородного, так я бы и уехала из дому и забыла бы обо всем этом. А теперь все опять пойдет по-старому.

П о д х а л ю з и н. Нет-с, Алимпияда Самсоновна, не будет этого! Мы как только сыграем свадьбу, так перейдем в свой дом-с. А уж мы им-то командовать не дадим-с. Нет, уж теперь кончено-с! Будет-с с них — почудили на своем веку, теперь нам пора!

* Здесь: букетами.

Л и п о ч к а. Так смотрите же, Лазарь Елизарыч, мы будем жить сами по себе, а они сами по себе. Мы заведем все по моде, а они как хотят.

П о д х а л ю з и н. Уж это как водится-с.

Л и п о ч к а. Ну, а теперь зовите тятеньку. *(Встает и охорашивается перед зеркалом.)*

П о д х а л ю з и н. Тятенька-с! тятенька-с! маменька-с!..

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Т е ж е, Фоминишна и Тишка *(с вином на подносе)*.

Б о л ь ш о в. Дай-ка я поздравлю. *(Берет бокал.)*

Липочка и Лазарь встают.

Живите как знаете – свой разум есть. А чтоб вам жить-то было не скучно, так вот тебе, Лазарь, дом и лавки пойдут вместо приданого, да из наличного отсчитаем.

П о д х а л ю з и н. Помилуйте, тятенька, я и так вами много доволен.

Б о л ь ш о в. Что тут миловать-то! Свое добро, сам нажил. Кому хочу – тому и даю. Наливай еще!

Т и ш к а наливает.

Да что тут разговаривать-то. На милость суда нет. Бери все, только нас со старухой корми да кредиторам заплати копеек по десяти.

П о д х а л ю з и н. Стоит ли, тятенька, об этом говорить-с. Нешто я не чувствую? Свой люди – сочтемся!

Б о л ь ш о в. Говорят тебе, бери все, да и кончено дело. И никто мне не указ! Заплати только кредиторам. Заплатишь?

П о д х а л ю з и н. Помилуйте, тятенька, первый долг-с!

Б о л ь ш о в. Только ты смотри – им много-то не давай. А то ты, чай, рад сдуру-то все отдать.

П о д х а л ю з и н. Да уж там, тятенька, как-нибудь сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Б о л ь ш о в. То-то же! Ты им больше десяти копеек не давай. Будет с них... Ну, поцелуйтесь!

Липочка и Лазарь целуются.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Где он? Где он? Родные вы мои, голубчики вы мои!

Целуются.

Подхалюзин. Тятенька, здравствуйте, наше почтение!

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой, Самсон Силыч, золотой ты мой! Оставил ты меня сиротой на старости лет!

Большов. Полно, жена, перестань!

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, маменька, точно по покойнике плачете! Не бог знает что случилось.

Большов. Оно точно, дочка, не бог знает что, а все-таки отец твой в яме сидит.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, сидят и лучше нас с вами.

Большов. Сидят-то сидят, да каково сидеть-то! Каково по улице-то идти с солдатом! Ох, дочка! Ведь меня сорок лет в городе-то все знают, сорок лет все в пояс кланялись, а теперь мальчишки пальцами показывают.

Аграфена Кондратьевна. И лица-то нет на тебе, голубчик ты мой! Словно с того света выходец!

Подхалюзин. Э, тятенька, Бог милостив! Все перемелется — мука будет. Что же, тятенька, кредиторы-то говорят?

Большов. Да что: на сделку согласны. Что, говорят, тянуть-то, — еще возьмешь ли, нет ли, а ты что-нибудь чистыми дай, да и бог с тобой.

Подхалюзин. Отчего же не дать-с! Надать дать-с! А много ли, тятенька, просят?

Большов. Просят-то по двадцать пять копеек.

Подхалюзин. Это, тятенька, много-с!

Большов. И сам, брат, знаю, что много, да что ж делать-то? Меньше не берут.

Подхалюзин. Кабы десять копеек, так бы ладно-с. Семь с половиною на удовлетворение, а две с половиною на конкурсные расходы.

Большов. Я так-то говорил, да и слышать не хотят.

Подхалюзин. Зазнались больно! А не хотят они восемь копеек в пять лет?

Большов. Что ж, Лазарь, придется и двадцать пять дать, ведь мы сами прежде так предлагали.

Подхалюзин. Да как же, тятенька-с! Ведь вы тогда сами изволили говорить-с, больше десяти копеек не давать-с. Вы сами рассудите: по двадцати пяти копеек денег много. Вам, тятенька, закусить чего не угодно ли-с? Маменька! прикажите водочки подать да велите самоварчик поставить, уж и мы для компании выпьем-с. А двадцать пять копеек много-с!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшка, сейчас! *(Уходит.)*

Большов. Да что ты мне толкуешь-то: я и сам знаю, что много, да как же быть-то? Потомят года полтора в яме-то, да каждую неделю будут с солдатом по улицам водить, а еще, того гляди, в острог переместят: так рад будешь и полтину дать. От одного страма-то не знаешь куда спрятаться.

Аграфена Кондратьевна сводкой; Тишка вносит закуску и уходит.

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой! Кушай, батюшка, кушай! Чай, тебя там голодом изморили!

Подхалюзин. Кушайте, тятенька! Не взъщьте, чем бог послал!

Большов. Спасибо, Лазарь! Спасибо! *(Пьет.)* Пей-ка сам.

Подхалюзин. За ваше здоровье! *(Пьет.)* Маменька! не угодно ли-с? Сделайте одолжение!

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки, до того ли мне теперь! Эдакое божеское попущение! Ах ты, господи боже мой! Ах ты, голубчик ты мой!

Подхалюзин. Э, маменька, Бог милостив, как-нибудь отделаемся! Не вдруг-с!

Аграфена Кондратьевна. Дай-то Господи! А то уж и я-то, на него глядя, вся измаялась.

Большов. Ну, как же, Лазарь?

Подхалюзин. Десять копеечек, извольте, дам-с, как говорили.

Большов. А пятнадцать-то где же я возьму? Не из рогожи ж мне их шить.

Подхалюзин. Я, тятенька, не могу-с! Видит Бог, не могу-с!

Большов. Что ты, Лазарь, что ты! Да куда ж ты деньги-то дел?

Подхалюзин. Да вы извольте рассудить: я вот торговлей завожусь, домишко отделал. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вот хоть мадерцы, что ли-с? Маменька! попотчуйте тятеньку.

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка Самсон Сильч! Кушай! Я тебе, батюшка, пуншик налью!

Большов *(пьет)*. Выручайте, детушки, выручайте!

Подхалюзин. Вон вы, тятенька, изволите говорить, куда я деньги дел? Как же-с? Рассудите сами: торговать начинаем, известное дело, без капитала нельзя-с, взяться нечем; вот домик купил,

заведеньице всякое домашнее завели, лошадок, то, другое. Сами извольте рассудить! Об детях подумать надо.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Что ж, тятенька, нельзя же нам самим ни при чем остаться. Ведь мы не мещане какие-нибудь.

П о д х а л ю з и н. Вы, тятенька, извольте рассудить: нынче без капитала нельзя-с, без капиталу-то немного наторгуешь.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Я у вас, тятенька, до двадцати лет жила — света не видала. Что ж, мне прикажете отдать вам деньги, да самой опять в ситцевых платьях ходить?

Б о л ь ш о в. Что вы! Что вы! Опомнитесь! Ведь я у вас не милостыню прошу, а свое же добро. Люди ли вы?..

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Известное дело, тятенька, люди, а не звери же.

Б о л ь ш о в. Лазарь! Да ты вспомни-то, ведь я тебе все отдал, все дочиста; вот что себе оставил, видишь! Ведь я тебя мальчишкой в дом взял, подлец ты бесчувственный! Поил, кормил вместо отца родного, в люди вывел. А видел ли я от тебя благодарность какую? Видел ли? Вспомни то, Лазарь, сколько раз я замечал, что ты на руку нечист! Что ж? Я ведь не прогнал тебя, как скота какого, не ославил на весь город. Я тебя сделал главным приказчиком, тебе я все свое состояние отдал, да тебе же, Лазарь, я отдал и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущения, ты бы на нее и глядеть-то не смел.

П о д х а л ю з и н. Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-с!

Б о л ь ш о в. Чувствуешь ты! Ты бы должен все отдать, как я, в одной рубашке остаться, только бы своего благодетеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мне; ты заплати за меня только, что теперь следует.

П о д х а л ю з и н. Отчего бы не заплатить-с, да просят цену, которую совсем несообразную.

Б о л ь ш о в. Да разве я прошу! Я из-за каждой вашей копейки просил, просил, в ноги кланялся, да что же мне делать, когда не хотят уступить ничего?

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Мы, тятенька, сказали вам, что больше десяти копеек дать не можем, — и толковать об этом нечего.

Б о л ь ш о в. Уж ты скажи, дочка: ступай, мол, ты, старый черт, в яму! Да, в яму! В острог его, старого дурака. И за дело! Не гонись за большим, будь доволен тем, что есть. А за большим погонишься, и последнее отнимут, оберут тебя дочиста. И придется тебе бежать на Каменный мост да бросаться в Москву-реку. Да и оттедова тебя за язык вытянут да в острог посадят.

Все молчат; Б о л ь ш о в пьет.

А вы подумайте, каково мне теперь в яму-то идти. Что ж мне, зажмуриться, что ли? Мне Ильинка-то теперь за сто верст покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинке-то идти. Это все равно что грешную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствам тащат. А там мимо Иверской: как мне взглянуть-то на нее, на матушку?.. Знаешь, Лазарь, Иуда, ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем... А что ему за это было?.. А там присутственные места, уголовная палата... Ведь я злостный – умышленный... ведь меня в Сибирь сошлют. Господи!.. Коли так не дадите денег, дайте Христа ради. *(Плачет.)*

П о д х а л ю з и н. Что вы, что вы, тятенька? Полноте! Бог милостив! Что это вы? Поправим как-нибудь. Все в наших руках!

Б о л ь ш о в. Денег надо, Лазарь, денег. Больше нечем поправить. Либо денег, либо в Сибирь.

П о д х а л ю з и н. И денег дадим-с, только бы отвязались! Я, так и быть, еще пять копеечек прибавлю.

Б о л ь ш о в. Эки года! Есть ли в вас христианство? Двадцать пять копеек надо, Лазарь!

П о д х а л ю з и н. Нет, это, тятенька, много-с, ей-богу много!

Б о л ь ш о в. Змеи вы подколодные! *(Опускается головой на стол.)*

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Варвар ты, варвар! Разбойник ты эдакой! Нет тебе моего благословения. Иссохнешь ведь и с деньгами-то иссохнешь, не доживя веку. Разбойник ты, эдакой разбойник!

П о д х а л ю з и н. Полноте, маменька, бога-то гневить! Что это вы клянете нас, не разобравши дела-то! Вы видите, тятенька захмелел маненько, а вы уж и на-поди.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Уж вы, маменька, молчали бы лучше! А то вы рады проклясть в преисподнюю. Знаю я: вас на это станет. За то вам, должно быть, других детей-то Бог не дал.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Сама ты молчи, беспутная! И одну-то тебя Бог в наказание послал.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. У вас все беспутные – вы одни хороши. На себя-то посмотрели бы: только что понеделничаете, а то дня не пройдет, чтоб не облаять кого-нибудь.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ишь ты! Ишь ты! Ах, ах, ах!..Да я проклянущу тебя на всех соборах!

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Проклинайте, пожалуй!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Да! Вот как! Умрешь, не сгниешь! Да!..

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Очень нужно!

Б о л ь ш о в *(встает).* Ну, прощайте, дети.

П о д х а л ю з и н. Что вы, тятенька, посидите! Надобно-с как-нибудь дело-то кончить!

Б о л ь ш о в. Да что кончать-то? Уж я вижу, что дело кончено. Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет! Ты ж не плати за меня ничего: пусть что хотят, то и делают. Прощайте, пора мне!

П о д х а л ю з и н. Прощайте, тятенька! Бог милостив — как-нибудь обойдется!

Б о л ь ш о в. Прощай, жена!

А гра ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Прощай, батюшка Самсон Силыч! Когда к вам в яму-то пуцают?

Б о л ь ш о в. Не знаю!

А гра ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну, так я наведаюсь: а то умрешь тут, не видавши-то тебя.

Б о л ь ш о в. Прощай, дочка! Прощайте, Алимпияда Самсоновна! Ну, вот вы теперь будете богаты, заживете по-барски. По гуляньям это, по балам — дьявола тешить! А не забудьте вы, Алимпияда Самсоновна, что есть клетки с железными решетками, сидят там бедные заключенные. Не забудьте нас, бедных заключенных. *(Уходит с Аграфеной Кондратьевной.)*

П о д х а л ю з и н. Эх, Алимпияда Самсоновна-с! Неловко-с! Жаль тятеньку, ей-богу жаль-с! Нешто поехать самому поторговаться с кредиторами! Аль не надо-с? Он-то сам лучше их разжалобит. А? Аль ехать? Поеду-с! Тишка!

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Как хотите, так и делайте — ваше дело.

П о д х а л ю з и н. Тишка!

Входит Т и ш к а.

Подай старый сертук, которого хуже нет.

Т и ш к а уходит.

А то подумают: богат, должно быть, в те поры и не сговоришь.

1. Чем можно объяснить восторженное отношение к комедии современников А.Н. Островского? Как звучит пьеса сегодня? Что делает ее особенно злободневной?
2. По замечанию известного критика Н.А. Добролюбова, в пьесах А.Н. Островского постоянно происходят столкновения старших и младших, богатых и бедных, своевольных и безответных. Его сюжеты и сами названия пьес вертятся около отношений семейных и отношений по имуществу. Докажите справедливость этих наблюдений на примере комедии «Свои люди – сочтемся».
3. Что в пьесе можно назвать комическим, что – трагикомическим? В чем, по-вашему, состоит обличительный смысл комедии?
4. Раскройте смысл названия комедии «Свои люди – сочтемся». В какой сцене пьесы употребляется эта поговорка? Соотнесите смысл комедии с ее названием. Обратитесь при выполнении задания к тексту четвертого действия.
5. Можно ли назвать характер Большова типическим? Менялось ли ваше отношение к Большову по ходу чтения? Что общего между Большовым и Подхалюзиным? Можно ли последнего отнести к типу самодуров (самодур, по А.Н. Островскому, – дикий, властный человек, тиран для окружающих)?
6. Проследите, как в комедии проявилось умение Островского обрисовать характер лица способом его разговора, особым словарем и тоном речи.
7. Принято считать, что А.Н. Островский распахнул настежь дверь в мир, «доселе запертый за высокими заборами от чужих любопытных глаз». Расскажите о мире замоскворецкого купечества. Какие черты русского, преимущественно купеческого, быта отразились в комедии?
8. Известно, что А.Н. Островский, как и Н.В. Гоголь, замечательно читал свои произведения: «Островский читает без всяких драматических эффектов, с величайшею простотою, придавая между тем должный оттенок каждому лицу», «казалось, что перед слушателями разыгрывают свои роли отличные артисты». Подготовьтесь к выразительному чтению одного из явлений пьесы. Объясните выбор явления. Почему это задание предлагается вам как итоговое?
9. Продолжите: Если Н.В. Гоголь, по его словам, стремился в «Ревизоре» собрать все дурное и разом посмеяться над всем, то А.Н. Островский ...
10. Докажите, что А.Н. Островский умел заглядывать в глубь души человека, умел отличать природное начало от всех извне привнесенных наслоений.
11. Перечитайте самостоятельно заключительное явление комедии. Сопоставьте его с концовкой, дописанной А.Н. Островским к пьесе в угоду цензуре:

Т и ш к а. Подметки подкинуть можно.
Р и с п о л о ж е н с к и й. Ты что? Ты такой же грабитель!
Т и ш к а. Ничего-с, проехали!

Квартальный входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е ж е и квартальный.

К в а р т а л ь н ы й. Вы купец Подхалюзин?

П о д х а л ю з и н. Хоша бы и я-с.

К в а р т а л ь н ы й. По предписанию начальства должен вас представить к следственному приставу, по делу о сокрытии имущества несостоятельного купца Большова.

П о д х а л ю з и н. Покорнейше прошу садиться! Водочки не угодно ли?

К в а р т а л ь н ы й. Нет, мне некогда. Извольте собираться, нас ждут.

П о д х а л ю з и н. Да ведь я думаю, можно и подождать-с?

К в а р т а л ь н ы й. Нельзя-с.

П о д х а л ю з и н. А я думаю, что можно-с. Вы, должно быть, еще здесь внове, не все порядки знаете. А вы будьте довольно деликатны!

К в а р т а л ь н ы й. Я действую по приказу начальства.

П о д х а л ю з и н. Мы обыватели хорошие, вы нами не брезгайте, мы свое дело помним, по силе возможности. Пожалуйте, ваше благородие, ко мне в кабинет на пару слов. (*Манит рукой.*)

К в а р т а л ь н ы й. Вы не извольте беспокоиться, это совсем лишнее.

П о д х а л ю з и н. А вы отрапортуйте, что в случае моей болезни...

К в а р т а л ь н ы й. В случае болезни есть больница при остроге!

П о д х а л ю з и н. При остроге-с? (*Чешет затылок, потом подходит к Рисположенскому.*) Ну, барин, выручай из беды, — озолочу!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Не надо мне ничего! Провались ты и с деньгами! Теперь отольются тебе мои слезы; прогуляешься в Сибирь.

П о д х а л ю з и н. Уж будто и в Сибирь?

Р и с п о л о ж е н с к и й. А ты думал как? Закон-то прямой! По делам вору и мука.

П о д х а л ю з и н (*стоит несколько времени задумавшись*). А в Сибирь, так в Сибирь! Что ж такое! И в Сибири люди живут. Да ведь и тебе не уйтить! (*Берет шляпу.*) Я готов-с!

Чем не устраивал подобный финал зрителей — современников А.Н. Островского? Почему в окончательном варианте комедии автор отказался от традиционной развязки и заменил ее обращением к публике?

Используйте слова драматурга, так объяснявшего замысел своей пьесы: «Купец Большов, сделавший преступление, наказывается

страшную неблагодарностью детей и предчувствием и страхом неизбежного наказания законного. ...Перед судом официальным Подхалюзин может оправдаться: он не давал никаких документов ни отцу, ни стряпчему; но не уйти ему от суда публики, а потому я заставил стряпчего, который чувствовал бездоказательность своего иска, прибегнуть к суду публики».

12. Дайте развернутую характеристику Большова. Разделяете ли вы оценку этого героя как «купца-самодура», высказанную Н.А. Добролюбовым?

13. Согласны ли вы с утверждением, что в комедии представлены три этапа становления самодуров: Большов – Подхалюзин – Тишка? Дайте свою трактовку характера Липочки. При ответе используйте текст комедии.

14. Сравните героев А.Н. Островского с героями А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя. Какие параллели, на ваш взгляд, уместны?

15. Подготовьте сопоставительную характеристику драматических произведений Д.И. Фонвизина, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского по плану: тема, герои как представители определенного сословия, способы раскрытия характеров героев.

16. В названиях каких еще пьес А.Н. Островского употребляются поговорки?

Русская критика о значении комедий А.Н. Островского

1. До чтения оценок комедии А.Н. Островского, данных критиками – его современниками, выскажите (напишите) свое видение места драматурга в истории русской литературы.

2. Познакомьтесь с двумя взаимоисключающими оценками значения комедий А.Н. Островского, данными его современниками.

Островский умеет заглядывать в глубь души человека, умеет отличать натуру от всех извне принятых уродств и наростов; оттого внешний гнет, тяжесть всей обстановки, давящей человека, чувствуются в его произведениях гораздо сильнее, чем во многих рассказах, страшно возмутительных по содержанию, но внешнею, официальною стороною дела совершенно заслоняющих внутреннюю, человеческую сторону.

Комедия Островского не проникает в высшие слои нашего общества, а ограничивается только средними и потому не может дать ключа к объяснению многих горьких явлений, в ней изображаемых. Но тем не менее она легко может наводить на многие аналогические соображения, относящиеся и к тому быту, которого

прямо не касается; это оттого, что типы комедий Островского нередко заключают в себе не только исключительно купеческие или чиновничьи, но и общенародные черты.

Деятельность общественная мало затронута в комедиях Островского, и это, без сомнения, потому, что сама гражданская жизнь наша, изобилующая формальностями всякого рода, почти не представляет примеров настоящей деятельности, в которой свободно и широко мог бы выразиться человек. Зато у Островского чрезвычайно полно и рельефно выставлены два рода отношений, к которым человек еще может у нас приложить душу свою, — отношения семейные и отношения по имуществу. Немудрено поэтому, что сюжеты и самые названия его пьес вертятся около семьи, жениха, невесты, богатства и бедности.

Драматические коллизии и катастрофы в пьесах Островского все происходят вследствие столкновения двух партий — старших и младших, богатых и бедных, своевольных и безответных. Ясно, что развязка подобных столкновений, по самому существу дела, должна иметь довольно крутой характер и отзываться случайностью.

С этими предварительными соображениями вступим теперь в этот мир, открываемый нам произведениями Островского, и постараемся всмотреться в обитателей, населяющих это темное царство. Скоро вы убедитесь, что мы не даром называли его темным.

Таким образом, наружная покорность и тупое, сосредоточенное горе, доходящее до совершенного идиотства и плачевнейшего обезличения, переплетаются в темном царстве, изображаемом Островским, с рабскою хитростью, гнуснейшим обманом, бесовейшим вероломством. Тут никто не может ни на кого положиться: каждую минуту вы можете ждать, что приятель ваш похвалится тем, как он ловко обсчитал или обворовал вас; компаньон в выгодной спекуляции легко может забрать в руки все деньги и документы и засадить своего товарища в яму за долги; тесть надует зятя приданым; жених обочтет и обидит сваху; невеста-дочь проведет отца и мать, жена обманет мужа. Ничего святого, ничего чистого, ничего правого в этом темном царстве: господствующее над ним самодурство, дикое, безумное, неправое, прогнало из него всякое сознание чести и права...

Н.А. Добролюбов. Из статьи «Темное царство»

Мир чиновников оказался, вследствие внешних причин, не вполне доступен для театральной сатиры; зато с тем большим усердием и пристрастием устремилась наша комедия в мир замоскворецкого и апраксинского купечества, в мир странниц и

свах, пьяных приказных, бурмистров, причетников, питерщиков. Задача комедии сузилась непостижимым образом до копирования пьяного и безграмотного жаргона, воспроизведения диких ухваток, грубых и оскорбительных для человеческого чувства типов и характеров. На сцене безраздельно воцарился жанр... грубый, нечистоплотный и отталкивающий. Некоторые писатели, например г-н Островский, внесли в эту литературу много таланта, сердца и юмора, но в общем театр наш пришел к крайнему понижению внутреннего уровня, и весьма скоро оказалось, что ему нечего сказать образованной части общества, что он и дела не имеет с этой частью общества.

В.Г. Авсеенко

А

1. Чем вы можете объяснить существование столь полярных точек зрения на одно литературное явление?

2. Чья позиция вам ближе, почему? Выскажите аргументы в защиту своей точки зрения и контраргументы, обосновывающие ваше несогласие с другим критиком.

Б

3. Прочитайте статью Н.А. Добролюбова «Темное царство» полностью. Выпишите 3–4 примера разных способов цитирования текста комедии в статье критика.

4. Составьте словарик «понятий» по статье Н.А. Добролюбова (темное царство, самодур и пр.).

Памятник А.Н. Островскому перед Малым театром в Москве

Иллюстрации к пьесам Островского.
Худ. О.Б. Ритман

Развитие речи.

Воссоздание текста по опоре

В вашей учебной практике вы, безусловно, не раз сталкивались с текстами, важными для вас, требующими прочного усвоения, а не обычного пересказа. Как правило, это тексты, содержащие особенно значимую для читателя информацию.

На примере фрагмента статьи Добролюбова покажем, как можно работать с текстом, который нужно будет воссоздать почти дословно.

1. Перечитайте текст на с. 62–63. Определите основное информативное содержание текста (О чем? Какая информация содержится? Как строится текст? О чем говорится в каждой части? и пр.).

2. Сформулируйте основную мысль (главную задачу) текста. Например: Мир темного царства в своих произведениях А.Н. Островский создает по собственным законам.

3. Проверьте, все ли новые понятия, ключевые слова и словосочетания вы выделили в тексте. Выпишите их.

4. Выделите конструкции, предложения, несущие наибольшую смысловую нагрузку. Выпишите их.

5. Сформулируйте вопросы ко всем частям (абзацам) текста.

6. Составьте графическую схему (вопросный план), отражающую основное содержание текста.

7. Используя опоры, запишите свой вариант текста.

8. Сравните свой вариант текста с авторским. Подчеркните все искажения, замены, обозначьте пропуски. Подумайте, насколько эти изменения искажают основное информативное содержание текста.

9. Выпишите слова и словосочетания, необходимые для восстановления авторского текста.

10. Попробуйте воссоздать авторский текст без искажений.

Александринский театр в Петербурге.
Литография. 30-е годы XIX в.

Страницы поэзии середины и второй половины XIX века

Обратитесь к хронологическому материалу в разделе «Художественные вершины литературы середины XIX века» и докажите, что подъем русской поэзии начался только к 50–60-м годам. В какое десятилетие этого века поэзия практически не развивалась? Почему?

С чьим творчеством вы знакомы по урокам в школе? Чьи стихи читали самостоятельно? Что помните наизусть? Почему именно эти строки? С творчеством каких поэтов вы не знакомы?

Вспомните поэтов начала и первой половины XIX века. Почему именно пушкинскую эпоху называют гармонической, золотым веком русской литературы?

Перелистаем знакомые вам страницы поэзии середины XIX века и прочитаем стихотворения Ф.И. Тютчева, А.А. Фета и Н.А. Некрасова. На этот раз мы поведем разговор о судьбе и творчестве поэтов, одновременно обращаясь к высказываниям и оценкам критиков и литературоведа Н.Н. Скатова, а доверим «вести» этот непростой разговор поэтам XIX и XX века – И.С. Аксакову, Я.П. Полонскому, А.А. Фету, В. Корнилову.

Федор Иванович Тютчев
(1803—1873)

В конце XIX века Афанасий Фет написал стихи «На книжке стихотворений Тютчева»:

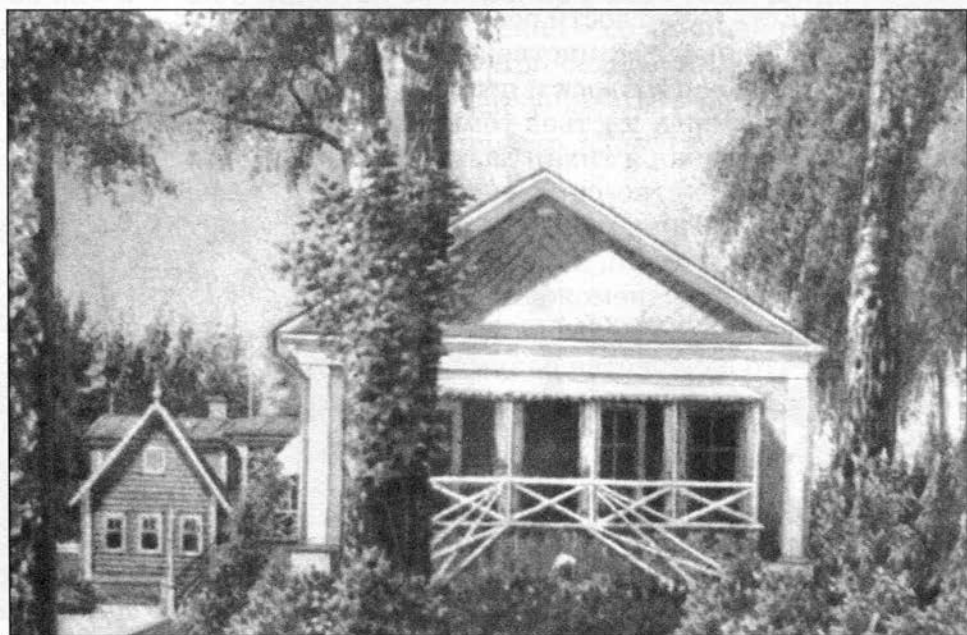
Вот наш патент на благородство,
Его вручает нам поэт;
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченной жизни цвет.

<...>

Но муза, правду соблюдая,
Глядит: а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

В своих стихах Фет не просто подметил главное в Тютчеве-поэте — сочетание мощного духа и утонченности, но и отразил реальное положение дел: поэтическое наследие Тютчева составляет всего около 200 стихотворений, но «эта книжка небольшая томов премногих тяжелей».

В позапрошлом веке можно было говорить о популярности Пушкина, Кольцова, Некрасова, но только не Тютчева. Один из умнейших людей Европы, европейский дипломат и знаменитый

Флигель в имении Ф.И. Тютчева Мураново. Акварель Д.В. Путьяты

остроумец Тютчев напечатал свои первые стихи еще в конце 20-х годов. Но даже пушкинская эпоха просмотрела Тютчева. Правда, не сам Пушкин. Именно Пушкин в 1836 году в своем журнале «Современник» опубликовал сразу 24 его стихотворения, некоторые из которых так и остались лучшими в творчестве Тютчева.

Весенние воды

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят –
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой Весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет,
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!

<1830>

Осенний вечер

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможение – и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья!

Осень 1830

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебель колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,

Но сквозь редющего сна
Весну слышала она,
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?...
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?...
Или то женская любовь?...

<Апрель 1836>

Однако вспышка интереса к поэту после этой публикации вскоре угасла, тем более что русская поэзия вступила тогда в полосу затяжного кризиса. Лишь в 1850 году к Тютчеву вновь обратилось внимание «Современника», который к тому времени стал уже некрасовским. В двух номерах журнала Некрасов опубликовал более 100 стихотворений поэта.

Если стихи Тютчева и увидели в очередной раз свет, так только благодаря случайному постороннему вмешательству, ведь в появлении их в печати бывали пропуски в пять и в четырнадцать лет, хотя в творчестве поэта не было перерыва. Сама известность Тютчева как поэта начинается собственно с 1854 года, когда ему пошел уже шестой десяток лет, а именно – со времени издания первого сборника его стихотворений при содействии И.С. Тургенева. Тургеневу стоило большого труда выпросить у Тютчева тетрадку

Кабинет Ф.И. Тютчева в Мураново

Ф.И. Тютчев. Конец XIX века

его стихотворений. По авторской скромности Тютчев тщательно избегал не только разговоров, но даже намеков на стихотворную деятельность.

Тютчев никогда сам не занимался и не занимал других собственной особой. Никогда ни к кому не навязывался он с чтением своих произведений, напротив, очевидно тяготился всякой об них речью. Никогда не повествовал о себе, никогда не рассказывал сам о себе анекдотов, и даже под старость, которая так охотно отдается воспоминаниям, никогда не беседовал о своем личном прошлом. Тютчев не только не хлопотал никогда о славе между потомками, но не дорожил ею и среди современников.

Но в 50-е годы о его стихах говорят, пишут, спорят. О чем спорить? Ведь на первый взгляд большинство стихов Тютчева лишено злободневности, посвящено вечным темам: природа, любовь.

Последняя любовь

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пусть скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

<Между серединой 1851 и началом 1854>

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь –
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

22 августа 1857

При жизни поэта лишь несколько человек осознавали грандиозность тютчевского таланта. Правда, среди этих читателей были Добролюбов, Достоевский и не очень любивший стихи Лев Толстой. Достоевский видел в Тютчеве «первого поэта-философа, которому равного не было, кроме Пушкина». Толстой склонялся даже к тому, что Тютчев как лирический поэт превосходит Пушкина. В ответ на возражение, что «Пушкин несравненно шире», Толстой говорил: «Зато Тютчев глубже... Тютчев как лирик несравненно глубже Пушкина».

Для нас же важен не столько результат спора на тему «кто выше?», сколько сам факт, что подобный спор был возможен.

1. Как вы понимаете слова Фета о стихах Тютчева – «эта книжка небольшая томов премногих тяжелей»?
2. Обратите внимание на то, что даты написания многих стихотворений Тютчева точно не известны (они взяты в скобки < >). О чём говорит этот факт?
3. Подумайте, почему именно переходные, промежуточные моменты жизни природы особенно привлекали Тютчева? Что в картинах увядающей, умирающей и возрождающейся природы притягивало внимание поэта? Какую роль в стихах Тютчева о природе играют метафоры?
4. Какие из прочитанных вами стихотворений проникнуты мыслью о ничтожности человеческой жизни перед вечной природой, равнодушной к человеку, а в каких вы встречаете гармонически-светлое восприятие природы?
5. Покажите, что известное вам стихотворение Тютчева «Еще земли печален вид...» – и о природе, и об обновлении, и признание в любви.
6. Какое из «весенних» стихотворений Тютчева удостоилось восторженной оценки Некрасова: «Сколько жизни, веселости, весенней свежести в ...подчеркнутых нами стихах! Читая их, чувствуешь весну, когда сам не знаешь, почему делается весело и легко на душе, как будто несколько лет свалилось долой с плеч...»?

Афанасий Афанасьевич Фет
(1820—1892)

Настоящее признание пришло к Фету уже после смерти, в начале XX века. Тогда же Вл. Соловьев написал стихи «Памяти А.А. Фета»

Не скрыл он в землю дар безумных песен;
Он все сказал, что дух ему велел, —
Что ж для меня не стал он бестелесен?
И взор его в душе не побледнел?

Здесь тайна есть... Мне слышатся призывы
И скорбный стон с дрожащею мольбой...
Непримиренное вздыхает сиротливо,
И одинокое горюет над собой.

При жизни же поэта его творчество вызывало раздражение и неприятие многих современников. И снова в центр поэтической борьбы стало имя Пушкина. Некрасов, говоря о Фете, вспомнил о Пушкине и сказал, что читатель «ни в одном русском поэте, после Пушкина, не почерпнет столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет». Но добавил: «Из этого не следует, чтобы мы ровняли г. Фета с Пушкиным, но мы положительно утверждаем, что г. Фет в доступной ему области такой же господин, как Пушкин в своей, более обширной и многосторонней области».

Орловщина

Примерно в это же время критик Д.И. Писарев посоветовал использовать страницы поэтических сборников Фета «для оклеивания комнат под обои и для завертывания сальных свечей, меццерского сыра и копченой рыбы», ведь только тогда они будут приносить «некоторую долю практической пользы». Позднее еще резче о стихах Фета отозвался Н.Г. Чернышевский: «...все они такого содержания, что их могла бы написать лошадь, если б выучилась писать стихи, — везде речь идет лишь о впечатлениях и желаниях, существующих и у лошадей, как у человека».

В одном Чернышевский и Писарев оказались, безусловно, правы: стихи Фета, действительно, не имели «практической» пользы, как, впрочем, и стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева...

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега.
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в прилетных журавлях.
Их, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

Афанасий Афанасьевич
Фет

Имение А.А. Фета Воробьевка. Худ. Я.П. Полонский.
1890

Пик прижизненной поэтической славы Фета пришелся на 1850–1860 годы, время реформ и перемен, эпоху, не сочувствовавшую свободе поэтического уединения. Однажды в Москве на одном из многочисленных собраний по поводу «крестьянского» вопроса к Фету подошел редактор модного тогда журнала и восторженно призвал: «Вот бы вам вашим поэтическим пером иллюстрировать это событие!» «Я не отвечал ни слова, не чувствуя в себе никаких сил иллюстрировать какие бы то ни было события, — вспоминал позднее Фет. — Я никогда не мог понять, чтоб искусство интересовалось чем-либо, помимо красоты». Действительно, на поэзию он смотрел лишь как на средство выражения чувств, ухода в мир переживаний, любви и красоты:

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди,
На заре она сладко так спит!

<1842>

Стихи, посвященные любви, всегда у Фета не просто восторженны, но и радостны, оптимистичны, в них слышится упоение красотой:

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь, – но только песня зреет.

<1843>

Обратите внимание, сколько в стихах Фета о любви картин природы, всегда глубоко содержательных, детально прописанных, с меняющимися и «исчезающими» образами. Не случайно его стихотворения очень часто называют лирическими миниатюрами, и в этом наименовании слышится не столько указание на небольшой объем произведений, сколько на их красоту, художественность, «прописанность» в мельчайших деталях:

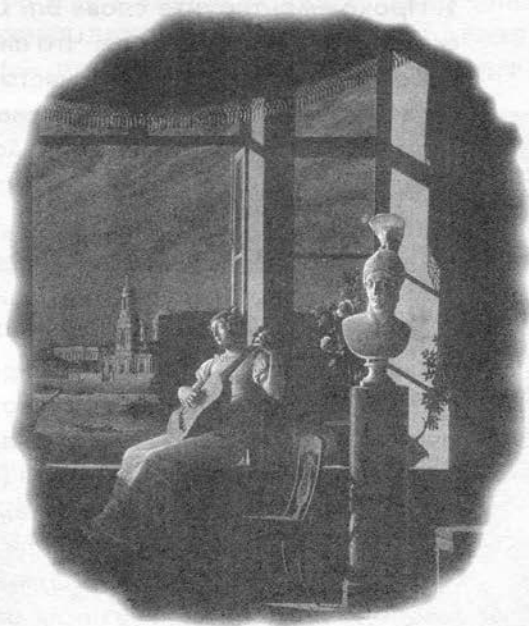
Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,

Эти ивы и березы,
Эти капли – эти слезы,
Этот пух – не лист,
Эти горы, эти доли,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,

Эти зори без затмения,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это все – весна.

<1881>

Кстати, именно за эту отличительную особенность лирики, отражающую мировосприятие Фета, его не раз оскорблял товарищ

Д.И. Писарева В.А. Зайцев: «Такое занятие, как выдумывать такие стихи, ничем не отличается от перебирания пальцами, которому с наслаждением предаются многие купчихи».

Сами того не замечая, недоброжелатели Фета «открыли», пожалуй, главный секрет его стихотворений – «перебирание» «впечатлений и желаний» – то, что Л.Н. Толстой еще в начале творческого пути Фета назвал «непонятной лирической дерзостью, свойством великих поэтов», то, что, выражаясь в звуках, делало стихотворения поэта красивыми и удивительно музыкальными.

На музыкальную выразительность стихов Фета обратил внимание и замечательный русский композитор П.И. Чайковский: «Фет в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в нашу область... Это не просто поэт, а скорее поэт-музыкант...».

...И все-таки странная судьба у Фета. Нет, пожалуй, сейчас в России человека, который не знал бы наизусть его стихотворений, поются романсы на его стихи, никому и в голову не придет, читая Фета, вспоминать лошадей и купчих... И в то же время реального представления о масштабах этого поэта большинство из нас не имеет – «здесь тайна есть...».

1. Прокомментируйте слова Вл. Соловьева об А.А. Фете: «Он все сказал, что дух ему велел». Что лично вам сказали стихи Фета?

2. Современники А.А. Фета часто упрекали его за «непонятности» и «неясности» в стихах. И.С. Тургенев, Я.П. Полонский постоянно «правили» их. Тургенев, к примеру, настоял на том, чтобы из стихотворения «На заре ты ее не буди...» была изъята последняя строфа:

И старалась понять темноту,
Где свистал и урчал соловей
То на небе, то в звонком саду.
Билось сердце слышнее у ней.

Сопоставьте два варианта стихотворения. Докажите, что замена, изъятие даже одного слова в стихотворении приводит к совершенно иному звучанию текста. Как вы относитесь к тому факту, что до сих пор многие стихотворения А.А. Фета (как, впрочем, и Ф.И. Тютчева) печатаются с редакторскими правками?

3. Романсы на стихи Фета писали такие великие композиторы, как П.И. Чайковский, А. Е. Варламов, С. В. Рахманинов. На примере любой фетовской миниатюры откройте секреты музыкальности его лирики.

4. Сопоставьте стихи о весне Ф.И. Тютчева и А.А. Фета. Чем отличаются картины природы в их изображении?

Николай Алексеевич Некрасов
(1821—1878)

В 1882 году А.Н. Плещеев в стихотворении «Памяти Некрасова» так подвел итоги жизни и творчества поэта:

Тогда стране своей родной,
Тоски исполнен безысходной,
Слагал ей песнь, и в песне той
Поэт о скорби пел народной,
Пел о желанных, лучших днях,
Народа прозревая силы...
И песнь его в людских сердцах
К неправде ненависть будила...
Он смолк... его не слышать нам...
Но в песнях, полных вдохновенья,
Он юным завещал певцам
Народу честное служенье!

Ни об одном русском поэте коллеги-литераторы не высказывались столь полярно, как о Некрасове. С одной стороны, было явное неодобрение Тургенева («Поэзия даже и не ночевала в стихах Некрасова»), Льва Толстого («...поэтическая слава переходит...

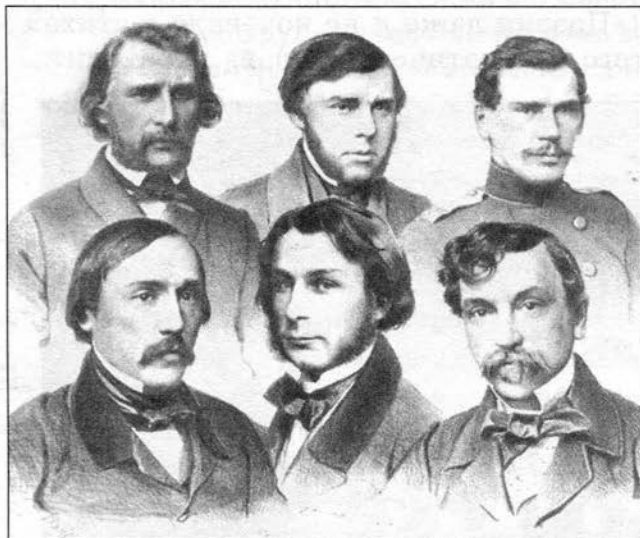
Усадьба Карабиха

к совершенно лишенному поэтического дара Некрасову»), Максима Горького. С другой стороны – восторги Достоевского, Чехова, Бунина, Блока, Ахматовой...

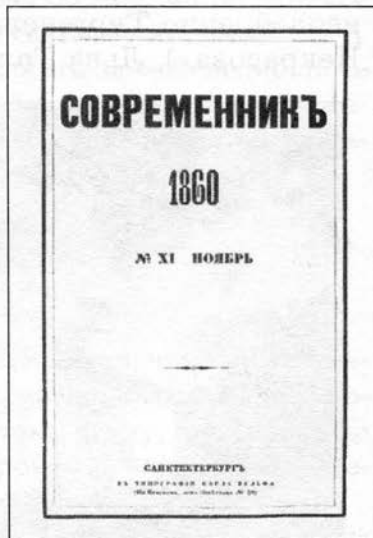
Сегодня значение Некрасова неоспоримо, все последующие поэты так или иначе испытывали его влияние. Некрасов открыл в русском стихе необозримые возможности, и уже по этой причине он – великий поэт. Однако сам он использовал лишь малую часть своих находок. Его ближайшие последователи старались в первую очередь сохранить лишь социальную заостренность творчества поэта. Зато поэты XX века сумели в первую очередь освоить некрасовские ритмы и некрасовскую интонацию и сохранили эти ценности для читателя.

Поэт огромного дарования и незаурядного вкуса, Некрасов открыл Льва Толстого, издавал лучший в России литературный журнал «Современник». И он же немилосердно «калечил» Ф.И. Тютчева как редактор и совсем не желал редактировать собственные стихи.

Но Некрасову повезло: его «редактирует» сам народ. Без малого полтора столетия люди поют его строфы: «Средь высоких хлебов...» (из «Похорон»), «Ой, полна, полна коробушка...» (из «Коробейников»), «Что ты жадно глядишь на дорогу...» (из «Тройки»).

Писатели, сотрудничавшие в «Современнике».
Нижний ряд: Н. Некрасов, Д. Григорович, И. Панаев;
верхний ряд: И. Тургенев, Ф. Сологуб, Л. Толстой

Обложка журнала «Современник», издателем которого был Н.А. Некрасов

Некрасова нередко называют «поэтом хандры», «гением уныния». К.И. Чуковский, исследовавший творчество поэта, как-то заметил, что в его стихах «столько гробов и покойников, что хватило бы на несколько погостов», и сделал вывод, что «Некрасов не хандрящий – не поэт». А между тем именно Некрасова прежде других поэтов читают детям. И это правильно, потому что без его стихов трудно понять русскую стихию.

Сегодня Некрасова нередко упрекают в том, что он в первую очередь был поэтом-гражданином, поэтом-трибуном, певцом народной жизни, революционно-демократических идеалов. Дескать, настоящим стихам куда больше социальных мотивов необходимо волшебство, красота, языковое чудо, которых нет в лирике Некрасова. Но ведь именно Некрасов был самым популярным поэтом XIX века. До Некрасова стихи читала в основном дворянская интеллигенция, а она была немногочисленна. Достаточно вспомнить, что первое посмертное издание Пушкина не раскупалось в течение 15 лет. «И то сказать – если мужику, которого только что высекли в волостном правлении или который только что вернулся верст за двадцать в свою семью, брюзгливую и злую от того, что есть нечего, начать стихотворение Пушкина или Тютчева, – если бы он даже и понял их, непременно бы плюнул и выругался...», – подметил однажды Я.П. Полонский. Как раз Некрасов (а не Пушкин, Лермонтов) возбудил в народе интерес к стихам. Как раз Некрасов (а не Тютчев, Фет) оказался единственным поэтом, способным к созданию больших поэтических полотен – эпических

Некрасов и Панаев у постели больного Белинского. Худ. А.А. Наумов. 1884

поэм. Знакомую вам поэму «Русские женщины» современники встретили не просто восторженно («Моя поэма «Княгиня Волконская»... имеет такой успех, какого не имело ни одно из моих прежних писаний...») – ее читали все. И не беспредметен был спор над могилой Некрасова между Достоевским и питерскими студентами, кто выше – Пушкин с Лермонтовым или Некрасов? У обеих сторон имелись веские доводы.

Так что не мешает нам, испытавшим уже благотворное влияние многих русских поэтов, раскрыть томик Некрасова и отыскать в его стихах новые для себя ритмы, интонации, звуки, слова...

Мы предлагаем вам познакомиться сразу с тремя большими стихотворениями поэта, потому что разделяем замечание И.С. Тургенева, высказанное им в одном из писем: «Некрасова стихотворения, собранные в один фокус (одну точку. – Авт.), – жгутся».

Несжатая полоса

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,
Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю выюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других – и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
– Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге – не ест и не пьет,
 Червь ему сердце больное сосет,
 Руки, что вывели борозды эти,
 Высохли в щепку, повисли, как плети,
 Очи потускли, и голос пропал,
 Что заунывную песню певал,
 Как, на соху налегая рукою,
 Пахарь задумчиво шел полосою.

1854

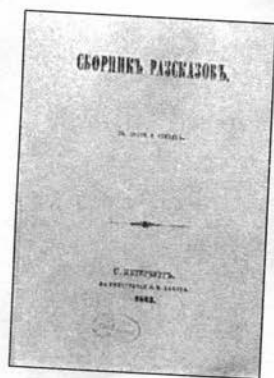
Размышления у парадного подъезда

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
 Одержимый холопским недугом,
 Целый город с каким-то испугом
 Подъезжает к заветным дверям;
 Записав свое имя и званье,
 Разъезжаются гости домой,
 Так глубоко довольны собой,
 Что подумаешь – в том их призванье!
 А в обычные дни этот пышный подъезд
 Осаждают убогие лица:
 Прожестёрты, искатели мест,
 И преклонный старик, и вдовица.
 От него и к нему, то и знай, по утрам
 Все курьеры с бумагами скачут.
 Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
 А иные просители плачут.

Раз я видел, сюда мужики подошли,
 Деревенские русские люди,
 Помолились на церковь и стали вдали,
 Свесив русые головы к груди;
 Показался швейцар. «Допусти», – говорят
 С выраженьем надежды и муки.
 Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
 Загорелые лица и руки,
 Армячишка худой на плечах,
 По котомке на спинах согнутых,
 Крест на шее и кровь на ногах,
 В самодельные лапти обутих
 (Знать, брели-то долгонько они
 Из каких-нибудь дальних губерний).
 Кто-то крикнул швейцару: «Гони!»

Нелегальные издания,
в которых печатались
произведения Некрасова

Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «суди его Бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, куда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!

Безмятежной аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени.
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, — как дитя,
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,

Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчиною,
Возвеличенный громкой хвалой!...

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? –
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;

Бурлаки на Волге. Эскиз И. Репина. 1870

Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется –
То бурлаки идут бечевой!...
Волга! Волга!... Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, –
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судьб повинувшись закону,
Все, что мог, ты уже совершил –
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

1858

Железная дорога

В а н я

(в кучерском армячке)

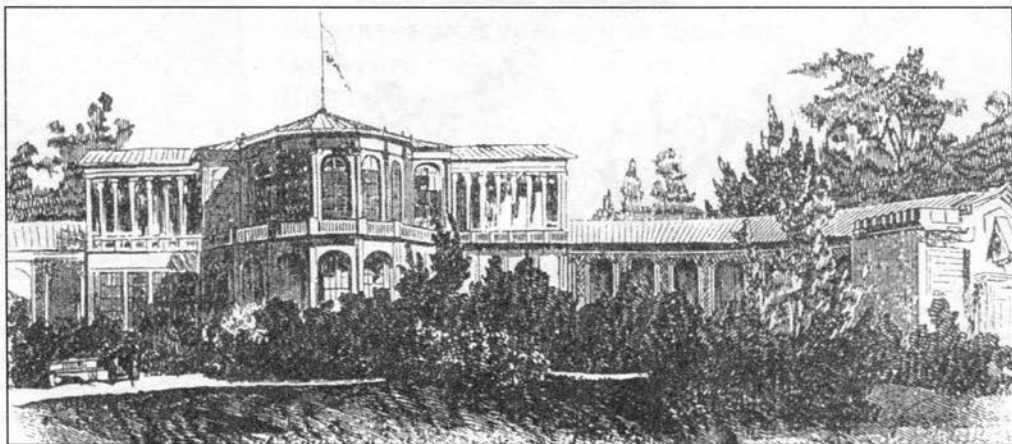
Папаша! кто строил эту дорогу?

П а п а ш а

(в пальто на красной подкладке)

Граф Петр Андреич Клейнмихель, душенька!

Разговор в вагоне

Вокзал в Павловске

I

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор! –
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни –

Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден –
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие – в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья послышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотей-десятники,
Сёкло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, Божии ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки-Волги, с Оки,
С разных концов государства великого –
Это все братья твои – мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

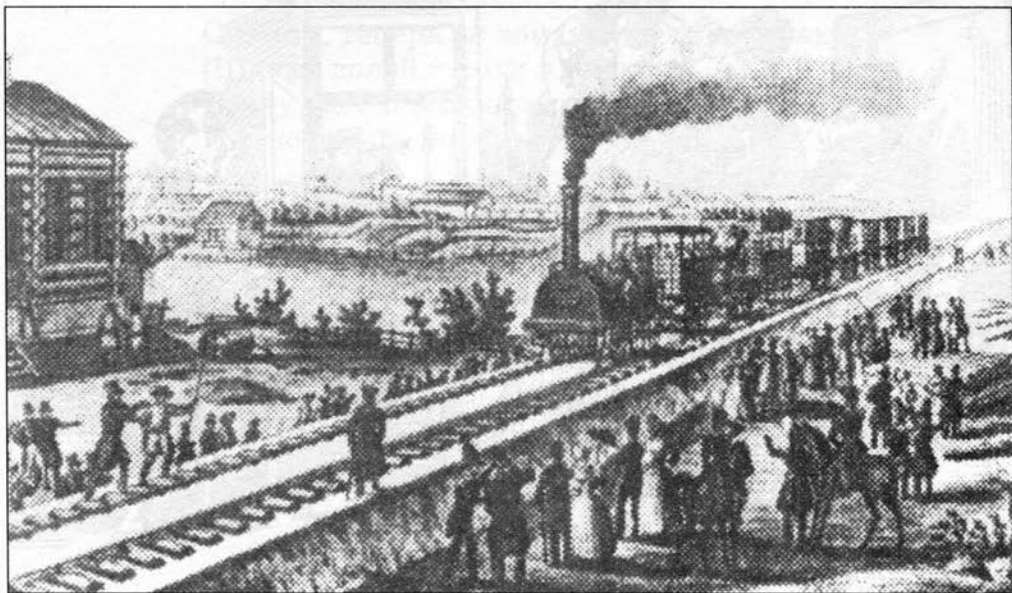
Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную –
Вынесет все, что Господь ни пошлет!

Вынесет все – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придется – ни мне, ни тебе.

III

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул – исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный, –
Ваня сказал, – тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились – и он мне сказал:
«Вот они – нашей дороги строители!»
Захотел генерал!

Царскосельская железная дорога

– Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же... все это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ – эти термы и бани,
Чудо искусства – он все растаскал!
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

– Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать – разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...

– Помилуйте, что вы делаете, господа?

– Ничего, не беспокойтесь, монсиньер: здесь будет ехать железная дорога.

Карикатура конца XIX века

IV

Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены – немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку –
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот, поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане – почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот оттирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..»

С Богом, теперь по домам, – проздравляю!
(Шапки долой – коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И – *недоимку дарю!..»*

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей – и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

1864

1. Как вы понимаете слова И.С. Тургенева? Совпало ли ваше восприятие стихотворений Некрасова с восприятием Тургенева? О каких стихах можно сказать, что они – «жгутся»?
2. Насколько целесообразным вам показалось такое объёмное чтение? В какой «фокус» собраны нами стихотворения Н.А. Некрасова?
3. Вспомните известные вам с детства стихотворения Н.А. Некрасова («Дедушка Мазай и зайцы», «Крестьянские дети» и др.). Какие впечатления, переживания они оставили в вашей памяти? «Жгутся» ли произведения Некрасова, написанные для детей?
4. Подумайте, какие из приведенных выше высказываний о творчестве поэта справедливы. Аргументируйте свой ответ, приводя цитаты из его стихотворений.
5. Какие «читательские» открытия вы сделали, самостоятельно читая стихотворения Некрасова? Чью бы сторону заняли вы в споре о том, кто выше в русской поэзии?
6. «Я пиру посвятил народу своему», – сказал о себе поэт в одном из своих стихотворений. В чем вы увидели это посвящение в прочитанных вами стихотворениях?
7. Докажите, что некрасовская гражданская поэзия с полным правом могла считаться наследницей завета Пушкина «глаголом жечь сердца людей».

Подведем итоги

1. Сформулируйте, что нового принес в мир каждый из трех великих поэтов. Если можно, подкрепите свою мысль строками из стихотворений А.А. Фета, А.Н. Плещеева, Вл. Соловьева.
2. Докажите, что поэзия середины XIX века действительно была многоплановой, несущей в себе подчас противоборствующие начала. О чем все-таки, по-вашему, можно говорить, о диалоге или противостоянии в русской поэзии середины – второй половины XIX века?
3. Подумайте, почему стихи Ф.И. Тютчева так часто продолжаются многоточием, а миниатюры А.А. Фета никогда не заканчиваются смысловым многоточием.
4. Со времен А.А. Фета и Н.А. Некрасова продолжается в литературе спор о том, чему должна служить поэзия – правде жизни, насущным потребностям общества или воспеванию красоты. Объясните, какой выбор сделали для себя следующие поэты:

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора,
Среди садов деревья гнутся долу
И до земли висит их плод тяжелый?

Шумя, тростник над озером трепещет,
И чист, и тих, и ясен свод небес,
Косарь поет, коса звенит и блещет,
Вдоль берега стоит кудрявый лес,
И к облакам, клубясь над водою,
Бежит дымок синеющей струей?...

А.К. Толстой. 1840-е гг.

Утро

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь – безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом – на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, воду морщит – рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылись.
Далеко-далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудились,
Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут...
А восток все горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет – песню поет;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

И.С. Никитин

Б

5. Найдите и прочитайте стихотворения А. Блока «Унижение», «На железной дороге», И. Анненского «Петербург», Н. Гумилева «Городок». Какие строки явно перекликаются со стихами Некрасова?
6. Проведите сопоставительный анализ стихотворений Н.А. Некрасова и А.А. Фета. Сделайте вывод о разности художественных миров поэта-гражданина и поэта-романтика.
7. Прокомментируйте следующие строки поэта второй половины XIX века Ник. Рубцова:

Я переписывать не стану
Из книги Тютчева и Фета,
Я даже слушать перестану

Того же Тютчева и Фета,
Но я у Тютчева и Фета
Проверю искреннее слово,
Чтоб книгу Тютчева и Фета
Продолжить книгою Рубцова!..

8. Прочитайте стихотворение Я.П. Полонского и определите, кому из трех поэтов оно посвящено (было написано на 50-летний юбилей):

Ночи текли – звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...
Капали слезы, – рыдала любовь; и алел
Жаркий рассвет, и те грезы, что в сердце мы тайно лелеяли,
Трель соловья разносила – и бурей шумел
Моря сердитого вал – думы грели, и – реяли
Серые чайки...

Советуем прочитать:

1. Аксаков И.С. Тютчев.
2. Бухштаб Б.Я. А.А. Фет. Очерк жизни и творчества. – Л., 1974.
3. Кожин В.В. Тютчев («ЖЗЛ»). – М., 1994.
4. Кожин В.В. Поэзия и судьба Афанасия Фета. – М., 1981.
5. Озеров Л.А. Читая Тютчева. – М., 1995.

Развитие речи.

Лингвистический анализ стихотворного текста

Вы уже знакомы с комплексным анализом лирического стихотворения, учились вычитывать субъективный, зачастую спрятанный от читателя смысл стихотворений. Вернемся еще раз к медленному чтению стихотворного текста. В центре нашего внимания будет в первую очередь *язык стихотворного текста*, ведь любая текстовая информация выражается определенными языковыми средствами, и лингвистический анализ может быть ключиком к пониманию текста, особенно в том случае, когда художественные произведения написаны в прошлые века.

Известный филолог Н.М. Шанский предлагает при подобном анализе рассматривать такие языковые факты, как:

- 1) организацию стиха (структуру, графику строки);
- 2) устаревшие или ненормативные факты в области фонетики, морфологии, синтаксиса;
- 3) соответствие языка текста современным литературным нормам (произношение, правописание, лексика, морфология, синтаксис, стиль, словоупотребление);

4) специфические языковые особенности текста (словесная игра, традиционно-поэтическая лексика, авторские находки, поэтические вольности и пр.);

5) характерные и излюбленные писателем языковые средства;

6) отдельные слова, фразеологизмы, словосочетания;

7) ключевые слова разбираемого текста.

Каждый разбираемый языковой факт должен быть точно осознан в своем значении для текста.

Познакомьтесь с примерным лингвистическим анализом стихотворения А.А. Фета.

Учись у них – у дуба, у березы;
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Все злей метель и с каждой минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватается холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

1883

Композиционно стихотворение строится удивительно естественно. Двенадцать строчек по смыслу связаны в единое целое страстным призывом выстоять и стерпеть настоящее во имя будущего и твердой верой в то, что оно обязательно будет. Отсюда две противопоставленные друг другу части миниатюры. Первые две строфы – приказ выстоять и, не жалуясь, вытерпеть жестокую пору жизни. Вторая часть (последняя строфа) – призыв верить в лучшее, в возрождение, тепло и свет.

Не менее четко – по смыслу – дифференцируется и художественное время в стихотворении. В первой части – перед нами настоящее (то, что уже есть: Кругом зима. Жестокая пора!). Иногда настоящее есть результат прошлого действия (застыли слезы, треснула кора). Отсюда и соответствующие глагольные формы настоящего и прошедшего времени (застыли, треснула, рвет, хватается, стоят, молчат).

Во второй части стихотворения перед нами предстает будущее, то, что, по твердому убеждению поэта, обязательно настанет. Отсюда и соответствующие глагольные формы будущего времени (промчится, переболит).

Поучительность, прямое использование языка как средства воздействия проявляются в употреблении поэтом глагольных форм. Формы повелительного наклонения как ключевые образуют рамочную

конструкцию (Учись у них – Но верь весне) всего стихотворения и кольцевое единство первой части (Учись у них – Молчи и ты).

Как композиционная опора стихотворения в целом выступает начальная строка, в которой мы сталкиваемся с пятью «у». В этой же роли выступают и две заключительные строки стихотворения, представляющие собой последнее предложение с двумя симметрично построенными дополнениями (для ясных дней, для юных откровений), усиливающими поэтическую мысль.

Язык стихотворения удивительно ясен и понятен, как будто стихотворение только что написано. В нормы современной стихотворной речи не укладываются только падежные формы «листы» и «жизнию». Они объясняются традициями поэтических вольностей: для рифмовки с «ты» возникают «листы», а форма «жизнию» дает лишний слог для ритмических целей.

Из слов обращает на себя внимание, пожалуй, лишь существительное «гений». Это слово из традиционного поэтического словаря, и значение его можно определить как «дух» (покровитель). Все остальное взято поэтом из живой разговорной речи (ср.: лютый холод, хватает за сердце, ясные дни).

Все используемые поэтом слова, за исключением слов «гений», «минута» и старославянизма «откровений», являются исконно русскими. Да и названные иноязычные слова давно перестали быть иностранными и воспринимаются как свои.

В языковом отношении стихотворение «Учись у них...» – один из самых прекрасных образцов художественного слова, образцов для формирования твердости духа, терпимости в «минуты роковые» нашего сложного и противоречивого времени.

По Н.М. Шанскому

1. Соотнесите анализ стихотворения с перечислением языковых фактов, которые можно было исследовать. На чем остановил свое внимание филолог?

2. Составьте примерный план анализа по предложенному образцу.

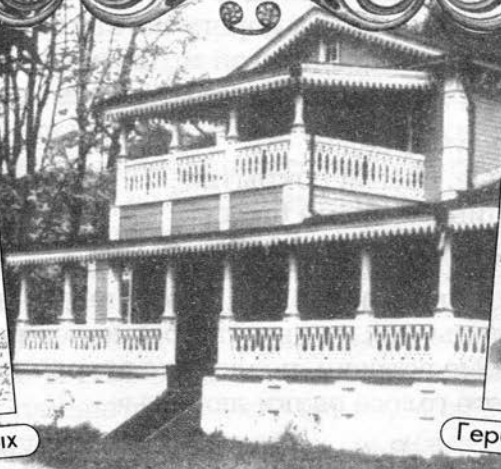
3. Выпишите из образца специальные слова и обороты, которые уместно использовать в лингвистическом анализе (в языковом отношении, композиционная опора, художественное время и пр.).

4. Напишите (подготовьте) по образцу лингвистический анализ стихотворения А.А. Фета «Я пришел к тебе с приветом» или самостоятельно проанализируйте любое стихотворение Ф.И. Тютчева, Н.А. Некрасова, других поэтов второй половины XIX века.

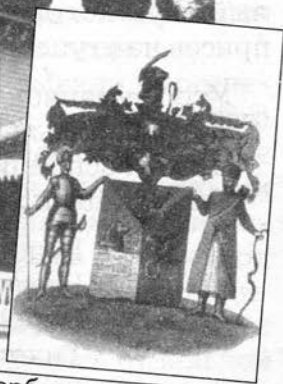

Герб рода Тургеневых

Спасское, усадебный дом Тургеневых

Герб рода Лутовиновых

Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883)

В историю русской литературы И.С. Тургенев вошел как великолепный стилист, поэт русской природы, тончайший психолог, создатель неуловимо прекрасных женских образов.

Так получилось, что большую часть своей жизни Тургенев провел на чужбине. В Буживале, недалеко от Парижа, в последние дни своей жизни он часто видел во сне запущенный сад родного поместья Спасское-Лутовиновое, его тенистые аллеи, узкие дорожки, пруды и полянки, липовую беседку, где он когда-то давным-давно писал свой первый роман «Рудин» о человеке талантливым, честном, умном, но лишенном в крепостной России. Именно в Спасском научился Тургенев нежно любить природу и ненавидеть рабство. Отец... крепостница-мать... старая нянюшка Васильевна... братья... друзья детства... крепостные мужики и дворовые... первая любовь... любимые книги...

Книг было много, русских и иностранных. Отдельной стопкой на письменном столе лежали любимейшие – Пушкин, Шекспир, Лермонтов, Гоголь. Лермонтова – «Думу», «Не верь себе...», «Тучи», «Еврейскую мелодию», «1-ое января» – он мог читать без конца, тщательно переписывал, дарил списки друзьям. Стихи Пушкина и томики Гоголя с любимыми «Вечерами на хуторе близ Диканьки», «Арабесками», «Миргородом» всюду возил с собой,

без конца перечитывал, находя в них каждый раз что-то новое, как будто пропущенное, не замеченное раньше.

Воспоминания о Спасском всегда сопровождали Тургенева. В один из осенних вечеров, находясь вдали от родной Орловщины, он особенно отчетливо увидел дорогу на Спасское, услышал унылый звук колокольчика под дугой и прямо на городской улице, присев на ступеньки подъезда какого-то дома, торопливо записал:

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной.
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

1843

Удивительно легко писалось Тургеневу за границей. Даже в унылом, мокром от бесконечных дождей Зальцбурге, куда он привез больного чахоткой Белинского, не покидало его вдохновение. Спустя два года после того, как Тургенев покинул степи и рощи Орловщины, болотные дебри Полесья, почтовые станции, иссеченные дождями и временем, в далеком курортном городке он напи-

И.С. Тургенев. Фотография А. Бергнера. 1856

Спасское-Лутовиново.
Аллея в парке

В.Г. Белинский

сал свою первую, прославившую его книгу – «Записки охотника». «Странно, право странно, господа: этаким мальчишка, а пишет для нашего «Современника...» отличнейшие рассказы, – со сдержанной улыбкой говорил Белинский. В своей второй статье «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» критик напишет: «Ведь «Хорь и Калиныч» – чудо... Вы в этих рассказах зашли к народу с такой стороны, с которой еще никто из писателей к нему не заходил...»

Новое, почти незнакомое дотоле чувство охватывало Тургенева, когда писал он эти короткие рассказы. Как будто вокруг него дышала, раскинувшись под солнцем, родная русская земля с ее оврагами, рощами, ленивыми речками, низкими, закиданными темной соломой деревнями. Вспоминались степенные мужики, бабы, ребятишки, случаи и беседы на охоте под треск костра, под ночным фиолетовым небом, забрызганным желтыми трепещущими пятнами звезд. А еще веселила и тешила мысль, что вот так внезапно, легко рождаются под его пером, чтобы жить отдельной жизнью, живые души, натуры особенные, все те же самые мужики и бабы, барские холопы. Нет уж, милостивые государи помещики, куда вам до них: «Редко мне случалось видеть такого молодца. Он был высокого росту, плечист и сложен на славу. Из-под мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядели небольшие карие глаза. Он слегка уперся руками в бока и остановился передо мною».

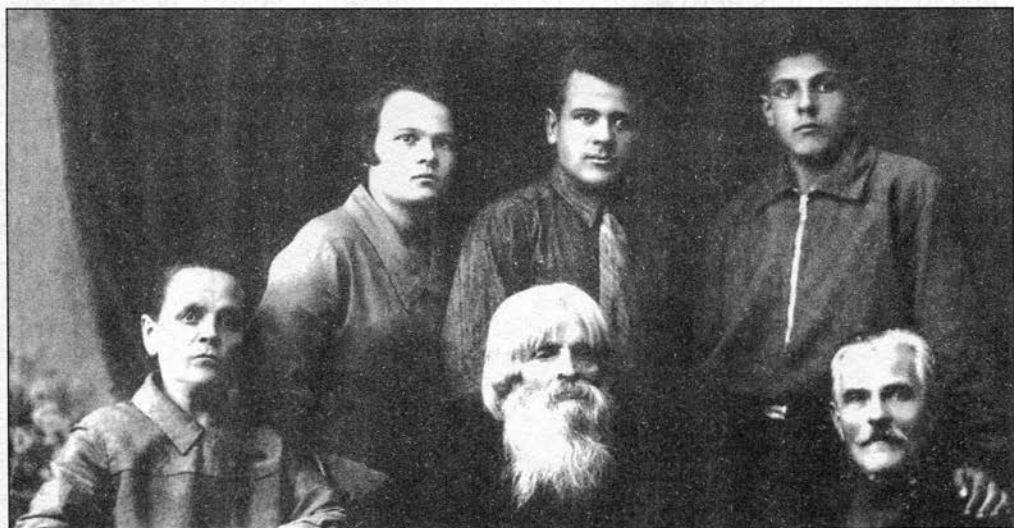
Судьба Тургенева сложится так, что на какое-то время родное гнездо станет для него местом ссылки. Однажды, вскоре после смер-

Иллюстрации к произведениям И.С. Тургенева. Худ. П. Соколов

ти Гоголя, «на частную беседу» его вызвал к себе управляющий Третьим отделением жандармерии Дубельт. Если покойного графа Бенкендорфа называли цепным псом императора, то Дубельта – «коварной кошкой с железными коготками». В начале разговора последовала оценка «Записок охотника»: «Рассказы, натурально, прелестны, но вы, молодежь, по примеру покойного Гоголя слишком уж раздражительны, пишете только черным по белому...». А потом Дубельт уже не уходил от темы Гоголя: «Он что, ваш родственник?... Почему вы изволили носить траур по Гоголю?... Вы ведь изволили к тому же, милостивый государь мой, нарушить цензурный устав. Запрещенную столичным комитетом (в Санкт-Петербурге. – *Авт.*) статью свою о преувеличенных заслугах покойного сочинителя Гоголя вы поместили в Москве... Это уже преступление, господин Тургенев». В результате после нескольких дней, проведенных в полицейском участке, писатель был сослан в родное имение.

Сидя под арестом, он вспомнил историю глухонемого мужика по имени Андрей, жившего когда-то в господской деревне и перевезенного по приказу маменьки Варвары Петровны Тургеневой в Москву обихаживать и сторожить ее дом. Гигант-дворник службу справлял аккуратно, ни в чем госпоже не перечил. Велела, к примеру, Варвара Петровна, чтобы ездил он теплой порой за водою обязательно в нарядной красной рубахе и кучерской шапке с павлиньими перьями, – он прихоть ее выполнял с неизменной охотой. Приглянулась немому тихая дворовая девушка, а барыня рассудила отдать ее замуж за другого – он и это стерпел. И собачонку свою, по кличке Муму, спасенную как-то зимой из речки Фонтан-

Прототип Герасима (в центре) с семьей

ки, любимицу, отраду и утешение, безропотно утопил сам, когда матушка-барыня приказала. Только с той поры ни разу не улыбнулся Андрей, а по смерти маменьки хмуро, без благодарности принял вольную и ушел куда-то на Русь...

Вот и вся история о немом дворнике Андрее – в те годы каждый в России проходил мимо тысячи подобных случаев. А между тем в этой маленькой и простой истории для Тургенева было все страшно, все драма, и потому, не обращая внимания на тюремное одиночество, он вывел пером на чистом листе бумаги заглавие «Муму» и увлеченно начал писать повесть об оскорбленной человеческой душе...

А 1. Что нового для себя вы открыли в писателе И.С. Тургеневе?

2. Вспомните прочитанные вами ранее рассказы «Певцы», «Бирюк». В какой степени можно к ним отнести оценки Белинского и Дубельта?

3. Докажите, что антикрепостническое содержание «Записок охотника» проявилось прежде всего в высокой оценке духовных и нравственных качеств русского крестьянина. На примере любого рассказа покажите, как Тургенев создает образ русского крестьянина, какими чертами национального характера наделяет своего героя.

4. «Под этим именем («Записки охотника». – Авт.) я собрал и сосредоточил все, против чего я решился бороться до конца – с чем я поклялся никогда не примиряться...», – писал Тургенев в своих воспоминаниях. С чем же, по вашему мнению, боролся Тургенев?

Б 5. На примере повести «Муму» покажите, как соотносятся реальная и художественная правда.

6. Чем вы можете объяснить интерес композиторов к стихотворениям И.С. Тургенева? Какие прозаические строки Тургенева вы бы назвали музыкальными?

7. Назовите известные вам «стихотворения в прозе», созданные Тургеневым на закате творческой жизни. Какие темы, вновь пережитые и пережитые писателем на склоне лет, нашли в них свое отражение? О чем размышляет Тургенев, над чем задумывается? В каких стихотворениях звучит глубоко оптимистическая вера в силы жизни? Вспомните, откуда эти строчки, формулирующие одну из заветных гуманистических идей Тургенева: «Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. – Только ею, только любовью держится и движется жизнь».

8. Прочитайте самостоятельно одну из повестей Тургенева – «Ася», «Вешние воды», «Первая любовь». Каким смыслом, на ваш взгляд, наполнено понятие «тургеневские девушки»? Почему тургеневские повести и романы – на первый взгляд, лишь произведения о любви – встречались читателями как важнейшие события общественной жизни, вызвали подлинные журнальные бури?

В доме на Сивцевом Вражке в Москве зимой 1850/1851 года Толстой начал свою литературную деятельность

Лев Николаевич Толстой (1828–1910)

В отличие от Тургенева, Толстой с самого начала пошел другим путем художественного изучения личности.

Всю свою жизнь он искал истину, смысл жизни. За два года до смерти Толстой записал в дневнике: «Да, работать надо над собой – теперь, в восемьдесят лет, делать то самое, что я делал с особенной энергией, когда мне было 14–15 лет: совершенствоваться». Дневник Толстой начал вести еще в юности, в нем он записывал отдельные мысли, наблюдения, ставил перед собой цели, искал пути исправления. В 19 лет он определил правила, которым ему необходимо следовать:

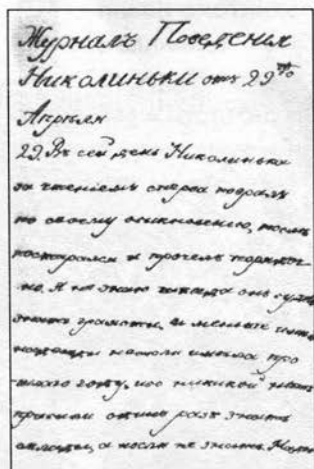
«1. Что назначено непременно исполнить, то исполняй, несмотря ни на что. 2. Что исполняешь, исполняй хорошо. 3. Никогда не справляйся в книге, ежели что-нибудь забыл, а старайся сам припомнить. 4. Заставь постоянно ум твой действовать со всею ему возможной силою. 5. Читай и думай всегда громко. 6. Не стыдись говорить людям, которые тебе мешают, что они мешают».

Ведете ли вы дневник? Когда начали его писать? Под влиянием чего или кого? Какое из правил, сформулированных для себя Толстым, вы могли бы считать своим?

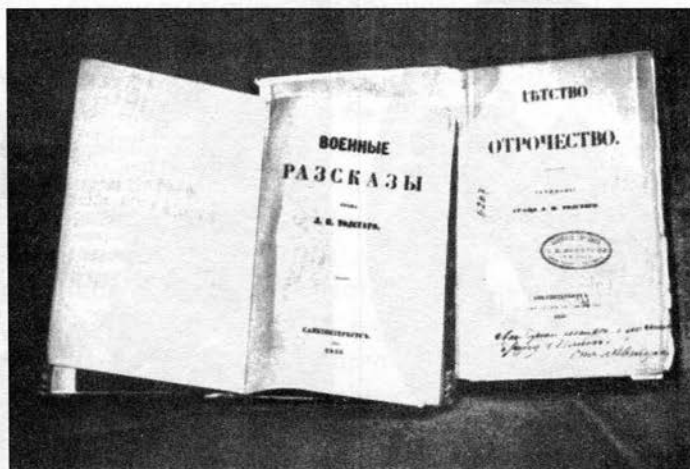
А вот какие цели жизни наметил юный Толстой на два года: «1. Изучить весь курс юридических наук. 2. Изучить практическую медицину и часть теоретической. 3. Изучить языки: французский, русский, немецкий, английский, итальянский и латинский. 4. Изучить сельское хозяйство, как теоретическое, так и практическое. 5. Изучить историю, географию и статистику. 6. Изучить математику, гимназический курс. 7. Написать диссертацию. 8. Достигнуть средней степени совершенства в музыке и живописи».

Попробуйте наметить для себя жизненные цели на ближайшие два года. В чем бы вы желали достигнуть «средней степени совершенства»?

Свое первое произведение – знакомую вам повесть «Детство» – Толстой написал на Кавказе. «Детство» опубликовал знаменитый «Современник», издаваемый в те годы Некрасовым. Это было не просто художественно совершенное произведение, это был определенного рода ориентир, по которому писатель выверял весь свой дальнейший путь. Толстой, считавший, что человек рождается совершенным, показывает в повести счастливое, радостное детство своего героя. Николеньку окружает любовь. Все его любят, и он любит всех. Рассказывая об этом, Толстой проявил удивительную способность к изображению внутренней жизни человека («диалектики души») и внешнего мира. Под пером писателя важной для читателя становится любая деталь: «12 августа 18.. ровно в третий день после моего рождения, в который мне минуло десять лет и в который я получил такие чудесные подарки, в семь часов утра Карл Иванович разбудил меня, ударив над самой моей головой хлопнушкой – из сахарной бумаги на палке – по мухе. Он

Журнал поведения Николеньки от 29-го апреля

Сочинения Л.Н. Толстого
«Военные рассказы» и «Отрочество»

сделал это так неловко, что задел образок моего ангела, висящий на дубовой спинке кровати, и что убитая муха упала мне прямо на голову». 12 августа 18.. года случилось всего-навсего то, что Карл Иванович убил муху и она, упав на спящего мальчика, разбудила его. Но это важно для героя и становится важным для читателей.

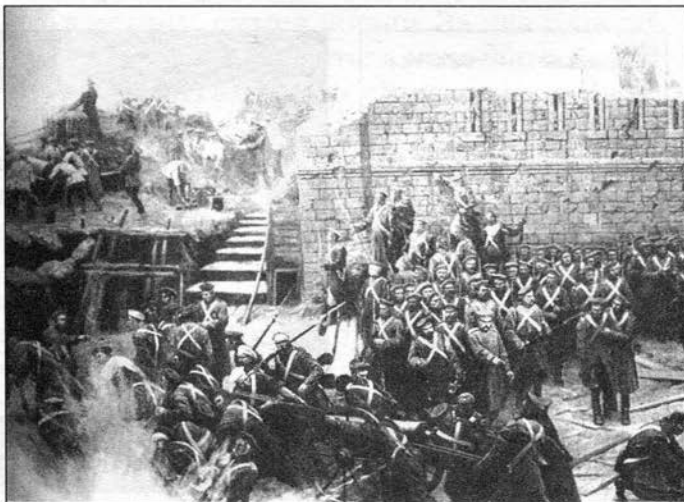
Становление внутреннего духовного мира человека на разных этапах его развития тщательно прослежено и в других повестях трилогии, которую часто называют автобиографической: «Отрочество», «Юность». Если «Детство» – это наивная, непосредственная гармония и единство маленького человека с миром, то «Отрочество» – их разъединение, а «Юность» – обретение уже новых, сознательных связей героя с людьми, время новых надежд.

Богатый личный опыт писателя отражают также знакомые вам «Севастопольские рассказы». Как офицер, Толстой принимал участие и в Кавказской, и в Крымской войне, из которых он вынес опыт, бесценный и для его дальнейшего творчества, который позволил ему позднее рассказать об Отечественной войне 1812 года в «Войне и мире». Участие в обороне Севастополя дало ему возможность увидеть народный энтузиазм, героизм простых русских солдат и матросов. В письме к брату Толстой писал: «Дух в войсках выше всякого описания. Во времена Древней Греции не было столько геройства».

Всего об обороне Севастополя Толстой написал и напечатал в «Современнике» три рассказа, которые имели большой успех и сделали их автора знаменитым. В этих рассказах Толстой показал войну по-новому. В центре его внимания – не блестящие

Л.Н. Толстой в 1854–1855 годах участвовал в обороне Севастополя. Фотография. 1885

Оборона Севастополя. Фрагмент картины Ф. Рубо. 1902–1904

подвиги героев, а повседневная жизнь человека на войне. Прежде чем показать военные действия, Толстой ведет читателя в госпиталь и обращается к нему со словами, выражающими основной пафос рассказов: «увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, в смерти».

Но это не просто описание внешних событий. И здесь в центре внимания прежде всего психология человека в минуты смертельной опасности, желание проникнуть в суть и противоречивость таких нравственных состояний, как, например, храбрость у разных людей и у людей разного социального положения. Уже здесь Толстой обнаруживает истинную, не показную храбрость и подлинную моральную стойкость более всего в простых людях, солдатах.

- А**
1. Прокомментируйте следующие строки из рассказа Л.Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце»: «Вглядитесь в лица, в осанки и в движения этих людей: в каждой морщине этого загорелого скуластого лица, в каждой мышце, в ширине этих плеч, в толщине этих ног, обутых в громадные сапоги, в каждом движении, спокойном, твердом, неторопливом, видны эти славные черты, составляющие силу русского, – простоты и упрямства; но здесь на каждом лице кажется вам, что опасность, злоба и страдания войны, кроме этих главных признаков, приложили еще следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства».
2. Сопоставьте героев «Севастопольских рассказов» с героями «Записок охотника». Что общего вы видите в изображении героев? В чем различие?
- Б**
3. Вставьте имя известного вам писателя в высказывание В. Корнилова: «Толстой, повторивший, возможно, не без влияния _____, его биографию – незаконченный университет, юнкерство и офицерство, на склоне жизни писал: «Военная служба вообще развращает людей, ставя поступающих в нее в условия совершенной праздности, то есть отсутствия разумного и полезного труда, и освобождая их от общих человеческих обязанностей, взамен которых выставляет только условную честь полка, мундира, знамени и, с одной стороны, безграничную власть над другими людьми, а с другой – рабскую покорность высшим себя начальникам» («Воскресение»).
4. Подберите к словам Толстого иллюстративный цитатный материал из его «Севастопольских рассказов».

Дом, где Достоевский провел детские и отроческие годы

Федор Михайлович Достоевский (1821–1881)

1. На уроках литературы мы еще не обращались к книгам Федора Михайловича Достоевского. Сформулируйте одну из основных тем его творчества по заглавиям произведений писателя: «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные». Расскажите о вашем опыте самостоятельного прочтения повестей и романов Достоевского.
2. Обратите внимание на даты жизни писателя. Вспомните, какие события в общественной и литературной жизни России происходили в то время. Предположите, какие из них могли повлиять на творческую судьбу Достоевского.
3. Для знакомства со страницами жизни Ф.М. Достоевского мы обратились к дневникам и письмам писателя. Что вы ждете от чтения такой биографии?

«Мне было всего девять лет от роду... Лето на исходе, и скоро надо ехать в Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками, и мне так жалко покидать деревню... И вот я забился гуще в кусты и слышу, как недалеко, шагах в тридцати, на поляне, одиноко пашет мужик... Я весь погружен в мое дело, я тоже за-

нят: я выламываю себе ореховый хлыст, чтобы стегать им лягушек; хлысты из орешника так красивы и так непрочны, куда им против березовых. Занимают меня тоже букашки и жучки, я их собираю, есть очень нарядные; люблю я тоже маленьких, проворных, красно-желтых ящериц, с черными пятнышками, но змеек боюсь... Вдруг, среди глубокой тишины, я ясно и отчетливо услышал крик: «Волк бежит!» Я вскрикнул и вне себя от испуга, крича в голос, выбежал на поляну, прямо на пашущего мужика...

– Волк бежит!» – прокричал я, задыхаясь.

Он вскинул голову и невольно огляделся кругом, на мгновение почти мне поверив...

– Что ты, что ты, какой волк, померещилось, вишь! Какому тут волку быть! – бормотал он, ободряя меня. Но я весь трясся и еще крепче уцепился за его зипун и, должно быть, был очень бледен. Он смотрел на меня с беспокойною улыбкою, видимо боясь и тревожась за меня... Он протянул руку и вдруг погладил меня по щеке.

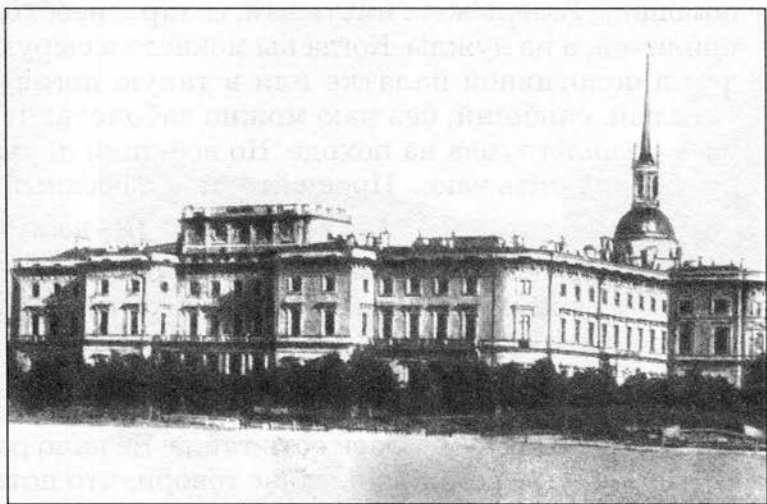
– Ну, полно же, ну, Христос с тобой, октись.

Углы губ моих вздрагивали, и, кажется, это особенно его поразило. Он протянул тихонько свой толстый, с черным ногтем, запачканный в земле палец, и тихонько дотронулся до вспрыгивавших моих губ. Встреча была уединенная, в пустом поле, и только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственной нежностью может быть наполнено сердце иного грубого... крепостного русского мужика.

(Из «Дневника писателя»)

Кондукторы Инженерного училища

Михайловский замок. Главное инженерное училище

«...В тридцать седьмом году, когда мне было всего лишь около пятнадцати лет от роду, ... я и старший брат мой ехали с покойным отцом нашим в Петербург, определяться в Главное инженерное училище... Мы с братом стремились тогда в новую жизнь, мечтали об чем-то ужасно, обо всем «прекрасном и высоком», — тогда это словечко было еще свежо и выговаривалось без иронии... Мы верили чему-то страстно, и хоть мы оба отлично знали все, что требовалось к экзамену из математики, но мечтали мы только о поэзии и поэтах. Брат писал стихи, каждый день стихотворения по три, и даже дорогой, а я беспрерывно в уме сочинял роман из венецианской жизни. Тогда, всего два месяца перед тем, скончался Пушкин, и мы дорогой сговаривались с братом, приехав в Петербург, тотчас же сходить на место поединка и пробраться в бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидеть ту комнату, в которой он испустил дух».

(Из «Дневника писателя»)

«Вообразите, что с раннего утра до вечера мы в классах едва успеваем следить за лекциями. Вечером же мы не только не имеем свободного времени, но даже ни минуты, чтобы следить хорошенько на досуге слышанное в классах. Нас посылают на фрунтовое учение, нам дают уроки фехтования, танцев, пения, в которых никто не смеет не участвовать. Наконец, ставят в караул, и в этом проходит все время».

(Из письма отцу)

«Будь я на воле, на свободе (не в училище. — Авт.)... я обжился бы с железною нуждою. Стыдно было бы тогда мне и заикнуться о помощи... Теперь же... иметь чай, сахар... необходимо не из одного приличия, а из нужды. Когда вы мокнете в сырую погоду под дождем в полотняной палатке или в такую погоду придя с ученья усталый, озябший, без чаю можно заболеть; что со мной случилось прошлого года на походе. Но все-таки я, уважая Вашу нужду, не буду пить чаю... Прощайте, мой любезный папенька».

(Из последнего письма отцу)

«Что мне сказать тебе о себе? ... Душа моя больше не доступна прежним бурным порывам. Все в ней тихо, как в сердце человека, затаившего глубокую тайну; учиться, «что значит человек и жизнь» — в этом довольно успеваю я; учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно...

Я в себе уверен. Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком...»

(Из письма брату после смерти отца)

«Когда судьба толкнула меня в чиновники, я... служил примерно, но только кончу, бывало, служебные часы, бегу к себе на чердак, надеваю свой дырявый халат, развертываю Шиллера и мечтаю, и упиваюсь, и страдаю такими болями, которые слаще всех наслаждений в мире, и люблю, и люблю...»

(Из «Дневника писателя»)

«Перед елкой и в самую елку перед Рождеством я все встречал на улице, на известном углу, одного мальчишку, никак не более как лет семи. В страшный мороз он был одет почти по-летнему, но шея у него была обвязана каким-то старьем, — значит, его все же кто-то снаряжал, посылая. Он ходил «с ручкой»; это технический термин, значит — просить милостыню. Термин выдумали сами эти мальчишки. Таких, как он, множество, они вертятся на вашей дороге и завывают что-то заученное, но этот не завывал и говорил как-то невинно и непривычно и доверчиво смотрел мне в глаза, — стало быть, лишь начинал профессию... Их высылают «с ручкой» хотя бы в самый страшный мороз, и если ничего не наберут, то, наверно, их ждут побои...

Видали ли вы или слыхали ли о мучимых маленьких детях, ну хоть о сиротках в иных чужих злых семьях? Видали ли вы, когда ребенок забьется в угол, чтоб его не видали, и плачет там, ломая ручки (да, ломая руки, я сам это видел) — и ударяя себя крошечным кулачком в грудь, не зная сам, что он делает, не понимая хорошо ни вины своей, ни за что его мучают, но слишком чувствуя, что его не любят».

(Из «Дневника писателя»)

Ф.М. Достоевский. Художник К. Трутовский. 1847

Невский проспект зимой. Литография А.И. Шарлемана. 1856

Однажды, в январе 1845-го, я «спешил с Выборгской стороны к себе домой... Подойдя к Неве, я остановился на минуту и бросил пронзительный взгляд вдоль реки в дымную, морозно-мутную даль, вдруг заалевшую последним пурпуром зари, догоравшей в мгlistом небосклоне. Ночь ложилась над городом, и вся необъятная, вспухшая от замерзшего снега поляна Невы, с последним отблеском солнца, осыпалась бесконечными мириадами искр иглистого огня. Становился мороз в двадцать градусов... Морозный пар валил с усталых лошадей, с бегущих людей. Сжатый воздух дрожал от малейшего звука... Казалось... что весь этот мир, со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, приютами нищих или раззолоченными палатами, в этот сумеречный час походят на фантастическую, волшебную грезу, на сон, который, в свою очередь, тотчас исчезнет и искурится паром к темно-синему небу. Какая-то странная мысль вдруг зашевелилась во мне... Я как будто что-то понял в эту минуту, до сих пор только шевелившееся во мне, но еще не осмысленное; как будто прозрел что-то новое совершенно в новый мир, мне незнакомый... Я полагаю, что с этой минуты началось мое существование...

И вдруг, оставшись один, я об этом задумался... И замерещилась мне тогда другая история, в каких-то темных углах, какое-то титулярное сердце, честное и чистое... и вместе с ним какая-то девочка, оскорбленная и грустная, и глубоко разорвала мне сердце вся эта история».

(Из «Дневника писателя»)

«Нам тогда было по двадцати с немногим лет. Я жил в Петербурге, уже год как вышел в отставку из инженеров, сам не зная зачем, с самыми неясными и неопределенными целями. Был май месяц сорок пятого года. В начале зимы я начал вдруг «Бедных людей», мою первую повесть, до тех пор ничего еще не писавши».

(Из «Дневника писателя»)

«У меня нет ни копейки на платье... И меня пресерьезно стащут в тюрьму (это ясно) (за долги. — *Авт.*). Прекомическое обстоятельство... Главное — я буду без платья. Хлестаков соглашался идти в тюрьму, только благородным способом. Ну а если у меня штанов не будет, будет ли это благородным образом?»

(Из письма брату)

«У меня есть надежда. Я кончаю роман («Бедные люди». — *Авт.*)... довольно оригинальный. Я его уже переписываю... Отдам в «Отечественные записки».

(Из письма брату)

«Кончив повесть, я не знал, как с ней быть и кому отдать. Литературных знакомств я не имел совершенно никаких, кроме разве Григоровича... Зайдя ко мне, он сказал: «Принесите рукопись... Некрасов хочет к будущему году сборник издать, я ему покажу». Я снес.. Я мало думал об успехе, ...я боялся. «Осмеёт он (Белинский. — Авт.) моих «Бедных людей»! — думалось мне иногда. Но лишь иногда: писал я их с страстью. Почти со слезами — «неужто все это, все эти минуты, которые я пережил с пером в руках над этой повестью, — все это ложь, мираж, неверное чувство?». Но думал я так, разумеется, только минутами, и мнительность немедленно возвращалась. Вечером того же дня, как я отдал рукопись, я пошел куда-то далеко к одному из прежних товарищей; мы всю ночь проговорили с ним о «Мертвых душах» и читали их, в который раз не помню. Тогда это бывало между молодежью; сойдутся двое или трое: «А не почитать ли нам, господа, Гоголя!» — садятся и читают, и пожалуй, всю ночь... Воротился я домой уже в четыре часа, в белую, светлую как днем петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя к себе в квартиру, я спать не лег, отворил окно и сел у окна. Вдруг звонок, чрезвычайно меня удививший, и вот уже Григорович и Некрасов бросаются обнимать меня, в совершенном восторге, и оба чуть сами не плачут. Они накануне вечером воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать на пробу: «С десяти страниц видно будет». Но, прочтя десять страниц, решили прочесть еще десять, а затем, не отрываясь, просидели уже всю ночь до утра, читая вслух и чередуясь, когда один уставал... Они пробыли у меня с полчаса, в пол-

Ф.М. Достоевский. Лито-
графия П.Ф. Бореля. 1862

Д.В. Григорович. Авто-
портрет

Н.А. Некрасов

часа мы бог знает сколько переговаривали, с полслова понимая друг друга, с восклицаниями, торопясь; говорили и о поэзии, и о правде, и о «тогдашнем положении», разумеется, и о Гоголе, цитируя из «Ревизора» и из «Мертвых душ», но, главное, о Белинском...

Некрасов снес рукопись Белинскому в тот же день... «Новый Гоголь явился!» – закричал Некрасов, входя к нему с «Бедными людьми». «У вас Гоголи-то как грибы растут», – строго заметил ему Белинский, но рукопись взял. Когда Некрасов опять зашел к нему, вечером, то Белинский встретил его «просто в волнении»: «Приведите, приведите его скорее!»

И вот (это, стало быть, уже на третий день) меня привели к нему.... Он заговорил пламенно, с горящими глазами: «Да вы понимаете ль сами-то, – повторил он мне несколько раз и вскрикивая по своему обыкновению, – что это вы такое написали!»...

Все это он тогда говорил мне. Все это он говорил потом обо мне и многим другим. Я вышел от него в упоении. Я остановился на углу его дома, смотрел на небо, на светлый день, на проходивших людей и весь, всем существом своим, ощущал, что в жизни моей произошел торжественный момент, перелом навеки, что началось что-то совсем новое, но такое, что я и не предполагал тогда даже в самых страстных мечтах моих. (А я был тогда страшный мечтатель.) «И неужели вправду я так велик», – стыдливо думал я про себя в каком-то робком восторге. О, не смейтесь, никогда потом я не думал, что я велик, но тогда – разве можно было это вынести!»

(Из «Дневника писателя»)

1. Можно ли назвать эти материалы автобиографией? мемуарами? Объясните свою точку зрения.
2. Что вы узнали о жизни Ф.М. Достоевского? о его личности?
3. О каких событиях своей духовной жизни рассказал писатель? Что же повлияло на его творческую судьбу? Как происходило становление Достоевского-писателя?
4. Чем необычна история создания повести «Бедные люди»?

Советуем прочитать:

1. Белов С.В. Ф.М. Достоевский. – М., 1990.
2. Долинина Н.Г. Предисловие к Достоевскому. – М., 1997.
3. Селезнев Ю.И. Достоевский («ЖЗЛ»). – М., 1990.
4. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. – М., 1990.

Читаем и обсуждаем повесть «Бедные люди»

1. Название повести Достоевского «Бедные люди» возвращает нас к сентиментальной повести Карамзина «Бедная Лиза». Можно ли, по-вашему, рассказывать о «бедных людях» без сентиментальных интонаций?

2. В каком значении употребляется слово «бедная» Карамзиным? Как вы понимаете смысл названия повести Достоевского?

3. «Бедные люди» — повесть в письмах. Пишут друг другу два героя — немолодой уже Макар Деушкин и живущая напротив бедная девушка Варенька Доброселова. Почему, на ваш взгляд, именно эпистолярный (от греч. *epistolé* — послание, письмо) жанр выбрал для своей повести Достоевский, всю жизнь занимавшийся тайной человека?

Итак, познакомимся с некоторыми письмами героев.

Апреля 8.

Бесценная моя Варвара Алексеевна!

Вчера я был счастлив, чрезмерно счастлив, донéльзя счастлив! Вы хоть раз в жизни, упрямица, меня послушались. Вечером, часов в восемь, просыпаюсь (вы знаете, маточка, что я часочек-другой люблю поспать после должности), свечку достал, приготавливаю бумаги, чиню перо, вдруг, невзначай, подымаю глаза, — право, у меня сердце так и запрыгало! Так вы-таки поняли, чего мне хотелось, чего сердчишку моему хотелось! Вижу, уголочек

Варенька Доброселова

Макар Деушкин

Иллюстрации к повести «Бедные люди». Худ. П.М. Боклевский. 1870–1880

занавески у окна вашего загнут и прицеплен к горшку с бальза-
мином, точнехонько так, как я вам тогда намекал; тут же показа-
лось мне, что и личико ваше мелькнуло у окна, что и вы ко мне из
комнатки вашей смотрели, что и вы обо мне думали. И как же мне
досадно было, голубчик мой, что миловидного личика-то вашего я
не мог разглядеть хорошенько! Было время, когда и мы светло ви-
дели, маточка. Не радость старость, родная моя! <...>

Ну, в какую же я трущобу попал, Варвара Алексеевна! Ну, уж
квартира! <...> Я живу в кухне, или гораздо правильнее будет
сказать вот как: тут подле кухни есть одна комната <...> комнат-
ка небольшая, уголок такой скромный... то есть, или еще лучше
сказать, кухня большая в три окна, так у меня вдоль поперечной
стены перегородка, так что и выходит как бы еще комната, ну-
мер сверхштатный; все просторное, удобное. <...> Ну, вот это мой
уголочек <...>

У нас здесь самая последняя комната, со столом, тридцать пять
рублей ассигнациями стоит. Не по карману! А моя квартира стоит
мне семь рублей ассигнациями, да стол (питание. – *Авт.*) пять
целковых: вот двадцать четыре с полтиною, а прежде ровно
тридцать платил, зато во многом себе отказывал; чай пивал не
всегда, а теперь вот и на чай, и на сахар выгадал. Оно, знаете ли,
родная моя, чаю не пить как-то стыдно: здесь всё народ достаточ-
ный, так и стыдно. Ради чужих и пьешь его, Варенька, для вида,
для тона; а по мне все равно, я не прихотлив <...>

Вы, впрочем, не думайте чего-нибудь и не сомневайтесь, маточ-
ка, обо мне, что я такую комнату нанял. Нет, это удобство застави-
ло, и одно удобство соблазнило меня. Я ведь, маточка, деньги коп-
лю, откладываю; у меня денежка водится. Вы не смотрите на то,
что я такой тихонький, что, кажется, муха меня крылом перешибет.
Нет, маточка, я про себя не промах, и характера совершенно тако-
го, как прилично твердой и безмятежной души человеку. Прощай-
те, мой ангельчик! Расписался я вам чуть не на двух листах, а на
службу давно пора. Целую ваши пальчики, маточка, и пребываю
вашим нижайшим слугою и вернейшим другом

Макаром Девушкиным.

P.S. Об одном прошу: отвечайте мне, ангельчик мой, как можно
подробнее. Я вам при сем посылаю, Варенька, фунтик конфет; так
вы их скушайте на здоровье, да, ради бога, обо мне не заботьтесь и
не будьте в претензии. Ну, так прощайте же, маточка.

Апреля 8.

Милостивый государь, Макар Алексеевич!

Знаете ли, что придется наконец совсем поссориться с вами? Клянусь вам, добрый Макар Алексеевич, что мне даже тяжело принимать ваши подарки. Я знаю, чего они вам стоят, каких лишений и отказов в необходимейшем себе самому. Сколько раз я вам говорила, что мне не нужно ничего, совершенно ничего; что я не в силах вам воздать и за те благодеяния, которыми вы доселе осыпали меня. И зачем мне эти горшки? Ну, бальзаминчики еще ничего, а геранька зачем? Одно словечко стоит неосторожно сказать, как, например, об этой герани, уж вы тотчас и купите; ведь, верно, дорого? Что за прелесть на ней цветы! Пунсовые крестиками. Где это вы достали такую хорошенькую гераньку? Я ее посредине окна поставила, на самом видном месте; на полу же поставлю скамейку, а на скамейку еще цветов поставлю; вот только дайте мне самой разбогатеть!

<...> Неужели ж вы так всю свою жизнь прожили, в одиночестве, в лишениях, без радости, без дружеского приветливого слова, у чужих людей углы нанимая? Ах, добрый друг, как мне жаль вас! Щадите хоть здоровье свое, Макар Алексеевич! Вы говорите, что у вас глаза слабеют, так не пишите при свечах; зачем писать? Ваша ревность к службе и без того, вероятно, известна начальникам вашим.

Еще раз умоляю вас, не тратьте на меня столько денег. Знаю, что вы меня любите, да сами-то вы не богаты... Сегодня я тоже весело встала. Мне было так хорошо; Федора давно уже работала, да и мне работу достала. Я так обрадовалась; сходила только шелку купить, да и принялась за работу. Целое утро мне было так легко на душе, я так была весела! А теперь опять всё черные мысли, грустно; все сердце изныло.

Ах, что-то будет со мною, какова-то будет моя судьба! Тяжело то, что я в такой неизвестности, что я не имею будущности, что я и предугадывать не могу о том, что со мной станется. Назад и посмотреть страшно. Там все такое горе, что сердце пополам рвется при одном воспоминании. Век буду я плакаться на злых людей, меня погубивших!..

Ваша

Варвара Доброселова.

Апреля 8.

<...> Что же это вы пишете, родная моя? Как же я к вам приду? Голубчик мой, что люди-то скажут? Ведь вот через двор перейти нужно будет, наши заметят, расспрашивать станут, – толки пойдут, сплетни пойдут, делу дадут другой смысл <...>

Ваш бескорыстный друг

Макар Девушкин.

Июня 12.

<...> Начну с того, что было мне всего семнадцать годочков, когда я на службу явился, и вот уже скоро тридцать лет стукнет моему служебному поприщу. Ну, нечего сказать, износил я вицмундиров довольно; возмужал, поумнел, людей посмотрел; пожил, могу сказать, что пожил на свете, так, что меня хотели даже раз к получению креста представить. Вы, может быть, не верите, а я вам, право, не лгу. Так что же, маточка, – нашлись на все это злые люди! А скажу я вам, родная моя, что я хоть и темный человек, глупый человек, пожалуй, но сердце-то у меня такое же, как и у другого кого. Так знаете ли, Варенька, что сделал мне злой человек? А срамно сказать, что он сделал; спрósите – отчего сделал? А оттого, что я смирненький, а оттого, что я тихонький, а оттого, что добренький! Не пришелся им по нраву, так вот и пошло на меня. Сначала началось тем, что, «дескать, вы, Макар Алексеевич, того да сего»; а потом стало – «что, дескать, у Макара Алексеевича и не спрашивайте». <...> Вот, маточка, видите ли, как дело пошло: все на Макара Алексеевича; они только и умели сделать, что в пословицу ввели Макара Алексеевича в целом ведомстве нашем. Да мало того, что из меня пословицу и чуть ли не бранное слово сделали, – до сапогов, до мундира, до волос, до фигуры моей добрались: все не по ним, все переделать нужно! И ведь это всё с незапамятных времен каждый божий день повторяется. Я привык, потому что я ко всему привыкаю, потому что я смирный человек, потому что я маленький человек; но, однако же, за что это все? Что я кому дурного сделал? Чин перехватил у кого-нибудь, что ли? Перед высшими кого-нибудь очернил? Награждение перепросил? <...> Так за что же напасти такие на меня, прости Господи? <...>

Ваш сердечный доброжелатель

Макар Девушкин.

Июня 20.

Милостивый государь, Макар Алексеевич!

Пишу я к вам наскоро, спешу, работу к сроку кончаю. Видите ли в чем дело: можно покупку сделать хорошую. Федора говорит, что продается у ее знакомого какого-то вицмундир форменный, совершенно новехонький, нижнее платье, жилетка и фуражка, и, говорят, все весьма дешево; так вот вы бы купили. Ведь вы теперь не нуждаетесь, да и деньги у вас есть; вы сами говорите, что есть. Полноте, пожалуйста, не скупитесь; ведь это все нужное. Посмотрите-ка на себя, а каком вы старом платье ходите. Срам! всё в заплатках. Нового-то у вас нет; это я знаю, хоть вы и уверяете, что есть. Уж бог знает, куда вы его с рук сбыли. Так послушайтесь же меня, купите, пожалуйста. Для меня это сделайте; коли меня любите, так купите.

Вы мне прислали белья в подарок; но послушайте, Макар Алексеевич, ведь вы разоряетесь. Шутка ли, сколько вы на меня истратили, — ужас сколько денег! Ах, как же вы любите мотать! Мне не нужно; все это было совершенно лишнее. Я знаю, я уверена, что вы меня любите; право, лишнее напоминать мне это подарками; а мне тяжело их принимать от вас; я знаю, чего они вам стоят. <...>

В.Д.

Июня 22.

Милостивая государыня, Варвара Алексеевна!

Уведомляю нас, родная моя, что у нас в квартире случилось прежалостное происшествие, истинно-истинно жалости достойное! Сегодня, в пятом часу утра, умер у Горшкова маленький. Я не знаю только от чего, скарлатина, что ли, была какая-то, Господь его знает! Навестил я этих Горшковых. Ну, маточка, вот бедно-то у них! А какой беспорядок! Да и не диво: все семейство живет в одной комнате, только что ширмочками для благопристойности разгороженной. У них уж и гробик стоит — простенький, но довольно хорошенький гробик; готовый купили, мальчик-то был лет девяти; надежды, говорят, подавал. А жалость смотреть на них. Варенька! Мать не плачет, но такая грустная, бедная. Им, может быть, и легче, что вот уж один с плеч долой; а у них еще двое осталось, грудной да девочка маленькая, та лет шести будет с небольшим. Что за приятность, в самом деле, видеть, что вот-де страдает ребенок, да еще детище родное, а ему и помочь даже нечем! Отец сидит в старом, засаленном фраке, на изломанном стуле. Слезы текут у него, да, может быть, и не от горести, а так, по привычке, глаза гноятся. Такой он чудной! Все краснеет, когда с ним загово-

ришь, смешается и не знает, что отвечать. Маленькая девочка, дочка, стоит прислонившись к гробу, да такая, бедняжка, скучная, задумчивая! А не люблю я, маточка, Варенька, когда ребенок задумывается; смотреть неприятно! Кукла какая-то из тряпок на полу возле нее лежит, — не играет; на губах пальчик держит; стоит себе — не пошевелится. Ей хозяйка конфетку дала; взяла, а не ела. Грустно, Варенька — а?

Макар Девушкин.

Июля 1.

<...> Отсылаю вам вашу книжку, дружочек мой, Варенька, и если вы, дружочек мой, спросите мнения моего насчет вашей книжки, то я скажу, что в жизнь мою не случилось мне читать таких славных книжек. Спрашиваю я теперь себя, маточка, как же это я жил до сих пор таким олухом, прости господи? Что делал? Из каких я лесов? Ведь ничего-то я не знаю, маточка, ровно ничего не знаю! совсем ничего не знаю! Я вам, Варенька, спроста скажу, — я человек неученый; читал я до сей поры мало, очень мало читал, да почти ничего <...> Теперь я «Станционного смотрителя» здесь в вашей книжке прочел; ведь вот скажу я вам, маточка, случается же так, что живешь, а не знаешь, что под боком там у тебя книжка есть, где вся-то жизнь твоя как по пальцам разложена. Да и что самому прежде невдогад было, так вот здесь, как начнешь читать в такой книжке, так сам все, помаленьку и припомнишь, и разыщешь, и разгадаешь. И наконец, вот отчего еще я полюбил вашу книжку: иное творение, какое там ни есть, читаешь-читаешь, иной раз хоть тресни — так хитро, что как будто бы его и не понимаешь. Я, например, — я туп, я от природы моей туп, так я не могу слишком важных сочинений читать; а это читаешь, — словно сам написал; точно это, примерно говоря, мое собственное сердце, какое уж оно там ни есть, взял его, людям выворотил изнанкой, да и описал все подробно — вот как! Да и дело-то простое, бог мой; да чего! право, и я так же бы написал; отчего же бы и не написал? Ведь я то же самое чувствую, вот совершенно так, как и в книжке, да я и сам в таких же положениях подчас находился, как, примерно сказать, этот Самсон-то Вырин, бедняга. Да и сколько между нами-то ходит Самсонов Выриных, таких же горемык сердечных! И как ловко описано все! Меня чуть слезы не прошибли, маточка, когда я прочел, что он спился, грешный, так, что память потерял, горьким сделался и спит себе целый день под овчинным тулупом, да горе пуншиком захлебывает, да плачет жалостно, грязной полюю глаза утирая, когда вспоминает о заблудшей овечке своей, об

дочке Дуняше! Нет, это натурально! Вы прочтите-ка; это натурально! это живет! Я сам это видал, — это вот все около меня живет; вот хоть Тереза — да чего далеко ходить! — вот хоть бы и наш бедный чиновник, — ведь он, может быть, такой же Самсон Вырин, только у него другая фамилия, *Горшков*. Дело-то оно общее, маточка, и над вами и надо мною может случиться. И граф, что на Невском или на набережной живет, и он будет то же самое, так только казаться будет другим, потому что у них все по-своему, по высшему тону, но и он будет то же самое, все может случиться, и со мною то же самое может случиться <...> Птенчик вы мой слабенький, неоперившийся, где же вам самое себя прокормить, от погибели себя удержать, от злодеев защититься! Полноте, Варенька, поправьтесь; вздорных советов и наговоров не слушайте, а книжку вашу еще раз прочтите, со вниманием прочтите: вам это польза принесет <...>

Ваш искренний друг

Макар Девушкин.

Июля 8.

Милостивая государыня моя, Варвара Алексеевна!

Книжку вашу, полученную мною 6-го сего месяца, спешу возвратить вам и вместе с тем спешу в сем письме моем объяснитьсь с вами <...>

Зачем писать про другого, что вот-де он иной раз нуждается, что чаю не пьет? А точно все и должны уж так непременно чай пить! Да разве я смотрю в рот каждому, что, дескать, какой он там кусок жует? Кого же я обижал таким образом? Нет, маточка, зачем же других обижать, когда тебя не затрагивают! <...> Конечно, правда, иногда сошьешь себе что-нибудь новое, — радуешься, не спишь, а радуешься, сапоги новые, например, с таким сладострастием надеваешь — это правда <...>

...И для чего такое писать? И для чего оно нужно? Что мне за это шинель кто-нибудь из читателей сделает, что ли? Сапоги, что ли, новые купит? Нет, Варенька, прочтет да еще продолжения потребует. Прячешься иногда, прячешься, скрываешься в том, чем не взял, боишься нос подчас показать — куда бы там ни было, потому что пересуда трепещешь, потому что из всего что ни есть на свете, из всего тебе пасквиль сработают, и вот уж вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературе ходит, все напечатано, прочитано, осмеяно, пересужено! Да тут и на улицу нельзя показаться будет; ведь тут это все так доказано, что нашего брата по одной походке узнаешь теперь. Ну, добро бы он под концом-то хоть испра-

вился, что-нибудь бы смягчил, поместил бы, например, хоть после того пункта, как ему бумажки на голову сыпали: что вот, дескать, при всем этом он был добродетелен, хороший гражданин, такого обхождения от своих товарищей не заслуживал, послушествовал старшим (тут бы пример можно какой-нибудь), никому зла не желал, верил в Бога и умер (если ему хочется, чтобы он уж непременно умер) – оплаканный. А лучше всего было бы не оставлять его умирать, беднягу, а сделать бы так, чтобы шинель его отыскалась, чтобы тот генерал, узнавши подробнее об его добродетелях, перепросил бы его в свою канцелярию, повысил чином и дал бы хороший оклад жалованья, так что, видите ли, как бы это было: зло было бы наказано, а добродетель бы восторжествовала бы, и канцеляристы-товарищи все бы ни с чем остались. Я бы, например, так и сделал <...>

Покорнейший слуга ваш

Макар Девушкин.

Июля 27.

Милостивый государь, Макар Алексеевич!

Последние происшествия и письма ваши испугали, поразили меня и повергли в недоумение <...> Вы говорите, что любовь ваша ко мне заставила вас таиться от меня. Я и тогда уже видела, что многим обязана вам, когда вы уверяли, что издерживаете на меня только запасные деньги свои, которые, как говорили, у вас в ломбарде на всякой случай лежали. Теперь же, когда я узнала, что у вас вовсе не было никаких денег, что вы, случайно узнавши о моем бедственном положении и тронувшись им, решились издержать свое жалованье, забрав его вперед, и продали даже свое платье, когда я больна была, – теперь я, открытием всего этого, поставлена в такое мучительное положение, что до сих пор не знаю, как принять все это и что думать об этом. Ах! Макар Алексеевич! вы должны были остановиться на первых благодеяниях своих, внушенных вам состраданием и родственною любовью, а не расточать деньги впоследствии на ненужное. Вы изменили дружбе нашей, Макар Алексеевич, потому что не были откровенны со мною, и теперь, когда я вижу, что ваше последнее пошло мне на наряды, на конфеты, на прогулки, на театр и на книги, – то за все это я теперь дорого плачу сожалением о своей непростительной ветрености (ибо я принимала от вас все, не заботясь о вас самих); и все то, чем вы хотели доставить мне удовольствие, обратилось теперь в горе для меня и оставило по себе одно бесполезное сожаление <...>

Вас сердечно любящая

Варвара Доброселова.

Августа 4.

Любезный Макар Алексеевич!

Ради Бога, Макар Алексеевич, как только можно скорее займите сколько-нибудь денег, я бы ни за что не попросила у вас помощи в теперешних обстоятельствах, но если бы вы знали, каково мое положение! В этой квартире нам никак нельзя оставаться <...>

Не оставляйте меня, ради Бога, в таком положении! Займите, пожалуйста, хоть сколько-нибудь, достаньте денег, нам не на что съехать с квартиры, а оставаться здесь никак нельзя более <...> если вас будут останавливать большие проценты, то вы не смотрите на них и согласитесь на всё. Я вам всё отдам, только, ради Бога, не оставьте меня помощию. Мне многого стоит беспокоить вас теперь, когда вы в таких обстоятельствах, но на вас одного вся надежда моя! <...>

В.Д.

Августа 4.

Голубчик мой, Варвара Алексеевна!

<...> Ах, Варенька, Варенька, видите ли, голубчик мой, я никуда не гожусь, и сам знаю, что никуда не гожусь, но я сделаю так, что буду годиться! Я все превозмогу, я сам работы посторонней достану, переписывать буду разные бумаги разным литераторам, пойду к ним, сам пойду, навяжусь на работу; потому что ведь они, маточка, ищут хороших писцов, я это знаю, что ищут, а вам себя изнурять не дам; пагубного такого намерения не дам вам исполнить. Я, ангельчик мой, непременно займу и скорее умру, чем не займу. И пишете, голубушка вы моя, чтобы я проценту не испугался большого, – и не испугаюсь, маточка, не испугаюсь, ничего теперь не испугаюсь. Я, маточка, попрошу сорок рублей ассигнациями; ведь не много, Варенька, как вы думаете? Можно ли сорок-то рублей мне с первого слова поверить? то есть, я хочу сказать, считаете ли вы меня способным внушить с первого взгляда вероятие и доверенность? По физиономии-то, по первому взгляду, можно ли судить обо мне благоприятным образом? Вы припомните, ангельчик, способен ли я ко внушению-то? Как вы там от себя полагаете? Знаете ли, страх такой чувствуется, – болезненно, истинно сказать болезненно! Из сорока рублей двадцать пять отлагаю на вас, Варенька; два целковых хозяйке, а остальное назначено для собственной траты. Видите ли, хозяйке-то следовало бы дать и побольше, даже необходимо; но вы сообразите все дело, маточка, перечтите-ка все мои нужды, так и увидите, что уж никак нельзя более дать, следовательно, нечего и говорить об этом,

да и упоминать не нужно <...> Хозяника презирает меня, уважения ни от кого нет никакого; недостатки страшились, долги; а в должностях, где от своего брата чиновника и прежде мне не было масленицы, — теперь, маточка, и говорить нечего. Я скрываю, то вхожу когда, так бочком-бочком, стороною от всех. Ведь это вам только признается достает у меня силы душевной <...>

М. Девушкин.

Сентября 9.

Матушка, Барвара Алексеевна!

Пишу к вам вне себя. Я весь взволнован страшным происшествием. Голова моя вертится кругом. Я чувствую, что все кругом меня вертится. Ах, родная моя, что я расскажу вам теперь! Вот мы и не предчувствовали этого. Нет, я не верю, чтобы я не предчувствовал; я все это предчувствовал. Все это заранее слышалось моему сердцу! Я даже наперед во сне что-то видел подобное.

Вот что случилось! Расскажу вам без слеза, а так, как мне на душу Господь положит. Пошел я сегодня в должност. Пришел, сижу, пишу. А нужно вам знать, маточка, что я и вчера писал тоже. Ну, так вот, вчера подходит ко мне Тимофей Иванович и личное изволил наказывать, что — вот, дескать, бумага нужная, спешная. Переписишите, говорит, Макара Алексеевич, почите, поспешно и тщательно: сегодня к подписанию идет. Заметить вам нужно, англичик, что вчерашнего дня я был сам не свой, ни на что и глядеть не хотелось; грусть, тоска такая напала! На сердце холодно, на душе темно; в памяти все вы были, моя бедная ясочка. Ну, вот я принялся переписывать; переписал чисто, хорошо, только уж не знаю, как вам точнее сказать, сам ли нечистый меня попытал, или тайными судьбами какими определено было, или просто так должно было сделаться, — только пропустил я целую строчку; смысл-то и вышел, господь его знает какой, просто никакого не вышло. С бумагой-то вчера опоздали и подали ее на подписание его превосходительству только сегодня. Я как ни в чем не бывало являюсь сегодня в обычный час и распотатуюсь рядком с Емельяном Ивановичем. Нужно вам заметить, родная, что я с недавнего времени стал вдвое более прежнего совеститься и в стыд приходил. Я в последнее время и не глядел ни на кого. Чуть ступил за-скрипел у кого-нибудь, так уж я и ни жив ни мертв. Вот точно так сегодня, приник, присмирел, ежом сижусь, так что Ефим Акимович (такой задирага, какого и на свете до него не было) сказал во все-услышание: что, дескать, вы, Макара Алексеевич, сидите сегодня

таким у-у-у? да тут такую гримасу скорчил, что все, кто около него и меня ни были, так и покатились со смеху, и, уж разумеется, на мой счет. И пошли, и пошли! Я и уши прижал и глаза зажмурил, сижку себе, не пошевелиюсь. Таков уж обычный мой; они этак скорей отстают. Вдрут слышу шум, бетоня, сыетня; слышу — не обманываются ли уши мои? зовут меня, требуют меня, зовут Девушкина. Задрожало у меня сердце в груди, и уж сам не знаю, чего я испытываю; только знаю то, что я так испугался, как никогда еще в жизни со мной не было. Я прирос к стулу, — и как ни в чем не бывало, точно и не я. Но вот опять начали, ближе и ближе. Вот уж над самым ухом моим: дескать, Девушкина! Девушкина! где Девушкин? Подымаю глаза: передо мною Евстафий Иванович; говорит: «Макар Алексеевич! к его превосходительству, скорее! Бе-ды вы с бумагой наделали!» Только это одно и сказал, да доволь-но, не правда ли, маточка, довольно сказано было? Я помертвел, оледенел, чувств лишился, иду — ну, да уж просто ни жив ни мертв отправился. Бедут меня через одну комнату, через другую комнату, через третью комнату, в кабинет — предста! Положи-тедьного отчета, об чем я тогда думал, я вам дать не могу. Вижу, стоят его превосходительство, вокруг него все они. Я, кажется, не поклонился; позабыл. Оторопел так, что и губы трясущая и ноги трясущая. Да и было отчего, маточка. Во-первых, совестно; я встал наравно в зеркало, так просто было отчего с ума сойти от того, что я там увидел. А во-вторых, я всегда делал так, как будто бы меня и на свете не было. Так что едва ли его превосходитель-ство были известны о существовании моем <...>

Начали гневно: «Как же это вы, сударь! Чего вы смотрите? нуж-ная бумага, нужно к спеху, а вы ее портите. И как же вы это», — тут его превосходительство обратились к Евстафию Ивановичу. Я только слышу, как до меня звуки слов долетают: «Нерадеешь! неосмотрительность! Вводите в неприятности!» Я раскрыл было рот для чего-то. Хотел было прощения просить, да не мог, убе-жать — покуситься не смел, и тут... тут, маточка, такое случилось, что я и теперь едва перо держу от стыда. Моя путовка — ну ее к бесу — путовка, что висела у меня на ниточке, — вдрут сорвалась, отскочила, запырала (я, видно, задел ее нечаянно), зазвенела, по-катилась и прямо, так-таки прямо, проклятая, к стопам его превосходительства, и это посреди всеобщего молчания! Вот и все было мое оправдание, все извинение, весь ответ, все, что я соби-рался сказать его превосходительству! Последствия были ужас-ны! Его превосходительство тотчас обратили внимание на фигуру мою и на мой костюм. Я вспомнил, что я видел в зеркале; я бро-сился ловить путовку! Нашла на меня дыра! Нагнулся, хочу взять

пуговку, – катается, вертится, не могу поймать, словом, и в отношении ловкости отличился. Тут уж я чувствую, что и последние силы меня оставляют, что уж все, все потеряно! Вся репутация потеряна, весь человек пропал! <...> Наконец поймал пуговку, приподнялся, вытянулся, да уж, коли дурак, так стоял бы себе смирно, руки по швам! Так нет же: начал пуговку к оторванным ниткам прилаживать, точно оттого она и пристанет; да еще улыбаюсь, да еще улыбаюсь. Его превосходительство отвернулись сначала, потом опять на меня взглянули – слышу, говорят Евстафию Ивановичу: «Как же?.. посмотрите, в каком он виде!.. как он!.. что он!..» Ах, родная моя, что уж тут – как он? Да что он? отличился! Слышу, Евстафий Иванович говорит: «Не замечен, ни в чем не замечен, поведения примерного, жалованья достаточно, по окладу...» – «Ну, облегчить его как-нибудь, – говорит его превосходительство. – Выдать ему вперед...» – «Да забрал, говорят, забрал, вот за столько-то времени вперед забрал. Обстоятельства, верно, такие, а поведения хорошего и не замечен, никогда не замечен». Я, ангельчик мой, горел, я в адском огне горел! Я умирал! «Ну, – говорят его превосходительство громко, – переписать же вновь поскорее; Девушкин, подойдите сюда, перепишите опять вновь без ошибки; да послушайте...» Тут его превосходительство обернулись к прочим, роздали приказания разные, и все разошлись. Только что разошлись они, его превосходительство поспешно вынимают книжник и из него сторублевую. «Вот, – говорят они, – чем могу, считайте, как хотите...» – да и всунул мне в руку <...>

Маточка! Я теперь в душевном расстройстве ужасном, в волнении ужасном! Мое сердце бьется, хочет из груди выпрыгнуть. И я сам как-то весь как будто ослаб. Посылаю вам сорок пять рублей ассигнациями, двадцать рублей хозяйке даю, у себя тридцать пять оставляю: на двадцать платье поправлю, а пятнадцать оставлю на житье-бытье. А только теперь все эти впечатления-то утренние потрясли все существование мое. Я прилягу. Мне, впрочем, покойно, очень покойно. Только душу ломит, и слышно там, в глубине, душа моя дрожит, трепещет, шевелится. Я приду к вам; а теперь я просто хмелен от всех ощущений этих... Бог видит все, маточка вы моя, голубушка вы моя бесценная!

Ваш достойный друг

Макар Девушкин.

Маточка, Варенька, голубчик мой, бесценная моя! Вас увозят, вы едете! Да теперь лучше бы сердце они из груди моей вырвали, чем вас у меня! Как же вы это! Вот вы плачете, и вы едете?! Вот я от вас письмецо сейчас получил, все слезами закапанное. Стало

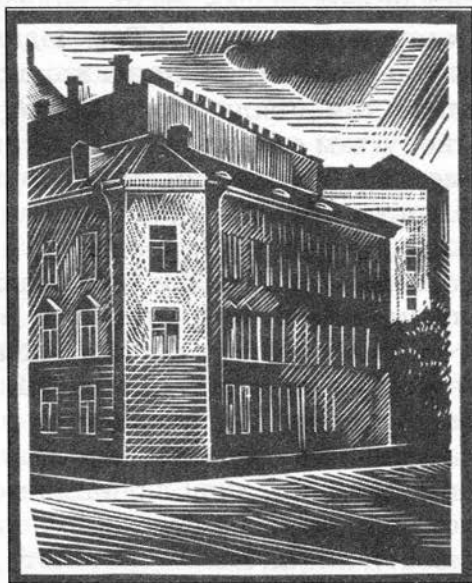
быть, вам не хочется ехать; стало быть, вас насильно увозят, стало быть, вам жаль меня, стало быть, вы меня любите! Да как же, с кем же вы теперь будете? Там вашему сердечку будет грустно, тошно и холодно. Тоска его высосет, грусть его пополам разорвет. Вы там умрете, вас там в сыру землю положат; об вас и поплакать будет некому там! <...> Ах, маточка, маточка! на что же вы это решились, как же вы на такую меру решиться могли? Что вы сделали, что вы сделали, что вы над собой, сделали! Ведь вас там в гроб сведут; они заморят вас там, ангельчик. Ведь вы, маточка, как перышко слабенькие! И я-то где был? Чего я тут, дурак, глазел! Вижу, дитя блажит, у дитяти просто головка болит! Чем бы тут попросту так нет же, дурак дураком, и не думаю ничего, и не вижу ничего, как будто и прав, как будто и дело до меня не касается <...> Нет, я, Варенька, встану; я к завтрашнему дню, может быть, выздоровлю, так вот я и встану!.. Я, маточка, под колеса брошусь, а вас не пущу уезжать! Да нет, что же это в самом деле такое? По какому праву все это делается? Я с вами уеду; я за каретой вашей побегу, если меня не возьмете, и буду бежать что есть мочи, покамест дух из меня выйдет. Да вы знаете ли только, что там такое, куда вы едете-то, маточка? Вы, может быть, этого не знаете, так меня спросите! Там степь, родная моя, там степь, голая степь; вот как моя ладонь голая! Там ходит баба бесчувственная да мужик необразованный, пьяница ходит. Там теперь листья с дерев осыпались, там дожди, там холодно, — а вы туда едете! Ну, господину Быкову там есть занятие: он там будет с зайцами; а вы что? Вы помещицей хотите быть, маточка? Но, херувимчик вы мой! Вы поглядите-ка на себя, похожи ли вы на помещицу?.. Да как же может быть такое, Варенька! К кому же я письма буду писать, маточка? <...> Кого же я маточкой называть буду; именем-то любезным таким кого называть буду? Где мне вас найти потом, ангельчик мой? Я умру, Варенька, непременно умру; не перенесет мое сердце такого несчастья! Я вас, как свет Господень, любил, как дочку родную любил, я все в вас любил, маточка, родная моя! и сам для вас только и жил одних! Я и работал, и бумаги писал, и ходил, и гулял, и наблюдения мои бумаге передавал в виде дружеских писем, все оттого, что вы, маточка, здесь, напротив, близости жили. Вы, может быть, этого и не знали, а это все было именно так! Да, послушайте, маточка, вы рассудите, голубчик мой миленький, как же это может быть, чтобы вы от нас уехали? Родная моя, ведь вам ехать нельзя, невозможно; просто решительно никакой возможности нет! Ведь вот дождь идет, а вы слабенькие, вы простудитесь. Ваша карета промокнет; она непременно промокнет. Она, только что вы за заставу выедете, и сломается; на-

рочно сломается. Ведь здесь в Петербурге прескверно кареты делают! Я и каретников этих всех знаю; они только чтоб фасончик, игрушечку там какую-нибудь смастерить; а непрочно! присягну, что непрочно делают! Я, маточка, на колени перед господином Быковым брошусь; я ему докажу, все докажу! И вы, маточка, докажите; резонем докажите ему! Скажите, что вы остаетесь и что вы не можете ехать!.. Ах, зачем это он в Москве на купчихе не женился? Уж пусть бы он там на ней-то женился! Ему купчиха лучше, ему она гораздо лучше бы шла; уж это я знаю почему! А я бы вас здесь у себя держал. Да что он вам-то, маточка, Быков-то? Чем он для вас вдруг мил сделался? Вы, может быть, оттого, что он вам фальбалу-то* все закупает, вы, может быть, от этого! <...> Да я вот вам сам, вот только что жалованье получу, фальбалы накуплю; я вам ее накуплю, маточка; у меня там вот и магазинчик знакомый есть; вот только жалованья дайте дожждаться мне, херувимчик мой, Варенька! Ах, Господи, Господи! Так вы это непременно в степь с господином Быковым уезжаете, безвозвратно уезжаете! Ах, маточка! <...> Голубчик мой, родная моя, маточка вы моя!

1844–1845

Иллюстрация к повести «Бедные люди». Худ. Н. Верещагина

Дом К.Я. Пряничникова на Владимирском пр., в котором Достоевский написал повесть «Бедные люди» в 1846 году. Гравюра Н. Кофанова

* Фалбалá – манжеты, кружевные и другие оборки.

1. Каковы ваши первые впечатления от прочитанной истории? Вспомните, как читали эту повесть Григорович, Некрасов, Белинский. Сравните свое восприятие текста с восприятием читателей середины XIX века.

2. Согласны ли вы с тем, что, несмотря на сентиментальный тон и несовременных героев, «Бедные люди» говорят о важном и для нашего времени? О чем именно? Какие человеческие качества утверждаются в «Бедных людях» как прекрасные и вечные? А что может удивлять и раздражать современного читателя?

3. Сопоставьте, на какие темы пишут Девушкин и Варенька. Что вы можете рассказать о героях по их письмам?

4. Писатель неоднократно подчеркивал, что по его герою нельзя судить о нем самом. Однако, как любой художественный текст, повесть многое говорит о личности автора. Что именно вы можете сказать о личности Ф. М. Достоевского после чтения повести?

5. Известно, что критика увидела в молодом писателе «нового» Гоголя. Сопоставьте «Шинель» Гоголя и «Бедных людей» Достоевского. Что объединяет повести? Обратите внимание, что Гоголь описывает своего героя как бы со стороны, а в повести Достоевского автора-рассказчика вообще нет: сам «маленький человек» говорит о себе. В чем сходство и в чем отличие Макара Девушкина и Акакия Акакиевича Башмачкина? Почему гоголевская «Шинель» вызвала неприятие у Девушкина?

6. В повести Достоевский использовал известный художественный прием говорящего имени литературного героя. Прокомментируйте имена и фамилии героев. Вспомните (найдите в сборнике) пословицы о Макаре. Что говорит о герое его сопоставление с тождественным именем из пословицы?

7. Расскажите на основе писем, «Дневника писателя», текста повести о Достоевском-читателе.

8. Перечислите человеческие качества, необходимые для чтения книг Достоевского. Обратитесь к материалам о жизни писателя. Проверьте, включили ли вы в этот перечень сострадание. Почему именно это качество мы выделили особенно?

9. Многие исследователи отмечали тот факт, что в раннем творчестве Ф.М. Достоевского сильны традиции сентиментализма. Докажите справедливость этого наблюдения и объясните, с какими целями писатель-реалист мог обратиться к уже подзабытому литературному направлению.

10. Прокомментируйте слова Белинского, сказанные им после чтения повести Некрасову: «Скажите, он, должно быть, бедный человек, и сам много страдал? Написать такую вещь в двадцать пять лет может только гений, который силою постижения в одну минуту схватывает

то, для чего обыкновенному человеку нужен опыт многих лет».

11. Что позволило Достоевскому называть иногда свое первое произведение романом?

12. Проведите исследовательскую работу. Сопоставьте сентиментальный, слащавый тон писем Девушкина и стиль писем, «Дневника» Достоевского. К каким выводам вы пришли? Используйте в работе слова Достоевского из письма к брату: «А им (критикам. — Авт.) и невдогад, что говорит Девушкин, а не я, и что Девушкин иначе и говорить не может». Почему «Девушкин иначе и говорить не может»?

13. Докажите, что Достоевский, в отличие от Гоголя, не просто рассказал о судьбе «маленького человека», заступился за него, но и показал нецельность, распад личности своего героя, постарался уяснить причины ее кризисного состояния. Используйте высказывание Л.П. Гроссмана. «...Страшна та удушливая общественная атмосфера, в которой обрекается на гибель высшее проявление свободной человеческой личности».

14. «Разверните» высказывание критика В. Майкова, современника Достоевского: «Гоголь — поэт по преимуществу социальный, а г. Достоевский по преимуществу психологический».

15. Сравните сходные сцены в «Шинели» и в «Бедных людях», когда герои предстают перед «значительным лицом». Определите смысл и роль этой сцены в каждой из повестей.

16. В спектакле «Бедные люди», шедшем в одном из московских театров в конце 70-х годов, чтение писем героев перемежалось исполнением песен Булата Окуджавы, что ни в коей степени не разрушало художественной ткани спектакля. Какие стихи Окуджавы и других современных поэтов, на ваш взгляд, «перекликаются» с повестью Достоевского, несмотря на отдаленность эпохи XIX века?

Сопоставьте высказывания разных критиков о характере любви Макара Девушкина.

«Посмотрите, как проста завязка в «Бедных людях»: ведь и рассказывать нечего!... Бедный пожилой чиновник, недалекого ума, без всякого образования, но с бесконечно доброю душою и теплым сердцем, опираясь на право дальнего, чуть ли еще не придуманного им для благовидного предлога, родства, исхищает бедную девушку из рук гнусной торговки женской добродетелью, девическою красотою. Автор не говорит нам, любовь ли заставила этого чиновника почувствовать сострадание, или сострадание родило в нем любовь к этой девушке; только мы видим, что его чувство к ней не просто отеческое и стариковское, не просто чувство одинокого старика, которому нужно кого-нибудь любить... Нет, в чувстве Макара Алексеевича к его «маточке, ангельчику и херувимчику Вариньке» есть что-то, похожее на чувство любовника, которое он силится не признавать в себе... Но как он деликатен по инстинкту! ... Ему не приходит в голову, что он приобрел право своими пожертвованиями требовать вознаграждения любовью за любовь... В лице Макара Алексеевича [Достоевский] показал нам, как много прекрасного, благородного и святого лежит в самой ограниченной человеческой натуре».

В.Г. Белинский. «Петербургский сборник»

«Сюжет романа – история любви, и любовь изображена как постижение человеком важнейших духовных ценностей, как перестройка его отношений с миром, появление другого, чем раньше, чувства связи с людьми. Любовь дает Девушкину настоящее, не чиновничье, понятие о самоуважении: не в том ценность его, что он тоже на месте, что «крыса-то эта нужна», а в том, что он не хуже других, что сердцем и мыслями он человек. Любовь изменяет представление Девушкина и об общем порядке. (...) Девушкин формулирует теперь другой принцип сообщества людей: мало довольствоваться уготованным тебе, «полно (...) о себе одном думать, для себя одного жить (...), оглянись кругом, не увидишь ли для своих забот предмета более благородного, чем свои сапоги».

Г.К. Щенников. «Эволюция сентиментальных и романтических характеров в творчестве раннего Достоевского»

«Основная задача Достоевского – показать, как осуждены переживать любовь бедные люди. <...>

Макар Девушкин – это первый прекрасный человек Достоевского. Это чистая и самоотверженная душа, пламенеющая любовью и состраданием, но обреченная на гибель в окружающем ее бессердечном мире насилия и всеобщей купли-продажи. <...>

Тема любви-жертвы – центральная, раскрывающая неисчерпанные возможности человеческой личности».

Л.П. Гроссман. «Достоевский»

1. Почему именно любовь героя оказалась в центре внимания критиков?
2. Чья точка зрения на любовь Девушкина вам ближе?
3. Прокомментируйте слова Белинского: «Такие произведения, как «Бедные люди», никому не даются с первого раза: они требуют не только чтения, но и изучения».

Развитие речи.

Сочинение в эпистолярном жанре

Напишите сочинение в эпистолярном жанре. Тему выберите и сформулируйте самостоятельно.

Измайловский мост в Петербурге. Гравюра Н. Кофанова

ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XIX века

ПУТЕШЕСТВИЕ 5

ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XIX ВЕКА

Итак, мы подошли к годам, завершающим XIX столетие, ставшее временем великих открытий и трагических потерь, высоких духовных озарений и роковых заблуждений.

В 1881 году начинает царствовать Александр III. Он восходит на престол после гибели от рук террористов-революционеров своего отца – Александра II. Его эпоха ознаменовалась наступлением консерваторов и контрреформами. В 1882 году была введена жесткая цензура на выход газет и журналов, в 1887 году были приняты реакционные законы в образовании, запрещающие прием в гимназии детей не высшего сословия и ограничивающие многие свободы высших учебных заведений. Прошли земская и городская контрреформы.

Действия Александра III позволили правительству подавить оппозицию и нанести удар по основам нарождающегося гражданского общества. В то же время правительственная политика была направлена на ускорение экономической модернизации России, хотя в целом курс Александра III определил для страны консервативный вариант развития. Во внешней политике государь придерживается мудрого принципа не ссориться с соседними государствами, одновременно укрепляя военную мощь России.

Первая маевка. Худ. Б. Владимиров. 1891

В истории Александр III остается царем-миротворцем. Однако интенсивная экономическая модернизация и старые общественные порядки обострили противоречия в крестьянском, рабочем, политическом и многих других вопросах. Увеличивалось количество подпольных революционных кружков и организаций, начинались стачки и забастовки. Складывались условия для революции. Александр III умирает в 1894 году. На престол восходит его старший сын – Николай II. Коронацию омрачает зловещее предзнаменование – Ходынская трагедия, гибель в давке более тысячи человек.

От Николая II ждали либеральных реформ, воссоздания гражданского общества и много другого. Но он продолжил курс своего отца, тем самым, по мнению многих современников, углубляя противоречия в обществе и приближая кровавые события будущего.

Николай II

Похороны жертв Ходынки. Худ. В. Маковский. Май 1896

Это время было безмерно щедрым на таланты и громкие имена в литературе. В последние его десятилетия еще пишут А.Н. Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.А. Гончаров, А.А. Фет... Два великих художника – Лев Николаевич Толстой и Антон Павлович Чехов – встречают XX столетие полные творческих сил. «Век нынешний и век минувший» соединяют еще несколько знакомых вам писательских имен и судеб – В.Г. Короленко, А.И. Куприн, И.А. Бунин, М. Горький...

Однако великая уходящая эпоха воспринималась современниками неоднозначно:

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!

<...>

Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели темные дела...

<...>

Тот век немало проклинали
И не устанут проклинять.
И как избыть его печали?
Он мягко стлал – да жестко спать... –

писал Александр Блок в поэме «Возмездие» (1911).

М.Е. Салтыков-Щедрин.
Портрет работы Н. Яро-
шенко

В.Г. Короленко.
Гравюра В.В. Матз

И.А. Гончаров

Попробуйте подобрать исторические и литературные «иллюстрации», подтверждающие справедливость указанных выше оценок.

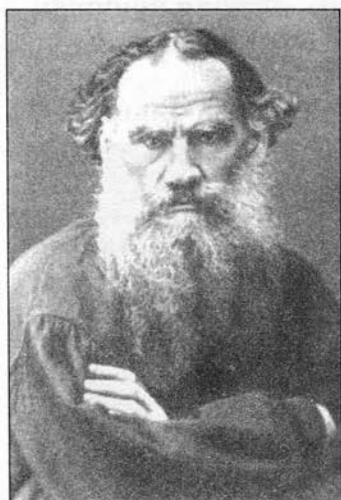
С чем у вас ассоциируется XIX век? С какими именами вы его в первую очередь связываете?

Как могло случиться, что «железный», «жестокий» по отношению к человеку век вошел в историю как золотой век русской литературы?

Можно ли, с вашей точки зрения, эпитет «золотой» отнести ко всему XIX веку или временные рамки следует ограничить лишь пушкинской эпохой, которую А. Блок назвал самой культурной эпохой в жизни России? Для ответа на этот вопрос попробуйте дать обобщающую характеристику XIX века.

Сопоставьте свои выводы с наблюдениями, высказанными вашими предшественниками-литераторами:

1) Немецкий писатель Томас Манн писал о «связи, объединяющей эту удивительную семью великих умов, что зовется русской литературой», связи, объединяющей и Тургенева, и Некрасова, и Достоевского, и Л. Толстого. Проявилась эта связь в первую очередь в ощущении писателями России как целого, в передаче ими целостного мировосприятия народа, т.е. в *народности* литературы. Народность и позволила создать великие эпические произведения, единственные во всей европейской литературе XIX века: «Война и мир» Л. Толстого, эпические поэмы Некрасова... Народность отличает и поэзию уходящего века – и не только Некрасова. Так, Тютчев, переживая в своей лирике трагические противоречия силы и бессилия, веры и безверия, тоже укреплялся верой в народную Россию:

Л.Н. Толстой

А.П. Чехов

Ф.М. Достоевский

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

2) Вера в русский народ, в будущее России, по-разному проявившаяся в творчестве разных писателей, объясняет и другую особенность русской литературы XIX века – ее *духовность*, нравственную силу, побуждающую к действиям, к деятельности. Именно эта вера позволила Толстому исследовать глубины человеческого сознания и подсознания, помогла Достоевскому представить кризис человеческой личности (вспомните, например, Макара Девушкина)... Духовность литературы золотого века – особого рода, она не всегда носит религиозный характер, как это было в древнерусской литературе. Ее истоки, пожалуй, стоит искать в первую очередь в личностях, представляющих эту:

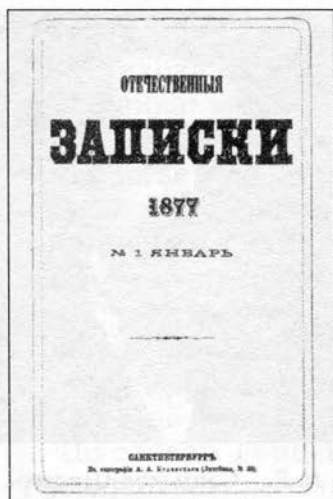
Загадочным то время было:
в понятие чести что входило?
Убить соперника и распрямиться сладко?
Но если дуло грудь искало,
ведь не убийство их ласкало...
И это все для нас еще одна загадка.

И прежде чем решать вопросы
про сплетни, козни и доносы
и расковыривать причины тайной мести,
давайте-ка отложим это
и углубимся в дух поэта,
поразмышляем о достоинстве и чести.

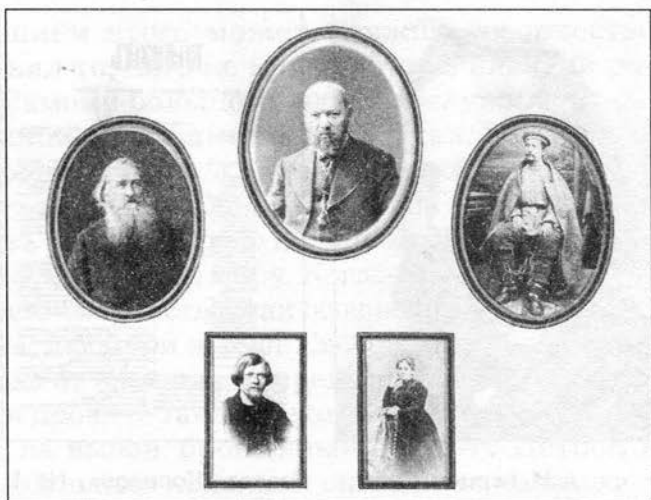
Б. Окуджава

Стоят: Скиталец (С.Г. Петров), М. Горький; сидят: Л.Н. Андреев, Ф.И. Шаляпин, И.А. Бунин, Н.Д. Телешов, Е.Н. Чирков

Обложка журнала «Отечественные записки», издававшегося Некрасовым

Сотрудники журнала: А.Н. Плещеев, А.Н. Островский, П.Ф. Якубович-Мельшин, А.И. Левитов, М.А. Маркович

3) Литература XIX века была удивительно *целостной* и *гармоничной* во всех отношениях. Так, по замечанию Блока, для этого времени характерны уважительные взаимоотношения поэзии и прозы: «Наши прозаики – Толстой, Достоевский – не относились свысока к поэзии; наши поэты – Тютчев, Фет – не относились свысока к прозе. Нечего говорить, разумеется, о Пушкине и о Лермонтове». Об этом «тесном родстве сочного русского стиха с изящной прозой» говорил и Чехов, ссылаясь на «Тамань», «Капитанскую дочку».

Однако все эти качества уже нельзя в полной мере отнести к литературе последних десятилетий века, к страницам которой мы и приглашаем вас обратиться.

Буржуазное развитие, да еще в условиях самодержавного строя, рождало массу противоречий, раскалывающих общество и общественное сознание. К концу XIX века ощущение целостного состояния русского мира все более нарушается.

Этимися причинами во многом объясняется крупное явление, которое можно назвать *литературой русского зарубежья*, впервые определившееся во второй половине – конце XIX века. Виднейшим ее представителем, создателем русской прессы на Западе (журнал «Полярная звезда» и газета «Колокол») стал А.И. Герцен, философ, политик, публицист, известный вам как автор книги «Былое и думы».

А.И. Герцен

Газета «Колокол», № 1.
1857

М.Е. Салтыков-Щедрин.
Худ. И.Н. Крамской. 1979

Эти же причины приводят и к существенным изменениям во всей русской художественной литературе. Уходят крупные эпические произведения, роман теснится формами более мелкими, но явно более удобными для представления жизни: очерк, новелла, рассказ становятся господствующими в творчестве Г. Успенского, В. Гаршина, В. Короленко, Н. Лескова, Д. Мамина-Сибиряка... Салтыков-Щедрин обращается к сказкам, к очеркам с характерным названием «Мелочи жизни». При этом литература конца XIX века традиционно сохраняет свою народность и духовность.

Иллюстрации к «Сказкам» Салтыкова-Щедрина. Худ. Кукрыникисы

Ярким подтверждением этого может служить творчество А.П. Чехова. Чехов объял то, чего не могли объять никакой роман и никакая поэма. Самому большому здесь послужило самое малое – гибкий, подвижный, динамичный рассказ, потребовавший совершенно особого стиля. «Умею коротко говорить о длинных предметах», – так определил Чехов свой стиль.

Чехов смог изобразить жизнь широко и непредвзято вследствие совершенно свободного отношения к миру. Когда-то Пушкин, вступая в зрелую эпоху своего творчества, так осознал свою миссию: «Никакого предрассудка, любимой мысли. Свобода». «...Абсолютная свобода человека, свобода от насилия, от предрассудков, невежества, свобода от страстей и проч.» – такова чеховская норма жизни.

По словам Герцена, на вызов, брошенный когда-то Петром I, Россия ответила «колоссальным явлением свободного человека – Пушкина». На новый исторический вызов она приготовилась ответить другим свободным человеком – Чеховым.

Век замкнулся.

А

1. Почему великих русских писателей XIX века принято называть классиками?
2. Молодой Маяковский как-то заметил о Чехове: «Если книга его рассказов истрепалась у вас, вы, как целый рассказ, можете читать каждую его строчку». Книги какого писателя XIX века вы читаете так же?
3. Назовите ведущий художественный метод русской литературы XIX века. Почему со временем его стали называть критическим?
4. Познакомьтесь с фрагментами из произведений Г.И. Успенского, В.М. Гаршина, Д.К. Мамина-Сибиряка, Н.С. Лескова. Какие черты критического реализма вы в них увидели?

Г.И. Успенский (1843–1902).

Отрывок из очерка цикла «Нравы Растеряевой улицы»

В городе Т. существует Растеряева улица.

Принадлежа к числу захолустий, она обладает и всеми особенностями местностей такого рода, то есть множеством всего покосившегося, полуразвалившегося или развалившегося совсем. Эту картину дополняют ужасы осенней грязи, ужасы темных осенних ночей, оглашаемых сиротливыми криками «караул!», и всеобщая бедность, в мамаевом плену у которой с незапамятных времен томится убогая сторона.

Бедное и «обглоданное», по местному выражению, население всякого закоулка, состоя-

Г.И. Успенский.
Гравюра В.В. Матэ.
1888

щее из мелких чиновников, мещанок, торгующих мятой и мятной водой, мещан, пропивающих все, что выторговывают их жены, гарнизонных солдат и проч., такое бедствующее население в городе Т. пополняется не менее обглоданным классом разного мастерового народа. В Т. с давнего времени процветала промышленность всякого рода металлических изделий: в городе и в окрестностях находятся чугунолитейные, колокольные, самоварные и другие заводы. Кроме того, город славится известным заводом стальных изделий, населившим своими рабочими все Заречье и целую слободу Чулково <...>

В.М. Гаршин (1855–1888).

Отрывок из рассказа «Сигнал»

*В.М. Гаршин.
1880-е годы*

Семен Иванов служил сторожем на железной дороге. От его будки до одной станции было двенадцать, до другой – десять верст. Верстах в четырех в прошлом году открыли большую прядильню; из-за лесу ее высокая труба чернела, а ближе, кроме соседних будок, и жилья не было.

Семен Иванов был человек больной и разбитый. Десять лет тому назад он побывал на войне: служил в денщиках у офицера и целый поход с ним сделал. Голодал он, и мерз, и на солнце жарился, и переходы делал по сорока и по пятидесяти верст в жару и в мороз; случалось и под пулями бывать, да, слава богу, ни одна не задела. Стоял раз полк в первой линии; целую неделю с турками перестрелка была: лежит наша цепь, а через лощинку – турецкая, и с утра до вечера постреливают. Семенов офицер тоже в цепи был; каждый день три раза носил ему Семен из полковых кухонь, из оврага, самовар горячий и обед. Идет с самоваром по открытому месту, пули свистят, в камни щелкают; страшно Семену, плачет, а сам идет. Господа офицеры очень довольны им были: всегда у них горячий чай был. Вернулся он из похода целый, только руки и ноги ломить стало. Немало горя пришлось ему с тех пор отвеждать <...>

1887

Д.Н. Мамин-Сибиряк (1852–1912).

Отрывок из романа «Приваловские миллионы»

– Приехал... барыня, приехал! – задыхавшимся голосом прошептала горничная Матрешка, вбегая в спальню Хионии Алексеевны Заплатиной. – Вчера ночью приехал... Остановился в «Золотом якор».

Заплата, дама неопределенных лет с выцветшим лицом, стояла перед зеркалом в утреннем дезабилье. Волосы цвета верблюжьей шерсти были распущены по плечам, но они не могли задрапировать ни жилистой худой шеи, ни грязной ночной кофты, открывавшей благодаря оторванной верхней пуговке высохшую костлявую грудь. Известие, принесенное Матрешкой, поразило Заплатину как громом, и она даже выронила из рук гребень, которым расчесывала свои волосы перед зеркалом.

В углу комнаты у небольшого окна, выходявшего на двор, сидел мужчина лет под сорок, совсем закрывшись последним номером газеты. Это был сам г. Заплатин, Виктор Николаич, топограф узловской межевой канцелярии. По своей наружности он представлял полную противоположность своей жене: прилично полный, с румянцем на загорелых щеках, с русой окладистой бородкой и добрыми серыми глазками, он так же походил на спелое яблоко, как его достойная половина на моченую грушу. Он маленькими глотками отпивал из стакана кофе и лениво потягивался в своем мягком глубоком кресле. Появление Матрешки и ее шепот не произвели на Заплатина никакого впечатления, и он продолжал читать свою газету самым равнодушным образом <...>

Д.Н. Мамин-Сибиряк

1883

Н.С. Лесков (1831–1895).

Отрывок из «Левши», сказа о тульском косом Левше и о стальной блохе

Когда император Александр Павлович окончил венский совет, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть. Объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междоусобные разговоры со всякими людьми, и все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотели, но при нем был донской казак Платов, который этого склонения не любил и, скучая по своему хозяйству, все государя домой манил. И чуть если Платов заметит, что государь чем-нибудь иностранным очень интересуется, то все провожатые молчат, а Платов сейчас скажет: так и так, и у нас дома свое не хуже есть, – и чем-нибудь отведет.

Англичане это знали и к приезду государя выдумали разные хитрости, чтобы его

Н.С. Лесков. Гравюра В.В. Матэ по рисунку И.Е. Репина

чужестранностью пленить и от русских отвлечь и во многих случаях они этого достигали, особенно в больших собраниях, где Платов не мог по-французски вполне говорить; но он этим мало и интересовался, потому что был человек женатый и все французские разговоры считал за пустяки, которые не стоят воображения <...>

1881

5. На примере любого писателя XIX века покажите, в чем проявляются народность и духовность его творчества. Найдите и выучите наиболее лиричные, на ваш взгляд, строки.

6. Найдите репродукцию картины И.Е. Репина «Не ждали». Обратите внимание на одну деталь: на стене в комнате висят два портрета писателей. Как вы думаете, чьи портреты могли быть в доме революционера-народника: Жуковского, Шевченко, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Чехова? Объясните свое решение.

7. В.А. Жуковский в послании «К Батюшкову» сформулировал свою художественную позицию:

О друг! Служенье муз
Должно быть их достойно.

Какими поэтическими строками откликнулся на эти слова А.С. Пушкин? Какие вершинные произведения искусства XIX века вы бы назвали «достойными», «величавыми», «несуetyными»?

8. Прокомментируйте утверждение Чехова: «Всех нас будут звать не Чехов, не Тихонов, не Короленко, не Бежецкий, а «восьмидесятые годы» или «конец XIX века». Некоторым образом артель».

Кабинет А.П. Чехова в Мелихово

Таганрог. Новый базар. Открытка конца XIX века

Антон Павлович Чехов (1860–1904)

1. Прочитайте отрывок из книги И.А. Бунина «О Чехове». Чем, на ваш взгляд, могут быть интересны воспоминания одного писателя о другом?

2. Что, по-вашему, будет в центре внимания Бунина – события и факты жизни Чехова, личность писателя, его писательская индивидуальность? Объясните свою точку зрения.

Чехов родился на берегу мелкого Азовского моря, в уездном городе, глухом в ту пору, и характер этой скучной страны немало, должно быть, способствовал развитию его прирожденной меланхолии. Печальная, безнадежная основа его характера происходила еще и от того, что в нем, как мне всегда казалось, было довольно много какой-то восточной наследственности, сужу по лицам его простонародных родных, по их несколько косым и узким глазам и выдающимся скулам. И сам он делался с годами похож на них все больше и состарился душевно и телесно очень рано, как и подобает восточным людям. Чахотка чахоткой, но все же не одна она была причиной того, что, будучи всего сорока лет, он уже стал похож на очень пожилого монгола своим желтоватым, морщинистым лицом. А детство? Мещанская уездная бедность семьи, молчаливая, со сжатым ртом, с прямой удлиненной губой мать, «истовый и

строгий» отец, заставлявший старших сыновей по ночам петь в церковном хоре, мучивший их спевками поздними вечерами, как какой-нибудь зверь; требовавший с самого нежного возраста, чтобы они сидели по очереди в качестве «хозяйского ока» в лавке. И чаще всего страдал Антоша, – наблюдательный отец сразу отметил его исполнительность и чаще других засаживал его за прилавок, когда нужно было куда-нибудь ему отлучиться. Единственное оправдание – если бы не было церковного хора, спевок, то и не было бы рассказов ни «Святой ночью» ни «Студент» ни «Святых гор», ни «Архиерея» не было бы, может быть, и «Убийства», без такого его тонкого знания церковных служб и простых верующих душ. Сидение же в лавке дало ему раннее знание людей, сделало его взрослей, так как лавка его отца была клубом таганрогских обывателей, окрестных мужиков и афонских монахов. Конечно, кроме лавки, помогло еще узнать людей и то, что он с шестнадцати лет жил среди чужих, – зарабатывая себе на хлеб, а затем в Москве еще студентом много толкался в «мелкой прессе», где человеческие недостатки и даже пороки не очень скрываются. <..>

Помогла и профессия врача. Он чуть ли не с первых курсов стал летом работать в земских больницах в Новом Иерусалиме, в Воскресенске. Его брат, Иван Павлович, получил место учителя в церковно-приходской школе, квартира была из четырех комнат, и семья Чеховых на лето приезжала к нему.

Антон Чехов в семейной группе. Таганрог. 1874. Стоят: Иван, Антон, Николай, Александр Чеховы, М.Е. Чехов; сидят: Михаил и Мария Чеховы, П.Е. Чехов, Е.Я. Чехова, Л.П. Чехова, Георгий Чехов

Потом они снимали флигель на летние месяцы в Бабкине, имении Киселевых, с которыми они очень сдружились. Это — была уже подмосковная. Отец М. В. Киселевой, Бегичев, был директором Малого театра, а потому у Киселевых вечно бывали актеры, музыканты, певцы, художники. У них Чехов вошел вместе с Марьей Павловной, которая очень подружилась с М. В. Киселевой, в артистическую среду, часто много слушал там у них серьезную музыку.

При его восприимчивости и наблюдательности, семь лет в этих местах дали ему как писателю очень много. Ведь и «Унтер Пришибеев» оттуда, и «Дочь Альбиона», и «Егерь», и «Злоумышленник», и «Хирургия», и «Налим»...

И странно, как много дали его произведениям подмосковные места.

Меня поражает, как он моложе тридцати лет мог написать «Скучную историю», «Княгиню», «На пути», «Холодную кровь», «Тину», «Хористку», «Тиф»... Кроме художественного таланта, изумляет во всех этих рассказах знание жизни, глубокое проникновение в человеческую душу в такие еще молодые годы. Конечно, работа врача ему очень много дала в этом отношении. Он всегда говорил мне и профессору Россолимо, что благодаря ей область его наблюдений расширилась и обогатила его знаниями, настоящую цену которых для него как писателя может понять только врач. <..>

И конечно, если бы не туберкулез, он никогда бы медицины не бросил. Лечить он очень любил, звание врача ставил высоко, недаром в паспорте Ольги Леонардовны он написал: «жена лекаря»...

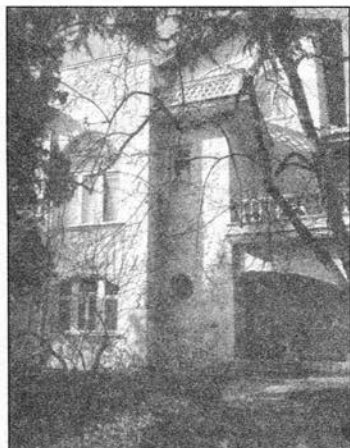
Антон Чехов. Таганрог.
Фото С. Исаковича. 1879

А.П. Чехов в конце 1880-х.
Работа С.М. Чехова

А.П. Чехов. Ялта.
Фото С. Линдена. 1904

Дом-музей А.П. Чехова в Ялте

Класс в меликовской школе, построенной А.П. Чеховым в 1899 году

Писание же в «Будильниках», «Зрителях», «Осколках» (сатирических журналах. – Авт.) научило его маленькому рассказу: извольте не переступать ста строк!

А

1. Найдите в тексте конкретные факты жизни Чехова (о семье, друзьях и пр.)

2. Что же важнее для Бунина – факты жизни, личность писателя, его индивидуальность? Расскажите о Чехове-человеке, о Чехове-писателе. Есть ли у вас свое представление о Чехове?

3. Сопоставьте свое понимание воспитанности с размышлениями Чехова о воспитанном человеке, высказанными им в письме брату:

1) Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилье посторонних...

2) Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом...

3) Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4) Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают. Из уважения к чужим ушам они чаще молчат.

5) Они не уничижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие....

6) Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства с знаменитостями, рукопожатие ..., известность ...

7) Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой...

8) Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинкт... Они не трескают походку водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи.

И т.д. Таковы воспитанные,... Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, ... тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, работа... Тут дорог каждый час...

В чем вы согласились с писателем, а с чем бы поспорили? Учтите: современники Чехова утверждали, что сам он полностью соответствовал этому представлению, строил свою жизнь по закону «в человеке все должно быть прекрасно».

4. Вы уже читали и Чехова, и Бунина. Что, на ваш взгляд, сближает личности этих писателей, их творчество? В случае затруднения вернитесь к этому вопросу на последнем «чеховском» уроке.

5. По своей основной специальности Чехов был врачом – не первый в русской литературе. Продолжите перечисление имен известных писателей, врачей по специальности: В.И. Даль, В.В. Вересаев, ...

6. Подумайте, какой отпечаток могла наложить профессия на творчество Чехова. Можете присоединиться к точке зрения И.А. Бунина или писателя И. Эренбурга, который утверждал, что, «не зная Чехов тревоги за жизнь больного, не испытай он сознания собственного бессилия ему помочь, не переживи он чередования надежды и отчаяния, ему куда труднее было бы понять и передать дни и часы своих героев». При ответе опирайтесь на ваш предыдущий опыт прочтения Чехова.

7. Прочитайте самостоятельно рассказ «Красавицы» и повесть «Степь», в которых отразились впечатления Чехова от поездки к деду по окрестностям Таганрога, в котором он родился. Расскажите о самых ярких детских впечатлениях Чехова.

8. Проведите исследовательскую работу. Выпишите по одной пейзажной зарисовке из повести «Степь» Чехова и из «Антоновских яблок» Бунина и сопоставьте их по стилю. Что дает основание Чехову называть некоторые страницы «Степи» стихотворениями в прозе?

9. Что рассказали вам о писателе Бунине его воспоминания о Чехове?

Советуем прочитать:

1. А.П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1986.
2. Громов М.П. Чехов («ЖЗЛ»). – М., 1993.
3. Живое слово. Литературно-художественный сборник. – М., 1968.
4. Лакшин В.Я. Толстой и Чехов. – М., 1978.
5. Чехов М.П. Вокруг Чехова. – М., 1980.
6. Чудаков А.П. Антон Павлович Чехов. – М., 1987.

Читаем и обсуждаем рассказ Чехова «Человек в футляре»

Журналы, в которых сотрудничали братья Чеховы в 1880-х годах

Готовимся к чтению

1. Вспомните прочитанные вами юмористические рассказы Чехова. Что в них смешного, а что грустного? О чем серьезном писал Чехов в своих ранних рассказах?
2. Известно, что в ранних рассказах Чехова сильно гоголевское начало. Перечитайте начало рассказа «Смерть чиновника» и попробуйте найти в нем «следы» Гоголя.

Смерть чиновника

В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола». Он глядел и чувствовал себя на верху блаженства. Но вдруг... В рассказах часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна внезапностей! Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвел от глаз бинокль, нагнулся и... апчхи!!! Чихнул, как видите. Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают. Червяков несколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем? Но тут уж пришлось сконфузиться. Он увидел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и бормотал что-то. В старичке Червяков узнал статского советника генерала Брижжалова, служащего по ведомству путей сообщения. <...>

3. Можно ли героя Чехова отнести к типу «маленьких людей»? Обоснуйте свой ответ ссылками на текст. Прокомментируйте мысль писателя, которую он высказывал не раз: «В литературе маленькие люди так же необходимы, как и в армии».

4. А теперь попробуйте определить, в чем заключается индивидуальность Чехова. Можно ли себе представить сидящим в креслах партера рядом с Значительным лицом не Червякова, а Акакия Акакиевича Башмачкина? Макара Девушкина? Что изменилось во времена Чехова – общественная ситуация или психология «маленького человека»?

Продолжите: Повествуя о «маленьких людях», Гоголь изображал действительность (жизнь) героя, Достоевский – его самосознание, а Чехов – ... Для Гоголя личность важна как часть общества, для Достоевского интересно само общество по влиянию его на личность, для Чехова – ... Герои Гоголя и Достоевского вызывают и смех, и раздражение, и сочувствие, и жалость. Герои Чехова – ...

Читаем и обсуждаем рассказ Чехова «Человек в футляре»

1. С какой интонацией вы произносите названия рассказов Чехова («Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Попрыгунья», «Хамелеон», «Крыжовник» и т.д.)? Сохраняется ли эта интонация в названии «Человек в футляре»?

2. Рассказ «Человек в футляре» – второй из маленькой трилогии («Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви»). Вспомните: в рассказе «Крыжовник» Чехов поднимал проблему истинной свободы человека. Подумайте, в зависимость от чего может попасть человек? Можно ли, на ваш взгляд, быть абсолютно свободным человеком, «выдавить из себя раба»?

3. Вспомните главную особенность рассказов Чехова – их краткость, недосказанность: «В маленьких рассказах лучше недосказать, чем пересказать, потому что... потому что... не знаю почему...». Не менее важно для нас и другое замечание автора: «Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам».

Попробуем оправдать это доверие.

Итак, три рассказчика, учитель гимназии Буркин, ветеринарный врач Иван Иванович и помещик Алехин ведут разговор о людях того же круга: учителях, врачах, чиновниках, горожанах. Их истории незамысловаты, но сквозь внешнее повествование читателю предстоит увидеть глубину изображаемого, подтекст, скрытый смысл. Вчитываясь в текст, комментируя его, вы увидите, что чеховское понимание жизни далеко не всегда совпадает с мнениями отдельных его персонажей.

<...> Да вот, недалеко искать, месяца два назад умер у нас в городе некий Беликов, учитель греческого языка, мой товарищ. Вы о нем слышали, конечно. Он был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из серой замши, и когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый воротник. Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой, и когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх (*малосимпатичную личность нарисовал рассказчик*). Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление (*это стремление сильнее героя и, вероятно, имеет объяснение*) окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний. Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге, и, быть может, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращение к настоящему, он всегда хвалил прошлое и то, чего никогда не было; и древние языки, которые он преподавал, были для него, в сущности, те же калоши и зонтик, куда он прятался от действительной жизни (*а вот и объяснение «закрытости» героя*).

– О, как звучен, как прекрасен греческий язык! – говорил он со сладким выражением; и, как бы в доказательство своих слов, прищуривал глаза и, подняв палец, произносил: – Антропос! (*Сладкий голос, прищуренные глаза и единственное греческое слово – все это явно смешно и нелепо.*)

И мысль свою Беликов также старался запрятать в футляр. Для него были ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь. Когда в циркуляре запрещалось ученикам выходить на улицу после девяти часов вечера или в какой-нибудь статье запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, определенно; запрещено — и баста. В разрешении же и позволении скрывался для него всегда элемент сомнительный, что-то недосказанное и смутное. Когда в городе разрешали драматический кружок, или читальню, или чайную, то он покачивал головой и говорил тихо:

— Оно, конечно, так-то так, все это прекрасно, да как бы чего не вышло.

Всякого рода нарушения, уклонения, отступления от правил приводили его в уныние, хотя, казалось бы, какое ему дело? Если кто из товарищей опаздывал на молебен, или доходили слухи о какой-нибудь проказе гимназистов, или видели классную даму поздно вечером с офицером, то он очень волновался (*герой явно принимает все близко к сердцу*) и все говорил, как бы чего не вышло. А на педагогических советах он просто угнетал нас своею осторожностью, мнительностью и своими чисто футлярными соображениями насчет того, что вот-де в мужской и женской гимназиях молодежь ведет себя дурно, очень шумит в классах, — ах, как бы не дошло до начальства, ах, как бы чего не вышло, — и что если б из второго класса исключить Петрова, а из четвертого — Егорова, то было бы очень хорошо. И что же? Своими вздохами, нытьем, своими темными очками на бледном маленьком лице, — знаете, маленьком лице, как у хорька, (*герой явно несимпатичен рассказчику*) — он давил нас всех, и мы уступали, сбавляли Петрову и Егорову балл по поведению, сажали их под арест и в конце концов исключали и Петрова и Егорова. (*И все-таки не понятно, почему все шло на поводу у Беликова, может быть, не только в нем причина подобных решений и поступков?*) Было у него странное обыкновение — ходить по нашим квартирам. Придет к учителю, сядет и молчит, и как будто что-то высматривает. Посидит, этак, молча, час-другой и уйдет. Это называлось у него «поддерживать добрые отношения с товарищами», и, очевидно, ходить к нам и сидеть было для него тяжело, и ходил он к нам только потому, что считал это своею товарищескою обязанностью (*значит, все-таки не высматривал, а так странно исполнял товарищескую обязанность*). Мы, учителя, боялись его. И даже директор боялся. Вот подите же, наши учителя народ все мыслящий, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневе и Щедрина, однако же этот человек, ходивший всегда в калошах и с зонтиком, держал

в руках всю гимназию целых пятнадцать лет! Да что гимназию? Весь город! Наши дамы по субботам домашних спектаклей не устраивали, боялись, как бы он не узнал; и духовенство стеснялось при нем кушать скоромное и играть в карты (а без него?). Под влиянием таких людей, как Беликов, за последние десять – пятнадцать лет в нашем городе стали бояться всего. Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боятся помогать бедным, учить грамоте <...>

Беликов жил в том же доме, где и я, – продолжал Буркин, – в том же этаже, дверь против двери, мы часто виделись, и я знал его домашнюю жизнь. И дома та же история: халат, колпак, ставни, задвижки, целый ряд всяких запрещений, ограничений, и – ах, как бы чего не вышло! Постное есть вредно, а скоромное нельзя, так как, пожалуй, скажут, что Беликов не исполняет постов (для него было важно чужое мнение), и он ел судака на коровьем масле, – пища не постная, но и нельзя сказать, чтобы скоромная. Женской прислуги он не держал из страха, чтобы о нем не думали дурно, а держал повара Афанасия, старика лет шестидесяти, нетрезвого и полоумного, который когда-то служил в денщиках и умел кое-как стряпать. Этот Афанасий стоял обыкновенно у двери, скрестив руки, и всегда бормотал одно и то же, с глубоким вздохом:

– Много уж *их* нынче развелось!

Худ. П. Пинкисевич

Худ. Кукрыниксы

Иллюстрации к рассказу Чехова «Человек в футляре»

Спальня у Беликова была маленькая, точно ящик, кровать была с пологом. Ложась спать, он укрывался с головой; было жарко, душно, в закрытые двери стучался ветер, в печке гудело; слышались вздохи из кухни, вздохи зловещие...

И ему было страшно под одеялом. Он боялся, как бы чего не вышло, как бы его не зарезал Афанасий, как бы не забрались воры, и потом всю ночь видел тревожные сны, а утром, когда мы вместе шли в гимназию, был скучен, бледен, и было видно, что многолюдная гимназия, в которую он шел, была страшна, противна всему существу его и что идти рядом со мной ему, человеку по натуре одинокому, было тяжело (в сущности, это одинокий и очень несчастный человек).

— Очень уж шумят у нас в классах, — говорил он, как бы стараясь отыскать объяснения своему тяжелому чувству. — Ни на что не похоже.

И этот учитель греческого языка, этот человек в футляре, можете себе представить, едва не женился <...>

— Да, едва не женился, как это ни странно. Назначили к нам нового учителя истории и географии, некоего Коваленка, Михаила Саввича, из хохлов. Приехал он не один, а с сестрой Варенькой. Он молодой, высокий, смуглый, с громадными руками, и по лицу видно, что говорит басом, и в самом деле, голос как из бочки: бу-бу-бу... (Внешне Коваленко выглядит контрастно Беликову.) А она уже не молодая, лет тридцати, но тоже высокая, стройная, чернобровая, краснощекая, — одним словом, не девица, а мармелад, и такая разбитная, шумная, все поет малороссийские романсы и хохочет. (Сколько физической силы, здоровья, энергии в этой девушке — и больше ...ничего!) Чуть что, так и зальется голосистым смехом: ха-ха-ха! Первое, основательное знакомство с Коваленками у нас, помню, произошло на именинах у директора. Среди суровых, напряженно скучных педагогов, которые и на именины-то ходят по обязанности (значит, определенные «футлярные» обязанности есть не только у Беликова!), вдруг видим, новая Афродита возродилась из пены: ходит подбоченья, хохочет, поет, пляшет... (И опять только хохочет и поет!) Она спела с чувством «Виют витры», потом еще романс, и еще, и всех нас очаровала, — всех, даже Беликова. Он подсел к ней (Беликов явно тянется к напористой силе, жизненной энергии Вареньки) и сказал, сладко (сладко Беликов говорит лишь о самом главном для него — древнегреческом языке) улыбаясь:

— Малороссийский язык своею нежностью и приятною звучностью напоминает древнегреческий.

Это польстило ей, и она стала рассказывать ему с чувством и убедительно, что в Гадячском уезде у нее есть хутор, а на хуторе

живет мамочка, и там такие груши, такие дыни, такие кабаки! (Несколько неожиданные темы для разговора после замечания Беликова о звучности языка.) <...>

Прочитайте окончание рассказа, самостоятельно комментируя текст.

<...> Теперь слушайте, что дальше. Какой-то проказник нарисовал карикатуру: идет Беликов в калошах, в подсученных брюках, под зонтом, и с ним под руку Варенька; внизу подпись: «Влюбленный антропос». Выражение схвачено, понимаете ли, удивительно. Художник, должно быть, проработал не одну ночь, так как все учителя мужской и женской гимназий, учителя семинарии, чиновники – все получили по экземпляру. Получил и Беликов. Карикатура произвела на него самое тяжелое впечатление.

Выходим мы вместе из дому, – это было как раз первое мая, воскресенье, и мы все, учителя и гимназисты, условились сойтись у гимназии и потом вместе идти пешком за город в рощу, – выходим мы, а он зеленый, мрачнее тучи.

– Какие есть нехорошие, злые люди! – проговорил он, и губы у него задрожали.

Мне даже жалко его стало. Идем, и вдруг, можете себе представить, катит на велосипеде Коваленко, а за ним Варенька, тоже на велосипеде, красная, заморенная, но веселая, радостная.

– А мы, – кричит она, – вперед едем! Уже ж такая хорошая погода, такая хорошая, что просто ужас!

И скрылись оба. Мой Беликов из зеленого стал белым и точно оцепенел. Остановился и смотрит на меня...

– Позвольте, что же это такое? – спросил он. – Или, быть может, меня обманывает зрение? Разве преподавателям гимназии и женщинам прилично ездить на велосипеде?

– Что же тут неприличного? – сказал я. – И пусть катаются себе на здоровье.

– Да как же можно? – крикнул он, изумляясь моему спокойствию. – Что вы говорите?!

И он был так поражен, что не захотел идти дальше и вернулся домой.

На другой день он все время нервно потирал руки и вздрагивал, и было видно по лицу, что ему нехорошо.

И с занятий ушел, что случилось с ним первый раз в жизни. И не обедал. А под вечер оделся потеплее, хотя на дворе стояла совсем летняя погода, и поплелся к Коваленкам. Вареньки не было дома, застал он только брата.

– Садитесь, покорнейше прошу, – проговорил Коваленко холодно и нахмурил брови; лицо у него было заспанное, он только что отдыхал после обеда и был сильно не в духе.

Беликов посидел молча минут десять и начал:

– Я к вам пришел, чтоб облегчить душу. Мне очень, очень тяжело. Какой-то пасквилянт нарисовал в смешном виде меня и еще одну особу, нам обоим близкую. Считаю долгом уверить вас, что я тут ни при чем... Я не подавал никакого повода к такой насмешке, – напротив же, все время вел себя как вполне порядочный человек.

Коваленко сидел, надувшись, и молчал. Беликов подождал немного и продолжал тихо, печальным голосом:

– И еще я имею кое-что сказать вам. Я давно служу, вы же только еще начинаете службу, и я считаю долгом, как старший товарищ, предостеречь вас. Вы катаетесь на велосипеде, а эта забава совершенно неприлична для воспитателя юношества.

– Почему же? – спросил Коваленко басом.

– Да разве тут надо еще объяснять, Михаил Саввич, разве это не понятно? Если учитель едет на велосипеде, то что же остается ученикам? Им остается только ходить на головах! И раз это не разрешено циркулярно, то и нельзя. Я вчера ужаснулся! Когда я увидел вашу сестрицу, то у меня помутилось в глазах. Женщина или девушка на велосипеде – это ужасно!

– Что же собственно вам угодно?

– Мне угодно только одно – предостеречь вас, Михаил Саввич. Вы – человек молодой, у вас впереди будущее, надо вести себя очень, очень осторожно, вы же так манкируете, ох, как манкируете! Вы ходите в вышитой сорочке, постоянно на улице с какими-то книгами, а теперь вот еще велосипед. О том, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипеде, узнает директор, потом дойдет до попечителя... Что же хорошего?

– Что я и сестра катаемся на велосипеде, никому нет до этого дела! – сказал Коваленко и побагровел. – А кто будет вмешиваться в мои домашние и семейные дела, того я пошлю к чертям собачьим.

Беликов побледнел и встал.

– Если вы говорите со мной таким тоном, то я не могу продолжать, – сказал он. – И прошу вас никогда так не выражаться в моем присутствии о начальниках. Вы должны с уважением относиться к властям.

– А разве я говорил что дурное про властей? – спросил Коваленко, глядя на него со злобой. – Пожалуйста, оставьте меня в покое. Я честный человек и с таким господином, как вы, не желаю разговаривать. Я не люблю фискалов.

Беликов нервно засуетился и стал одеваться быстро, с выражением ужаса на лице. Ведь это первый раз в жизни он слышал такие грубости.

– Можете говорить, что вам угодно, – сказал он, выходя из передней на площадку лестницы. – Я должен только предупредить вас: быть может, нас слышал кто-нибудь, и, чтобы не перетолковали нашего разговора и чего-нибудь не вышло, я должен буду доложить господину директору содержание нашего разговора... в главных чертах. Я обязан это сделать.

– Доложить? Ступай, докладывай!

Коваленко схватил его сзади за воротник и пихнул, и Беликов покатился вниз по лестнице, гремя своими калошами. Лестница была высокая, крутая, но он докатился донизу благополучно, встал и потрогал себя за нос: целы ли очки? Но как раз в то время, когда он катился по лестнице, вошла Варенька и с нею две дамы; они стояли внизу и глядели – и для Беликова это было ужаснее всего. Лучше бы, кажется, сломать себе шею, обе ноги, чем стать посмешищем; ведь теперь узнает весь город, дойдет до директора, попечителя, – ах, как бы чего не вышло! – нарисуют новую карикатуру, и кончится все это тем, что прикажут подать в отставку...

Когда он поднялся, Варенька узнала его и, глядя на его смешное лицо, помятое пальто, калоши, не понимая, в чем дело, полагая, что это он упал сам нечаянно, не удержалась и захохотала на весь дом:

– Ха-ха-ха!

И этим раскатистым, заливчатым «ха-ха-ха» завершилось все: и сватовство, и земное существование Беликова. Уже он не слышал, что говорила Варенька, и ничего не видел. Вернувшись к себе домой, он прежде всего убрал со стола портрет, а потом лег и уже больше не вставал.

Дня через три пришел ко мне Афанасий и спросил, не надо ли послать за доктором, так как-де с барином что-то делается. Я пошел к Беликову. Он лежал под пологом, укрытый одеялом, и молчал; спросишь его, а он только да или нет – и больше ни звука. Он лежит, а возле бродит Афанасий, мрачный, нахмуренный, и вздыхает глубоко; а от него водкой, как из кабака.

Через месяц Беликов умер. Хоронили мы его все, то есть обе гимназии и семинария. Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что, наконец, его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала! И как бы в честь его, во время похорон была пасмурная, дождливая погода, и все мы были в калошах и с зонтами. Варенька тоже была на похоронах и, когда гроб опускали в могилу, всплакнула. Я заметил, что хохлушки только плачут или хохочут, среднего же настроения у них не бывает.

Признаюсь, хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие. Когда мы возвращались с кладбища, то у нас были скромные постные физиономии; никому не хотелось обнаружить этого чувства удовольствия, — чувства, похожего на то, какое мы испытывали давно-давно, еще в детстве, когда старшие уезжали из дому и мы бегали по саду час-другой, наслаждаясь полною свободой. Ах, свобода, свобода! Даже намек, даже слабая надежда на ее возможность дает душе крылья, не правда ли?

Вернулись мы с кладбища в добром расположении. Но прошло не больше недели, и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая, жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне; не стало лучше. И в самом деле, Беликова похоронили, а сколько еще таких человек в футляре осталось, сколько их еще будет! <...>

1898

А

1. Расскажите о Беликове по самостоятельно составленному плану. Почему учитель Буркин говорит о нем с явной неприязнью?
2. Принцип краткости обусловил особую роль художественной детали в произведениях Чехова. С помощью каких деталей создается портрет Беликова? Что символизируют эти детали?
3. Прокомментируйте сцену драматического разговора Беликова с Коваленко. Каким предстает перед нами Беликов в этом эпизоде? От чего, по-вашему, умер Беликов? Менялось ли ваше отношение к этому герою по ходу чтения?
4. Какие чувства вызывают у вас учитель Коваленко и прочие персонажи рассказа? Можно ли назвать Коваленко свободным человеком? А рассказчика Буркина? Почему все боялись учителя Беликова и чего продолжали бояться после его смерти?
5. Представьте, если бы рассказ был прочитан без комментария, диалога с автором — каким бы в этом случае он вам показался? Что вы прочли в подтексте?
6. Определите авторскую позицию в рассказе «Человек в футляре». Симпатизирует ли он кому-либо из героев? Если да, то кому именно? Чем, по-вашему, интересен автору Беликов?
7. Известно, что в «Человеке в футляре» отразились впечатления Чехова от таганрогской гимназии, в которой он учился. Обратитесь к документальным материалам о жизни Чехова в Таганроге и сопоставьте их с рассказом. К каким выводам вы пришли?
8. Давно замечено, что «врач выглядывает» из многих рассказов Чехова. Назовите рассказы писателя, в которых действуют врачи, учителя. Почему традиционно героя Чехова называют «средним человеком»? Как вы понимаете это выражение? В чем видите отличие «среднего человека» от «маленького»?

Б

9. Прочитайте самостоятельно рассказы Н.С. Лескова. Почему многие исследователи говорят об определенной близости творчества двух писателей?

10. В творчестве Чехова есть и рассказы, навеянные впечатлениями от реальных событий. Так, рассказ «Припадок» повествует о судьбе друга писателя – В.М. Гаршина. Прочитайте этот рассказ и подумайте, как он характеризует личность Чехова.

Толстой о Чехове

Чехов – несравненный художник, да, да, именно: несравненный... Художник жизни. И достоинство его творчества в том, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще. А это главное... Он брал из жизни то, что видел, и если брал что-нибудь, то передавал удивительно образно и понятно до последних черточек. Главное же – он был всегда искренен. А это великое достоинство в писателе. И благодаря своей искренности Чехов создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы писания, подобных которым я не встречал нигде. Его язык удивителен... Как только я вчитался, так этот язык и захватил меня.

Чехов – это Пушкин в прозе. Вот как в стихах Пушкина каждый может найти что-нибудь такое, что пережил и сам, так и в рассказах Чехова, хоть в каком-нибудь из них, читатель непременно увидит себя и свои мысли... Некоторые вещи Чехова положительно замечательны...

Он – один из тех редких писателей, которых, как Диккенса и Пушкина и немногих подобных, можно много, много раз перечитывать, – это я знаю по собственному опыту...

Из высказываний Л.Н. Толстого.

1. Выделите в высказывании Л.Н. Толстого две-три самые главные, с вашей точки зрения, мысли.
2. Подтвердите каждую из них ссылками на конкретные тексты, цитатами.
3. Подготовьте по образцу свое высказывание о вашем любимом писателе XIX века.

Развитие речи.

Учимся выразительно читать художественную прозу

Рассказы Чехова словно написаны для чтения вслух: короткие фразы, предельно стройные предложения, точная, насыщенная диалогом речь, ясно ощутимое ритмическое начало, звуковые образы, особое звучание речи. На это не раз обращали внимание мастера сцены, включавшие в свой репертуар рассказы Чехова. Однако выразительное чтение художественной прозы требует не только глубокого ее прочтения, но и специальной подготовки.

Вот какие рекомендации дают великие мастера художественного слова:

1) «Очень важно настолько полюбить произведение, которое выбираешь для работы, чтобы возникла потребность прочесть слушателям именно этот, а не другой рассказ или отрывок».

(Д.Н. Журавлев)

2) «Необходимо долго и пристально вглядываться, вчитываться, вдумываться в авторский текст, стараясь постигнуть глубину его содержания, много раз проверять и уточнять его смысл, не доверяя своим первым, может быть и восторженным, но зачастую поверхностным и неверным впечатлениям... В качестве одного из приемов «вживания» в материал... я предлагаю следующий путь. Прочитать несколько раз произведение, а затем пересказать его своими словами. Это даст возможность выяснить, что произвело наиболее сильное впечатление и «запало в душу». Затем, снова обращаясь к авторскому тексту, перечитывать его, проверить правильность своих впечатлений (пересказ и проверку по тексту надо повторить несколько раз)».

(Д.Н. Журавлев)

3) «Помните, что, начиная рассказывать, вы должны точно знать, во имя чего рассказываете, какие мысли и чувства вы хотите вызвать в слушателя. И к этой цели вы должны стремиться».

(К.С. Станиславский)

4) «Чтобы чтение воздействовало, волновало, чтобы оно могло вызвать перед внутренним взором слушателей все то, о чем рассказываешь, необходимо самому точно знать, точно увидеть все, о чем рассказываешь».

(Д.Н. Журавлев)

5) «Как читать рассказ, в котором несколько действующих лиц? Предположим, что вы читаете «Злоумышленника». Вы должны рассказать о мыслях крестьянина, но не изображать его дикции. В вашу интонацию может вкрасться его интонация и даже жест, потому что вы уже начинаете действовать и переживать за него. Но если вы перестанете действовать и начнете изображать, вы попадете в штамп.

Вы должны входить в предлагаемые обстоятельства действующих лиц, но не копировать их, передавать свое отношение к ним, а не изображать их интонации».

(К.С. Станиславский)

6) «Не забывайте, что у вас есть отношение рассказчика к этому человеку, о котором вы говорите, и сколько бы в рассказе ни было действующих лиц, к каждому из них у вас будет свое отношение – это делает их разнообразными».

(К.С. Станиславский)

7) «Рассказывая, надо уметь показывать!»

Когда я работаю над Чеховым, меня всегда поражает целомудренность и глубинность его текстов и предельная краткость его слога при необычайной насыщенности мысли. И я всегда ощущаю в Чехове, как и в Пушкине, глубокое доверие к читателю – они не хотят объяснить того, о чем пишут, они верят, что читатель все поймет сам. Поэтому при изучении текстов Чехова требуется глубокая собранность. Пристальное и внимательное отношение к каждому слову, ибо о громадных психологических движениях, тончайших душевных переживаниях <...> Чехов говорит крайне скупое. Он выражает эти громадные вещи всего несколькими словами. И надо разгадать глубокий смысл, скрытый в этих немногих словах.

Все это определяет своеобразие исполнения его рассказов. Мне кажется, что читать Чехова следует очень мягко, почти ничего не акцентируя и как будто ни на чем не настаивая, но твердо зная, что хочет сказать автор, ради чего написан им рассказ».

(Д.Н. Журавлев)

8) «Надо сказать, что читать рассказ, пожалуй, труднее, чем исполнить роль в пьесе. Здесь самое главное – не потерять простоты. Читая, актер должен все время представлять себе, что вот собрались его приятели, которым он должен рассказать что-то интересное, и это интересное он будет рассказывать именно им».

(И.М. Москвин)

Обратите внимание на имена мастеров слова. Что вы о них знаете? Чем прославили себя эти люди?

Составьте простой план подготовки к выразительному чтению рассказа Чехова. Для этого «переведите» развернутую мысль мастера в короткую формулировку.

Выберите рассказ Чехова для выразительного чтения.

Подготовьте выразительное чтение рассказа и комментарий к своему чтению (в соответствии с предложенными рекомендациями).

СТРАНИЦЫ
ЛИТЕРАТУРЫ
XX века

ПУТЕШЕСТВИЕ 6

СТРАНИЦЫ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

Мы продолжаем наше путешествие по реке времени. Впереди XX век, бурный и противоречивый. Нашу лодку начинают сотрясать и крутить водовороты. Перед нами сто лет XX столетия...

Начало века. На троне Николай II. Еще стоят среди лесов и полей господские усадьбы, рядом с ними деревни. Но все крупнее становятся города, люди вереницами тянутся, бросая свои избы, на заводы и фабрики. Россия крепнет как промышленная держава. Хорошо идет торговля, все больше железных дорог и дворцов. Одни богатеют, другие становятся еще беднее, и им тяжело ждать, когда все заживут лучше. Бесславная Русско-японская война 1905 года только усугубляет напряжение в обществе.

Тот же 1905 год. 9 января. Утро. Мы видим мужиков, женщин и детей, идущих с иконами и хоругвями к царскому дворцу просить помощи и защиты. В ответ залпы из винтовок выстроенных перед царскими апартаментами солдат. Бессмысленный жестокий расстрел. С этого начинается первая русская революция. Улицы превращаются в поле боя. Лишь через два года волна восстаний, терактов и казней пошла на спад. На первый взгляд в стране становится спокойнее, но многие проблемы не решены, и народное возмущение продолжает рваться наружу.

1914 год. Россия вместе с другими европейскими странами начала передел границ. Первая мировая война. Война, где впервые использовались танки и аэропланы, специальные бомбы и отрав-

ляющие газы. Человечество ужаснулось своей жестокости и безнравственности. Война затягивается и опустошает страну.

1917 год. Слишком много людей не видит выхода из бедности и решения накопившихся проблем. Россия как бочка с порохом. Одна искра – и начинается революция. В течение нескольких месяцев разрушена система государственной власти. 25 октября 1917 года власть захватила партия большевиков во главе с Владимиром Лениным. Идеи революции прекрасны и привлекательны: немедленное окончание войны, власть народу, землю крестьянам, заводы и фабрики рабочим. Но на деле революция рождает еще больше проблем. Начинается Гражданская война. Свои бьют своих, часто отцы воюют против детей, близкие родственники или друзья становятся противниками. У каждого своя правда. Горят и подвергаются грабежам барские усадьбы. В стране разруха и голод, бандитизм. Красные побеждают. Толпы людей, спасаясь от голода и террора, бегут из России, думая, что ненадолго, и не зная, что навсегда.

1920-е годы. Нет больше в России царя и царского правительства. Кажется, что жизнь постепенно нормализуется, хотя разрушенное восстанавливается с трудом. В 1924 году умирает Ленин. К власти приходит Иосиф Сталин. Страна строит заводы и фабрики. Ликвидируется безграмотность. Россия играет все более заметную роль на международной арене. В 1928 году партия начинает коллективизацию сельского хозяйства. Кампания заканчивается созданием коллективных хозяйств – колхозов. Государство получило возможность изымать из деревень продовольствие на свои нужды. Как результат – страшный голод в селе в 1932–1933 годах и миллионы умерших.

Семья Романовых

Арест Временного правительства.
Худ. М.Г. Соколов

В.И. Ленин провозглашает Советскую власть.
Худ. В.А. Серов

Но страна идет вперед. Мы можем увидеть сплоченные шеренги счастливых советских людей, марширующих во время парадов на Красной площади перед Мавзолеем Ленина, на котором стоит, принимая парад, Политбюро ЦК Коммунистической партии и отец всех народов (как называли его тогда газеты и радио) товарищ Сталин. Большинство верит, что трудности временные, что надо еще немного подождать и советские люди будут жить счастливей, чем остальные, потому что советское общество – самое справедливое на свете. Они читают газеты и смотрят кинофильмы о трудовых подвигах простых рабочих и колхозников. Интеллигенцию делят на сочувствующую и приносящую своим трудом пользу рабочему классу и колхозному крестьянству, и на сомневающуюся в успехах страны, а значит враждебно настроенную по отношению к народу.

1936 год. Партия объявляет, что советским людям необходима особая бдительность, и начинает кампанию против «врагов народа». По стране катится волна арестов и расстрелов невинных людей. Тех, кого не расстреляли после многодневных пыток с требованием подписать признание в антинародной деятельности, отправляли в исправительные лагеря ГУЛАГа, где они погибали от голода, холода и непосильной работы. Типичный приговор того времени: «10 лет строгого режима без права переписки». И никто уже не мог узнать, жив этот человек или расстрелян в ночь вынесения приговора. Многие в то время жили в страхе: по ночам органы безопасности проводили внезапные аресты, и от них не мог уберечься никто: ни ученый или писатель, ни партийный деятель или директор завода, ни простой рабочий или служащий. Зато страна получала в изобилии бесплатную рабочую силу для новых строек.

Да здравствуют советские физкультурники...
Худ. А. Кокорекин. Конец 1930-х гг.

Делегатка.
Худ. Ю. Пименов. 1930

5 в 4.
Худ. Дени. 1930

1941 год. Фашистская Германия нападает на СССР. Для нашей страны начинается Великая Отечественная война длиной в 4 года. Тяжелейшие испытания выпали на долю советского народа. Наши солдаты прошли с боями до Берлина, освободив от захватчиков практически всю Европу. Победа далась дорогой ценой – миллионами человеческих жизней, но это была победа! После войны люди начинают возвращаться к мирному труду, восстанавливать разрушенное. Но с победой не закончились сталинские репрессии.

Государство пытается управлять не только жизнью своих граждан, но и мыслями, и убеждениями. СССР отделяется от внешнего мира «железным занавесом». На деле это означает, что в целях безопасности страны советские люди практически перестают общаться с гражданами других стран, получают только ту информацию, которую разрешает государство. А оно жестко контролирует газеты и журналы, радио и литературу. Опять по ночам идут аресты, опять тысячами заключенных везут на далекие стройки.

1953 год. Умирает Иосиф Сталин. Для большинства граждан СССР это страшная трагедия, но для многих – надежда на перемены в жизни страны. И они наступили. Руководителем страны становится Никита Хрущев. Проходит исторический XX съезд Коммунистической партии. На нем впервые открыто говорится о культе личности Сталина, о незаконности репрессий. Начинают работать комиссии по реабилитации невинно осужденных.

Впервые за долгие годы из жизни людей постепенно уходит страх, начинается демократизация общественной жизни. Этот период в истории называют «оттепелью». В 1957 году в Москве проходит международный фестиваль молодежи и студентов. В тот же год СССР стал первой страной, запустившей в космос искусст-

Наступление немецких войск на Советский Союз

Плакат «Родина зовет».
Худ. С. Толкачев

Взятие Рейхстага.
Худ. В.В. Богаткин

венный спутник. А в 1961 году в космос впервые в истории летит человек – Юрий Гагарин. Успехи Советского Союза привлекают к нашей стране внимание всего мирового сообщества.

В 1964 году к руководству страной приходит Леонид Брежнев. Постепенно государство вновь ставит под контроль все средства массовой информации, пытается контролировать литературу и журналистику. Инакомыслящих стремятся изолировать: сажают в тюрьму, направляют в психиатрические больницы на принудительное лечение. Начинается новая волна эмиграции. Эмигрант, по законам того времени, уже не имел права когда-либо вернуться в СССР. Время правления Леонида Брежнева получило название «эпоха застоя».

В 1982 году умирает Леонид Брежнев. Хорошо понимая необходимость преобразований, первый президент СССР Михаил Горбачев начинает перестройку, активно и открыто действует на международной арене, прекращает войну в Афганистане. Он находит в себе мужество начать изменения, несмотря на отчаянное сопротивление старого чиновно-административного аппарата.

Однако общественная система не столько реформировалась, сколько разрушалась. В 1991 году окружение Михаила Горбачева пытается отстранить его от власти, стремясь спасти остатки старого строя. Это событие чуть не стало началом гражданской войны. Результатом попытки переворота становится распад СССР на ряд независимых государств.

Начинается новый период жизни, открытой миру.

А что же происходило в литературной жизни? Обратимся к литературе начала, второй половины и конца XX века.

Особенности литературного процесса начала XX века

«„Россия гибнет“, „России больше нет“, „вечная память России“, слышу я вокруг себя.

Но передо мной – Россия: та, которую видели в устрашающих и пророческих снах наши великие писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой...

России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и по-новому – великой.

В том потоке мыслей и предчувствий, который захватил меня десять лет назад, было смешанное чувство России: тоска, ужас, покаяние, надежда» – так писал в 1918 году поэт А. Блок в статье «Интеллигенция и революция».

И он оказался не одинок в своих ощущениях от происходящих в начале XX века в России перемен.

Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко-тупое, всегда безобразное,
Медленно рвущее, мелко-нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тесное,
Явно-довольное, тайно-блудливое,
Плоско-смешное и тошно-трусливое,
Вязко, болотно и тинно застойное,
Жизни и смерти равно недостойное,
Рабское, хамское, гнойное, черное,
Изредка серое, в сером упорное,
Вечно лежащее, дьявольски косное,
Глупое, сохлое, сонное, злостное,
Трупно-холодное, жалко-ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное! —

таким увидела начало века русская поэтесса Зинаида Гиппиус. Однако ее стихотворение «Все кругом», написанное в 1904 году, на этом не заканчивается. Последнее двустушище исполнено оптимизма и надежды:

Но жалоб не надо, что радости в плаче?
Мы знаем, мы знаем: все будет иначе.

Сбылись ли, с вашей точки зрения, прогнозы поэтов: «все будет иначе», «России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и по-новому — великой»?

Попробуйте по-блоковски лаконично определить свое «чувство России».

Вам тоже довелось жить на переломе эпох. Передайте художественными средствами ощущение от этого времени (стихами, прозой, красками, звуками и пр.).

Итак, нам предстоит путешествие в начало века, который мы совсем недавно называли своим, нынешним.

«То были времена, когда царская власть в последний раз достигла, чего хотела: Витте и Дурново скрутили революцию веревкой; Столыпин крепко обмотал эту веревку о свою нервную дворянскую руку. Столыпинская рука слабела. Когда не стало этого последнего дворянина, власть, по выражению одного весьма сановитого лица, перешла к «поденщикам»; тогда веревка ослабла и без труда отвалилась сама.

Все это продолжалось немного лет; но немногие годы легли на плечи как долгая, бессонная, наполненная призраками ночь».

Подберите необходимые исторические комментарии к этим образным, наполненным болью строкам А. Блока.

Начало XX в. – это довольно короткий, но очень важный, самостоятельный по значению период в истории русской литературы. Искусство Серебряного века (так называют начало века, чаще ограничивая его 1917 годом) рождалось в небывало бурное время социальных потрясений, войн и революций.

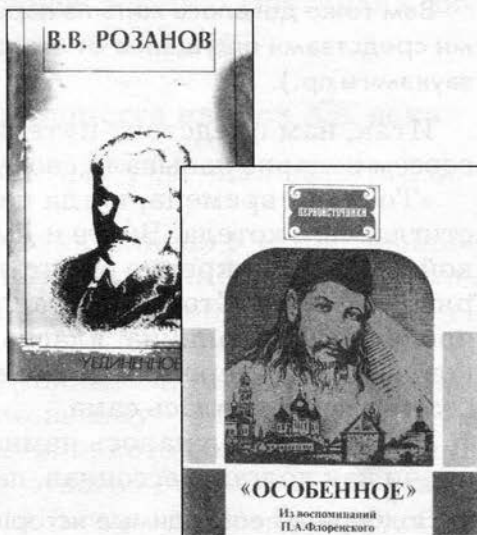
Основное содержание литературного процесса этих лет составило творчество знакомых вам Л. Толстого, А. Чехова, В. Короленко, Д. Мамина-Сибиряка. Их младшие современники, последователи традиций реалистической литературы, А. Куприн, И. Бунин, М. Горький, Л. Андреев и другие с болью писали о зыбкости мироощущения, чувств, отношений...

Ломалась жизнь всех слоев общества, страна была разрушена до глубин, интеллигенция расколота, и потому шли поиски новых религий и верований. Искали новую философию Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев... Новое, родившееся на рубеже столетий поколение писателей, безусловно, было связано с писателями-классиками, но по ряду объективных причин тоже искало свой, особый художественный путь. Одни писатели стремились творчески синтезировать критический реализм с романтическими началами, другие уходили от действительности и находили ответы в литературных веяниях Запада.

С литературой этого периода вы будете подробно знакомиться в старших классах, а пока перелистаем по традиции отдельные страницы литературы начала века.

П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков – крупнейшие представители «Русского религиозно-философского Ренессанса»

Обложки книг «Уединенное» В.В. Розанова и «Особенное» из воспоминаний П.А. Флоренского

Александр Иванович Куприн
(1870—1938)

Вы знакомы с некоторыми рассказами Куприна: «Ю-Ю», «Слон», «Белый пудель»... Какими чувствами наполнены эти рассказы, которые принято относить к детским? Согласны ли вы назвать их детскими?

Проза Александра Ивановича Куприна сразу вызвала интерес читателей и критики и скоро получила на редкость широкое признание именно благодаря особой пронзительности повествования, глубокому вхождению автора в мир чувств своих героев. Молодой автор был замечен — не каждому выпало такое счастье! — Л.Н. Толстым и А. П. Чеховым. Его жизнь можно назвать яркой, феерической, бурной. Он дружил с певцом И. Шаляпиным, борцом И. Поддубным, дрессировщиком А. Дуровым, клоуном Жакомино... Он жил в постоянном движении и поиске — и потому много ошибался, но всегда, с раннего детства, глубоко и обостренно чувствовал...

«Бывало, в раннем детстве вернешься после долгих летних каникул в пансион. Все серо, казарменно, пахнет свежей масляной краской и мастикой, товарищи грубы, начальство недоброжелательно. Пока день — еще крепишься кое-как, хотя сердце нет-нет и сожмется внезапно от тоски. Занимают встречи, поражают перемены в лицах, оглушают шум и движение. Но когда настанет вечер и возня в полутемной спальне уляжется, — о, какая нестерпимая скорбь, какое отчаяние овладевают маленькой душой! Грызешь подушку, подавляя рыдания, шепчешь милые имена и

Ф.И. Шаляпин и А.И. Куприн

А.И. Куприн. Фотография. 1913

плачешь, и плачешь жаркими слезами, и знаешь, что никогда не насытишь ими своего горя. И вот тогда-то понимаешь впервые весь потрясающий ужас двух неумолимых вещей: невозвратности прошлого и чувства одиночества. Кажется, что сейчас же с радостью отдал бы всю остальную жизнь, перенес бы всяческие мучения за один только день того светлого, прекрасного существования, которое никогда не повторится. Кажется, ловил бы каждое милое, заботливое слово и заключал бы его навсегда в памяти, впивал бы в душу медленно и жадно, капля по капле, каждую ласку. И жестоко терзаешься мыслью, что по небрежности, в суете и потому, что время представлялось неисчерпаемым, — ты не воспользовался каждым часом, каждым мгновением, промелькнувшим напрасно.

Детские скорби жгучи, но они тают во сне и исчезнут с завтрашним солнцем. Мы, взрослые, не чувствуем их так страстно, но помним дольше и скорбим глубже».

Вы прочитали начало воспоминаний Куприна о Чехове. Как вы думаете, зачем он обратился к собственному детству?

Что прояснили для вас воспоминания и размышления Куприна? Можно ли в этих строках найти какой-то «ключик» к жизни и творчеству писателя?

Дача А.И. Куприна в Гатчине под Санкт-Петербургом

Приезд А.И. Куприна на родину. 1937

Иван Алексеевич Бунин

(1870—1953)

Судьба Ивана Алексеевича Бунина была одновременно и счастливой, и трагичной. С одной стороны, он достиг непревзойденных высот в своем искусстве: в 1933 году первым среди русских писателей получил Нобелевскую премию. С другой — тридцать лет, проведенных на чужбине, в эмиграции, постоянная тоска по отчей земле, стремление сохранить с ней душевную близость. Бунин прожил сложную, во многом противоречивую жизнь. Он много любил и ненавидел, трудился и ошибался, но всю жизнь величайшей, нежнейшей его любовью была Россия:

Родина

Под небом мертвенно-свинцовым
Угрюмо меркнет зимний день,
И нет конца лесам сосновым,
И далеко до деревень.
Один туман молочно-синий,
Как чья-то кроткая печаль,
Над этой снежною пустыней
Смягчает сумрачную даль.

1896

Это стихотворение написано Буниным еще в 1896 году, однако ощущение безграничности, чувство кроткой печали о родном крае пройдет через все творчество писателя.

Вспомните известные вам стихотворения Бунина «Детство», «Первый утренник, серебряный мороз...». Какие впечатления сохранились у вас от этих поэтических строк?

И.А. Бунин. Фотографии разных лет

В своем творчестве Бунин следует традициям русской классической литературы, но яркая индивидуальность писателя быстро проявилась в поэзии и прозе. Его картины природы всегда предметны, а наполняющие их детали изменчивы, непостоянны. Поэтизируя факты, предметы, он не стесняется петь то, что пели до него уже многие поэты, на чем останавливались уже многие взоры:

Густой зеленый ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шел олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь елку гнул и белым зубом скреб —
И много хвойных крестиков, остинок
Осыпалось с макушки на сугроб.

Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг — прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон — и ветки,
Обитые рогами на бегу...

О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной
Он красоту от смерти уносил!

1905

Сбор гончих. Худ. С. Ворошилов

Его поэзия – чистая, спокойная, сдержанная, внутренне необходимая, ей веришь, доверяешь. В его стихах все сказано напрямую, он не навязывает природе своих состояний, просто душа поэта говорит стихами:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

1918

Бунина называют продолжателем пушкинских традиций. Что, на ваш взгляд, есть близкого в лирике двух поэтов?

Самостоятельно прочитайте несколько стихотворений Бунина. Попробуйте выделить какие-то особые «приметы» его поэтического языка: любимый цвет, рифмовка, построение строки и пр.

Максим Горький (1868–1936)

Известно более тридцати псевдонимов, которыми в разные годы подписывал свои произведения Алексей Максимович Пешков: «Один из недоумевающих», «Аким Углухов» и др. Все они ныне забыты – их помнят лишь историки литературы. Однако поистине мировую известность получил один псевдоним – Максим Горький.

Можно ли псевдонимы Горького назвать «говорящими»?

Вспомните повести Горького «Детство», «Мои университеты». Можно ли в детстве и юности писателя найти истоки рождения главного псевдонима – Горький?

Горький вошел в русскую литературу стремительно – его сразу заметили Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, признали молодые писатели, читатели, критики. Сам в своем развитии он опирался, по собственному признанию, на отечественные традиции Толстого и Чехова, Лескова и Короленко, Г. Успенского и Мамина-Сибиряка...

Вам уже знакомо творчество Горького-реалиста, и не только по знаменитой автобиографической трилогии, но и по «Сказкам об Италии», в которых вы встретились с реализмом особого типа, свойственным только ему, – реализмом, наполненным пафосом романтизма.

Истоки романтических произведений Горького не совсем ясны, вряд ли все можно объяснить лишь отсутствием героического в реальности.

М. Горький читает в Пенатах свою драму «Дети солнца». Худ. И. Репин

Познакомьтесь с «Песней о Буревестнике» и подумайте, чем можно объяснить возвращение в начале века к идеям романтизма.

Песня о Буревестнике

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и – тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике – жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей – стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, – им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Всё мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятьем крепким и бросает их с размаха в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, чёрной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, – гордый, черный демон бури, – и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

М. Горький. Худ. П. Корин

Портрет М. Горького. Худ. Ю. Анненков

В гневе грома – чуткий демон – он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, – нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочёт...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

– Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем, то кричит пророк победы:

– Пусть сильнее грянет буря!..

1901

Какое отношение автора вы почувствовали к тем, кто может «взмыть» высь, «пронзить» мрак, призвать бурю? Попробуйте нарисовать словами горьковский идеал человека.

Ответьте на вопрос, поставленный до чтения «Песни...».

Попробуйте объяснить сосуществование в литературе начала века разных литературных направлений.

Итак, мы перелистали несколько новых для вас страниц литературы, и в который раз вы встретились с такими разными писателями. Впереди вас ждет знакомство с поэзией начала XX века, который, по определению А. Блока, в сравнении с веком предшествующим – «...еще бездомней», «еще страшнее»:

Два века

<...>

И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознание страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...

сентябрь 1911

Традиции и новаторство в поэзии начала XX века

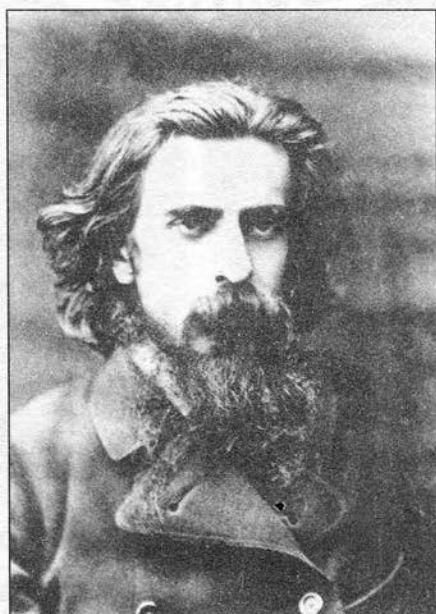
Размежевание общественных позиций во многом определило пути развития поэзии начала века. Так, наряду с поэтами-реалистами, пролетарскими поэтами и пр. появились поэты-модернисты. Они воспринимали классовую борьбу как силу, разрушающую культурные ценности, связывали развитие человечества с обновлением культуры, отводя творчеству ключевую роль в этом процессе.

В отличие от реализма модернизм противопоставил жизни искусство, которое способно возродить погрязший во грехе мир, содействует духовному совершенствованию человечества. При этом отличие модернистов от реалистов заключается отнюдь не в ином понимании философско-нравственных основ поэзии: со времен Пушкина они остаются неизменными. Разрыв с традицией пошел по линии поэтики, стихосложения. Поэты-модернисты объявили себя создателями *новых поэтических школ (течений)*: *символизма, акмеизма, футуризма*... Были художники слова, организационно не связанные с этими литературными группами, но внутренне тяготевающие к той или иной: А. Ремизов, М. Волошин, М. Цветаева и др.

В самом крупном и эстетически значительном течении, русском *символизме*, существовало два самостоятельных потока. В 1890-е гг. заявили о себе так называемые «старшие символисты»:

В. Иванов. Силуэт
работы Е. Кругли-
ковой. 1910-е годы

В. Соловьев. Фото. 1880-е годы

В. Брюсов. Силуэт
работы Е. Кругли-
ковой. 1910-е годы

М. Цветаева. Силуэт
работы Е. Кругли-
ковой. 1910-е годы

К. Бальмонт. Силуэт
работы Е. Кругли-
ковой. 1910-е годы

Д. Мережковский, В. Брюсов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, З. Гиппиус... А в 1900-е гг. на литературную арену вышли «младосимволисты»: А. Белый, А. Блок, Вяч. Иванов и др.

Разными путями создатели новой поэзии шли к сходным идеалам – к открытию в художественном творчестве тайн мира, обогащению русской поэтической культуры во имя разгадки этих тайн.

По теории Д. Мережковского, путь к «идеальной человеческой культуре» новое искусство способно проложить с помощью символов, рождающихся в душе художника.

К. Бальмонт видел в искусстве «могучую силу, стремящуюся угадать новые сочетания мыслей, красок, звуков» для выражения невятных, затаенных начал бытия.

Для В. Брюсова символизм стал «нерассудочным путем» проникновения в реальность.

Вдохновитель «младосимволистов» Андрей Белый помышлял о роли художника-мессии (спасителя), а свою поэтическую концепцию назвал «религией жизни»...

М. Волошин.
10-е годы XX в.

Д. Мережковский.
1890-е

З.Н. Гиппиус.
Рисунок Л. Бакста

Символисты осознавали дисгармоничность мира и человеческой души и уводили читателя в запредельный мир чувств, неземных грез с помощью многозначных слов-символов, свободного стиха, зыбких метафор.

Пришедшие на смену символистам *акмеисты* призвали свести цель творчества к освоению «ясных» форм и структур.

Идея нового направления в поэзии была впервые высказана М. Кузминым. Он отстаивал необходимость появления художников, «дающих миру ясность», и отрицал, намекая на символизм, непонятную, темную форму самовыражения личности в поэзии.

В 1911 году группа поэтов (Н. Гумилев, С. Городецкий, А. Ахматова, О. Мандельштам и др.) создала «Цех поэтов», и уже название объединения говорило о многом: поэзия – прежде всего ремесло, сопряженное с высокой поэтической техникой. Акмеисты утверждали, что слово в поэзии должно обрести конкретный

Чествование
К. Бальмонта в
«Бродячей со-
баке».

Карикатура
М.Л. Шафра-
на. 1913

Изображены:
Е. Аничков,
П. Потемкин,
Н. Кульбин,
К. Бальмонт,
С. Городецкий,
С. Судейкин,
Ф. Сологуб

М. Кузмин. 1907—1908

О. Мандельштам.
Силуэт работы Е. Круг-
ликовой. 1910-е годы

С. Городецкий в роли
Юного Поэта. 1909

смысл, но при этом их стихи не звучали приземленно: акмеистов отличали утонченный вкус, огромная филологическая культура.

Манифесты акмеизма появились в январе 1913 г., а за месяц с небольшим до этого вышел в свет сборник «Пощечина общественному вкусу», открывавшийся программной статьей русских футуристов (футу́рум – будущее). Ее подписали Д. Бурлюк, А. Крученых, В. Маяковский, В. Хлебников.

В статье обосновывалось место и значение новой группы, ее отношение к предшествующей литературе. Позиция была избрана разрушительная и скандальная. «Только мы – лицо нашего времени», – утверждали они и предлагали «сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода современности». Крупнейших художников начала века футуристы называли «портными» и в про-

В. Маяковский. 1914

Д. Бурлюк. 1914

В. Хлебников.
Портрет работы
Н. Кульбина. 1913

«Сумасшедший корабль»
(А. Ахматова, Н. Гумилев,
В. Ходасевич, В. Шишков,
В. Шкловский, М. Слоним-
ский, О. Мандельштам,
А. Волынский).

Шарж Н. Радлова. 1920-е
годы

тивовес им устанавливали свои права «на увеличение словаря в его объеме произвольными и производными словами»; «на непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку».

В процессе творчества футуристов крайности первоначальных лозунгов изживались. Тем не менее идея – освоить новый словарь, поэтические формы во имя искусства будущего – оставалась и понималась каждым из футуристов индивидуально.

Итак, развитие модернизма в России имело свою, весьма напряженную историю. В острой полемике одно течение сменялось другим. Между членами каждого из объединений нередко разгорались споры. Так проявлялась яркая оригинальность творческих индивидуальностей. Но не столько программы символизма, акмеизма, футуризма, сколько художественные свершения участников этого движения навсегда остались с нами и для нас.

Познакомьтесь с автобиографиями самых ярких поэтов начала века – Александра Блока, Владимира Маяковского и Сергея Есенина, представляющих разные поэтические течения.

Ф. Сологуб.
Портрет работы
Ю. Анненкова. 1921

«Краса – Сирины пииты».
Карикатура на членов общества
крестьянских поэтов «Краса».
Слева направо: С. Городецкий,
Н. Клюев, А. Ремизов, С. Есенин.
Шарж А.Д. Тобикова. 1915

Александр Александрович Блок
(1880—1921)

Автобиография

Семья моей матери причастна к литературе и к науке.

Дед мой, Андрей Николаевич Бекетов, ботаник, был ректором Петербургского университета в его лучшие годы (я и родился в «ректорском» доме) <...>

Он принадлежал к тем идеалистам чистой воды, которых наше время уже почти не знает <...> В своем сельце Шахматове (Клинского уезда, Московской губернии) дед мой выходил к мужикам на крыльцо, потряхивая носовым платком; совершенно по той же причине, по которой И.С. Тургенев, разговаривая со своими крепостными, смущенно отколупывал кусочки краски с подъезда, обещая отдать все, что ни спросят, лишь бы отвязались <...>

Однажды дед мой, видя, что мужик несет из лесу на плече березку, сказал ему: «Ты устал, дай я тебе помогу». При этом ему и в голову не пришло то очевидное обстоятельство, что березка срублена в нашем лесу.

Мои собственные воспоминания о деде — очень хорошие; мы часто бродили с ним по лугам, болотам и дебрям; иногда делали десятки верст, заблудившись в лесу; выкапывали с корнями травы и злаки для ботанической коллекции <...>

Иллюстрации к поэме Блока «Двенадцать». Худ. Ю. Анненков

Он скончался 1 июля 1902 года в Шахматове. Хоронить его привезли в Петербург; среди встречавших тело на станции был Дмитрий Иванович Менделеев.

Дмитрий Иванович играл очень большую роль в бекетовской семье. И дед и бабушка моя были с ним дружны. Менделеев и дед мой, вскоре после освобождения крестьян, ездили вместе в Московскую губернию и купили в Клинском уезде два имения – по соседству <...>, я был там в детстве, а в юности стал бывать там часто. Старшая дочь Дмитрия Ивановича Менделеева от второго брака – Любовь Дмитриевна – стала моей невестой. В 1903 году мы обвенчались с ней <...>

Жена деда, моя бабушка, Елизавета Григорьевна, – дочь известного путешественника и исследователя Средней Азии, Григория Силыча Корелина. Она всю жизнь работала над <...> переводами научных и художественных произведений <...>

От дедов унаследовали любовь к литературе и незапятнанное понятие о ее высоком значении их дочери – моя мать и ее две сестры. Все три переводили с иностранных языков <...>

Отец мой, Александр Львович Блок, был профессором Варшавского университета по кафедре государственного права; он скончался 1 декабря 1909 года. Специальная ученость далеко не исчерпывает его деятельности, равно как и его стремлений, может быть, менее научных, чем художественные. Судьба его исполнена сложных противоречий, довольно необычна и мрачна... Я встречался с ним мало, но помню его кровно.

Детство мое прошло в семье матери. Здесь именно любили и понимали слово; в семье господствовали в общем старинные понятия о литературных ценностях и идеалах <...>

«Сочинять» я стал чуть ли не с пяти лет <...> Серьезное писание началось, когда мне было около 18 лет. Года три-четыре я показывал свои писания только матери и тетке. Все это были лирические стихи, и ко времени выхода моей первой книги «Стихов о Прекрасной Даме» их накопилось до 800 <...>

Семейные традиции и моя замкнутая жизнь способствовали тому, что ни строки так называемой новой поэзии я не знал до первых курсов университета. Здесь, в связи с острыми и романтическими переживаниями, всем существом моим овладела поэзия Владимира Соловьева <...>

Университет не сыграл в моей жизни особенно важной роли, но высшее образование дало, во всяком случае, некоторую умственную дисциплину и известные навыки <...>

В сущности, только после окончания «университетского» курса началась моя самостоятельная жизнь.

1915

Владимир Владимирович Маяковский
(1893—1930)

Я САМ

Тема

Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном – только если это отстоялось словом.

<...>

Главное

Родился 7 июля 1894 года (или 93 – мнения мамы и послужного списка отца расходятся. Во всяком случае, не раньше). Родина – село Багдады, Кутаисская губерния, Грузия.

Состав семьи

Отец: Владимир Константинович (багдадский лесничий), умер в 1906 году.

Мама: Александра Алексеевна.

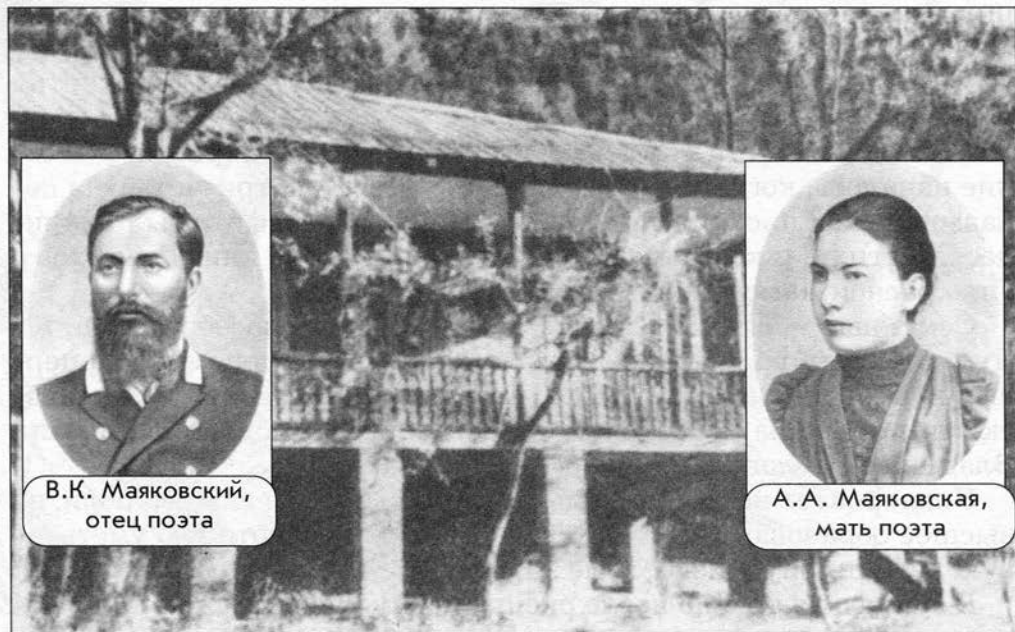
Сестры:

а) Люда.

б) Оля.

Других Маяковских, по-видимому, не имеется.

<...>

В.К. Маяковский,
отец поэта

А.А. Маяковская,
мать поэта

Дом в селе Маяковски (б. село Багдады), где родился В. Маяковский

Дурные привычки

Лето. Потрясающее количество гостей. Накапливаются именины. Отец хвастается моей памятью. Ко всем именинам меня заставляют разучивать стихи. Помню – специально для папиных именин:

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор...

«Соплеменные» и «скалы» меня раздражали. Кто они такие, я не знал, а в жизни они не желали мне попадаться. Позднее я узнал, что это поэтичность, и стал тихо ее ненавидеть.

<...>

905-й год

Не до учения. Пошли двойки <...> Для меня революция началась так: мой товарищ, повар священника – Исидор, от радости босой вскочил на плиту – убили генерала Алиханова. Усмиритель Грузии. Пошли демонстрации и митинги. Я тоже пошел. Хорошо. Воспринимаю живописно: в черном анархисты, в красном эсеры, в синем эсдеки, в остальных цветах федералисты.

<...>

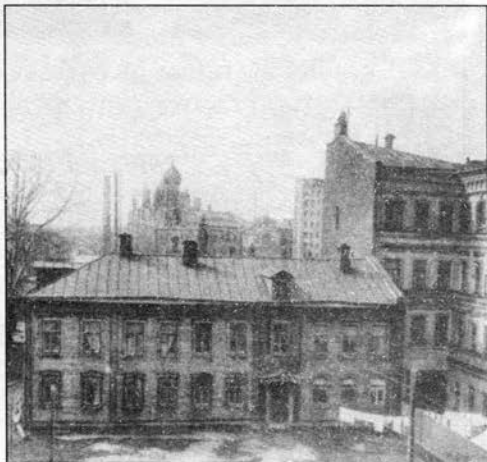
906-й год

Умер отец. Уколол палец (сшивал бумаги). Заражение крови. С тех пор терпеть не могу булавок. Благополучие кончилось. После похорон отца – у нас 3 рубля. Инстинктивно, лихорадочно мы распродали столы и стулья. Двинулись в Москву. Зачем? Даже знакомых не было.

<...>

Маяковский на демонстрации в Кутаиси.
Худ. С. Бродский

Дом на Каляевской улице, в котором
жил В. Маяковский в 1907 году

Партия

1908 год. Вступил в партию РСДРП (большевиков). Держал экзаме́н в торгово-промышленном подрайоне. Выдержал. Пропагандист. Пошел к булочникам, потом к сапожникам и, наконец, к типографщикам. На общегородской конференции выбрали в МК <...> Звался «товарищем Константином». Здесь работать не пришлось – взяли.

11 бытских месяцев

Важнейшее для меня время. После трех лет теории и практики – бросился на беллетристику.

Перечел все новейшее. Символисты – Белый, Бальмонт. Разобрала формальная новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни. Попробовал сам писать так же хорошо, но про другое. Оказалось так же про другое – нельзя. Вышло <...> что-то вроде:

МОСКОВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Фотоснимок в 1/4 метра, позированный
Позирование по документу

1. Лицо: профиль

2. Лицо: фронтально

3. Лицо: анфас

4. Лицо: анфас, сзади

Имя: **ВЛАДИМИР** Фамилия: **ВЛАДИМИРОВ** Дата рождения: **1892**

Рост: **1** метра

1) Вязанье: Цвет: **красный** Вязанье: **красный** Вязанье: **красный** Вязанье: **красный**

2) Шерсть: Цвет: **красный** Шерсть: **красный** Шерсть: **красный** Шерсть: **красный**

3) Лицо: Цвет: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный**

4) Лицо: Цвет: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный**

5) Брови: Цвет: **красный** Брови: **красный** Брови: **красный** Брови: **красный**

6) Глаза: Цвет: **красный** Глаза: **красный** Глаза: **красный** Глаза: **красный**

7) Тело: Цвет: **красный** Тело: **красный** Тело: **красный** Тело: **красный**

8) Ноги: Цвет: **красный** Ноги: **красный** Ноги: **красный** Ноги: **красный**

9) Уши: Цвет: **красный** Уши: **красный** Уши: **красный** Уши: **красный**

10) Борода: Цвет: **красный** Борода: **красный** Борода: **красный** Борода: **красный**

11) Волосы: Цвет: **красный** Волосы: **красный** Волосы: **красный** Волосы: **красный**

12) Лицо: Цвет: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный**

13) Лицо: Цвет: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный**

14) Лицо: Цвет: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный**

15) Лицо: Цвет: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный**

16) Лицо: Цвет: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный**

17) Лицо: Цвет: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный**

18) Лицо: Цвет: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный**

19) Лицо: Цвет: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный**

20) Лицо: Цвет: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный**

21) Лицо: Цвет: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный** Лицо: **красный**

Подпись: **С.М.Майков**

3) Во весь рост, стоя, в 1/2, в 1/4, в 1/8, в 1/16, в 1/32, в 1/64, в 1/128, в 1/256, в 1/512, в 1/1024, в 1/2048, в 1/4096, в 1/8192, в 1/16384, в 1/32768, в 1/65536, в 1/131072, в 1/262144, в 1/524288, в 1/1048576, в 1/2097152, в 1/4194304, в 1/8388608, в 1/16777216, в 1/33554432, в 1/67108864, в 1/134217728, в 1/268435456, в 1/536870912, в 1/1073741824, в 1/2147483648, в 1/4294967296, в 1/8589934592, в 1/17179869184, в 1/34359738368, в 1/68719476736, в 1/137438953472, в 1/274877907544, в 1/549755815088, в 1/1099511630176, в 1/2199023260352, в 1/4398046520704, в 1/8796093041408, в 1/17592186082816, в 1/35184372165632, в 1/70368744331264, в 1/140737488662528, в 1/281474977325056, в 1/562949954650112, в 1/1125899909300224, в 1/2251799818600448, в 1/4503599637200896, в 1/9007199274401792, в 1/18014398548803584, в 1/36028797097607168, в 1/72057594195214336, в 1/144115188390428672, в 1/288230376780857344, в 1/576460753561714688, в 1/1152921507123429376, в 1/2305843014246858752, в 1/4611686028493717504, в 1/9223372056987435008, в 1/18446744113974870016, в 1/36893488227949740032, в 1/73786976455899480064, в 1/147573952911798960128, в 1/295147905823597920256, в 1/590295811647195840512, в 1/1180591623294391681024, в 1/2361183246588783362048, в 1/4722366493177566724096, в 1/9444732986355133448192, в 1/18889465972710266896384, в 1/37778931945420533792768, в 1/75557863890841067585536, в 1/151115727781682135171072, в 1/302231455563364270342144, в 1/604462911126728540684288, в 1/1208925822253457081368576, в 1/2417851644506914162737152, в 1/4835703289013828325474304, в 1/9671406578027656650948608, в 1/19342813156055313301897216, в 1/38685626312110626603794432, в 1/77371252624221253207588864, в 1/154742505248442506415177728, в 1/309485010496885012830355456, в 1/618970020993770025660710912, в 1/1237940041987540051321421824, в 1/2475880083975080102642843648, в 1/4951760167950160205285687296, в 1/9903520335900320410571374592, в 1/19807040671800640821142749184, в 1/39614081343601281642285498368, в 1/79228162687202563284570996736, в 1/158456325374405126569141993472, в 1/316912650748810253138283986944, в 1/633825301497620506276567973888, в 1/1267650602995241012553135947776, в 1/2535301205990482025106271895552, в 1/5070602411980964050212543791104, в 1/10141204823961928100425087582208, в 1/20282409647923856200850175164416, в 1/40564819295847712401700350328832, в 1/81129638591695424803400700657664, в 1/162259277183390849606801401315296, в 1/324518554366781699213602802630592, в 1/649037108733563398427205605261184, в 1/1298074217467126796854411210522368, в 1/2596148434934253593708822421044736, в 1/5192296869868507187417644842089472, в 1/10384593739737014374835289684178944, в 1/20769187479474028749670579368357888, в 1/41538374958948057499341158736715776, в 1/83076749917896114998682317473431552, в 1/166153499835792229997364634946863104, в 1/332306999671584459994729269893726208, в 1/664613999343168919989458539787452416, в 1/1329227998686337839978917079574904832, в 1/2658455997372675679957834159149809664, в 1/5316911994745351359915668318299619328, в 1/10633823989490702719831336636599238656, в 1/21267647978981405439662673273198477312, в 1/42535295957962810879325346546396954624, в 1/85070591915925621758650693092793909248, в 1/170141183831851243517301386185587818496, в 1/340282367663702487034602772371175636992, в 1/680564735327404974069205544742351273984, в 1/1361129470654809948138411089484702547968, в 1/2722258941309619896276822178969405095936, в 1/5444517882619239792553644357938810191872, в 1/10889035765238479585107288715877620383744, в 1/21778071530476959170214577431755240767488, в 1/43556143060953918340429154863510481534976, в 1/87112286121907836680858309727020963069952, в 1/174224572243815673361716619454041926139904, в 1/348449144487631346723433238908083852279808, в 1/696898288975262693446866477816167704559616, в 1/1393796577950525386893732955632335409119232, в 1/2787593155901050773787465911264670818238464, в 1/5575186311802101547574931822529341636476928, в 1/11150372623604203095149863645058683272953856, в 1/22300745247208406190299727290117366545907712, в 1/44601490494416812380599454580234733091815424, в 1/89202980988833624761198909160469466183630848, в 1/178405961977667249522397818320938932367261696, в 1/356811923955334499044795636641877864734523392, в 1/713623847910668998089591273283755729469046784, в 1/1427247695821337996179182546567511458938093568, в 1/2854495391642675992358365093135022917876187136, в 1/5708990783285351984716730186270045835752374272, в 1/11417981566570703969433460372540091671504748544, в 1/22835963133141407938866920745080183343009497088, в 1/45671926266282815877733841490160366686018994176, в 1/91343852532565631755467682980320733372037988352, в 1/182687705065131263510935365960641466744075976704, в 1/365375410130262527021870731921282933488151953408, в 1/730750820260525054043741463842565866976303906816, в 1/1461501640521050108087482927685131733952607813632, в 1/2923003281042100216174965855370263467905215627264, в 1/5846006562084200432349931710740526935810431254528, в 1/11692013124168400864699863421481053871620862509056, в 1/23384026248336801729399726842962107743241725018112, в 1/46768052496673603458799453685924215486483450036224, в 1/93536104993347206917598907371848430972966900072448, в 1/187072209986694413835197814743696861945933800144896, в 1/374144419973388827670395629487393723891867600289792, в 1/748288839946777655340791258974787447783735200579584, в 1/1496577679893555310681582517949574895567470401159168, в 1/2993155359787110621363165035899149791134940802318336, в 1/5986310719574221242726330071798299582269881604636672, в 1/11972621439148442485452660143596599164539763209273344, в 1/23945242878296884970905320287193198329079526418546688, в 1/47890485756593769941810640574386396658159052837093376, в 1/95780971513187539883621281148772793316318105674186752, в 1/191561943026375079767242562297545586632636211348373504, в 1/383123886052750159534485124595091173265272422696747008, в 1/766247772105500319068970249190182346530544845393494016, в 1/1532495544211000638137940498380364693061089690786988032, в 1/3064991088422001276275880996760729386122179381573976064, в 1/6129982176844002552551761993521458772244358763147952128, в 1/12259964353688005105103523987042917544488717526295904256, в 1/24519928707376010210207047974085835088977435052591808512, в 1/49039857414752020420414095948171670177954870105183617024, в 1/98079714829504040840828191896343340355909740210367234048, в 1/196159429659008081681656383792686680711819480420734468096, в 1/392318859318016163363312767585373361423638960841468936192, в 1/784637718636032326726625535170746722847277921682937872384, в 1/1569275437272064653453251070341493445694555843365875744768, в 1/3138550874544129306906502140682986891389111686731751489536, в 1/6277101749088258613813004281365973782778223373463502979072, в 1/12554203498176517227626008562731947565556446746927005958144, в 1/25108406996353034455252017125463895131112893493854011916288, в 1/50216813992706068910504034250927790262225786987708023832576, в 1/100433627985412137821008068501855580524451573975416047665152, в 1/200867255970824275642016137003711161048903147950832095330304, в 1/401734511941648551284032274007422322097806295901664190660608, в 1/803469023883297102568064548014844644195612591803328381321216, в 1/1606938047766594205136129096029689288391225183606656762642432, в 1/3213876095533188410272258192059378576782450367213313525284864, в 1/6427752191066376820544516384118757153564900734426627050569728, в 1/12855504382132753641089032768237514307129801468853254101139456, в 1/25711008764265507282178065536475028614259602937706508202278912, в 1/51422017528531014564356131072950057228519205875413016404557824, в 1/102844035057062029128712262145900114457038411750826032809115648, в 1/205688070114124058257424524291800228914076823501652065618231296, в 1/411376140228248116514849048583600457828153647003304131236462592, в 1/822752280456496233029698097167200915656307294006608262472925184, в 1/1645504560912992466059396194334401831312614588013216524945850368, в 1/3291009121825984932118792388668803662625229176026433049891700736, в 1/6582018243651969864237584777337607325250458352052866099783401472, в 1/13164036487303939728475169554675214650500916704105732199566802944, в 1/26328072974607879456950339109350429301001833408211464399133605888, в 1/52656145949215758913900678218700858602003666816422928798267211776, в 1/105312291898431517827801356437401717204007333632845857596534423552, в 1/210624583796863035655602712874803434408014667265691715193068847104, в 1/421249167593726071311205425749606868816029334531383430386137694208, в 1/842498335187452142622410851499213737632058669062766860772275388416, в 1/1684996670374904285244821702998427475264117338125533721544550776832, в 1/3369993340749808570489643405996854950528234676251067443089101553664, в 1/6739986681499617140979286811993709901056469352502134886178203107328, в 1/13479973362999234281958573623987419802112938705004269772356406214656, в 1/26959946725998468563917147247974839604225877410008539544712812429312, в 1/53919893451996937127834294495949679208451754820017079089425624858624, в 1/107839786903993874255668588991899358416903509640034158178851249717248, в 1/215679573807987748511337177983798716833807019280068316357702499434496, в 1/431359147615975497022674355967597433667614038560136632715404998868992, в 1/862718295231950994045348711935194867335228077120273265430809997737984, в 1/1725436590463901988090697423870389734670456154240546530861619995475968, в 1/3450873180927803976181394847740779469340912308481093061723239990951936, в 1/6901746361855607952362789695481558938681824616962186123446479981903872, в 1/13803492723711215904725579390963117877363649233924372246892959963807744, в 1/27606985447422431809451158781926235754727298467848744493785919927615488, в 1/55213970894844863618902317563852471509454596935697488987571839855230976, в 1/110427941789689727237804635127704943018909193871394977975143679710461952, в 1/220855883579379454475609270255409886037818387742789955950287359420923904, в 1/441711767158758908951218540510819772075636775485579911900574718841847808, в 1/883423534317517817902437081021639544151273550971159823801149437683695616, в 1/1766847068635035635804874162043279088302547101942319647602298875367391232, в 1/3533694137270071271609748324086558176605094203884639295204597750734782464, в 1/7067388274540142543219496648173116353210188407769278590409195501469564928, в 1/14134776549080285086438993296346232706420376815538557180818391002939129856, в 1/28269553098160570172877986592692465412840753631077114361636782005878259712, в 1/56539106196321140345755973185384930825681507262154228723273564011756519424, в 1/11307821239264228069

В золото, в пурпур леса одевались,
Солнце играло на главах церквей.
Ждал я: но в месяцах дни потерялись,
Сотни томительных дней.

Исписал таким целую тетрадку. Спасибо надзирателям – при выходе отобрали. А то б еще напечатал!

Отчитав современность, обрушился на классиков. Байрон, Шекспир, Толстой. Последняя книга – «Анна Каренина». Не дочитал. Ночью вызвали «с вещами по городу». Так и не знаю, чем у них там, у Карениных, история кончилась <...>

Во время сидки судили по первому делу – виновен, но летами не вышел. Отдать под надзор полиции и под родительскую ответственность.

<...>

Последнее училище

<...> Поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества: единственное место, куда приняли без свидетельства о благонадежности. <...>

Давид Бурлюк

В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задирать. Почти задрались.

Следующая (ночь. – Авт.)

Днем у меня вышло стихотворение. Вернее – куски. Плохие. Нигде не напечатаны. Ночь. Сретенский бульвар. Читаю строки Бурлюку. Прибавляю – это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рывкнул: «Да это же ж вы сами написали! Да вы же ж гениальный поэт!» Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушел в стихи. В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом.

Бурлючье чудачество

Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: «Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский». Толкаю. Но Бурлюк непреклонен. Еще и рычал на меня, отойдя: «Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение».

Так ежедневно

Пришлось писать. <...>

Прекрасный Бурлюк

Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 копеек. Чтоб писать не голодая.

<...>

Желтая кофта

Костюмов у меня не было никогда. Были две блузы – гнуснейшего вида. Испытанный способ – украшаться галстуком. Нет денег. Взял у сестры кусок желтой ленты. Обвязался. Фурор. Значит, самое заметное в человеке – галстук.

<...>

Веселый год

Ездили Россией. Вечера. Лекции. Губернаторство насторожилось. В Николаеве нам предложили не касаться ни начальства, ни Пушкина. Часто обрывались полицией на полуслове доклада <...>

Для меня эти годы – формальная работа, овладение словом.

Издатели не брали нас. Капиталистический нос чуял в нас динамитчиков. У меня не покупали ни одной строчки.

Возвращаясь в Москву – чаще всего жил на бульварах.

Это время завершилось трагедией «Владимир Маяковский». Поставлена в Петербурге. Луна-Парк. Просвистели ее до дырок.

<...>

В. Маяковский. 1910

Афиша спектакля трагедии «Владимир Маяковский» и «Я» – первый сборник стихов В. Маяковского (обложка и одна из страниц). 1913

Август

Первое сражение. Вплотную встал военный ужас. Война отвратительна. Тыл еще отвратительней. Чтобы сказать о войне – надо ее видеть. Пошел записываться добровольцем. Не позволили. Нет благонадежности.

<...>

Октябрь

Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня не было <...> Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось.

<...>

1926-й год

В работе сознательно перевожу себя на газетчика. Фельетон, лозунг. Поэты улюлюкают – однако сами газетничать не могут, а больше печатаются в безответственных приложениях. А мне на их лирический вздор смешно смотреть, настолько этим заниматься легко и никому, кроме супруги, не интересно <...>

Вторая работа – продолжаю прерванную традицию трубадуров и менестрелей. Езжу по городам и читаю.

<...>

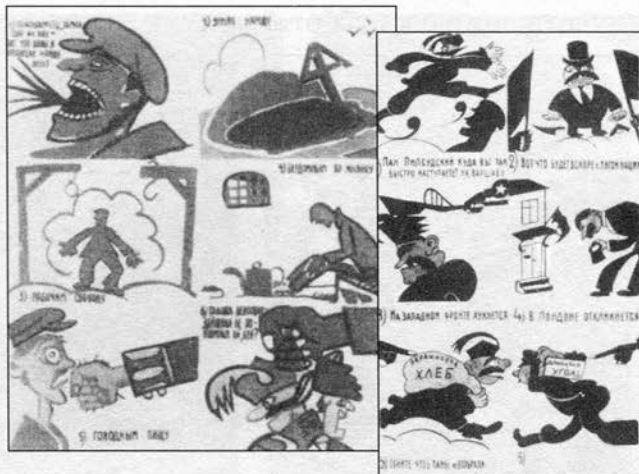
1928-й год

<...> Многие говорили: «Ваша автобиография не очень серьезна». Правильно. Я еще не заакадемичился и не привык нянчиться со своей персоной, да и дело мое меня интересует, только если это весело. <...>

1922–1928

В. Маяковский, И. Малютин,
М. Черных. 1920

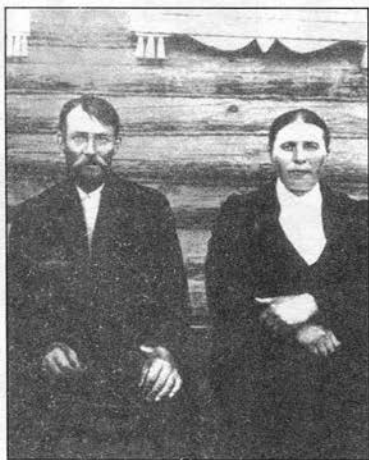
Окна сатиры РОСТА.
Текст и рисунки В. Маяковского. 1920

Сергей Александрович Есенин (1895—1925)

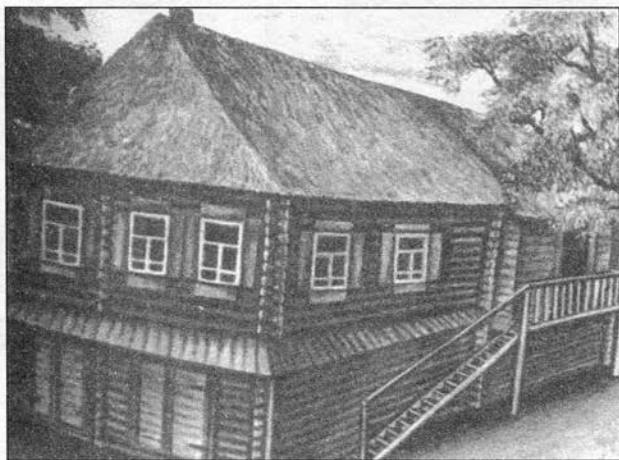
О себе

Родился в 1895 году, 21 сентября, в Рязанской губернии, Рязанского уезда, Кузьминской волости, в селе Константинове.

С двух лет был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми протекло почти все мое детство. Дядя мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх, стерва! Ну, куда ты годишься?» «Стерва» у него было слово ласкательное. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавал по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо лазил по деревьям. Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах. За озорство меня ругала только одна бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: «Ты у меня, дура, его не трожь, он так будет крепче!» Бабушка любила меня изо всей мочи, и нежности ее не было границ. По субботам меня мыли, стригли ногти и гарным маслом гофрили голову, потому что ни один гребень не брал кудрявых волос. Но и масло мало помогало. Всегда я орал благим матом и даже теперь какое-то неприятное чувство имею к субботе.

А.Н. Есенин и Т.Ф. Есенина — родители поэта. 1926

Дом деда поэта, в котором родился Сергей Александрович Есенин

Так протекало мое детство. Когда же я подрос, из меня очень захотели сделать сельского учителя и потому отдали в церковно-учительскую школу, окончив которую я должен был поступить в Московский учительский институт. К счастью, этого не случилось.

Стихи я начал писать рано, лет девяти, но сознательное творчество отношу к 16–17 годам. Некоторые стихи этих лет помещены в «Радунице».

Восемнадцать лет я был удивлен, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и поехал в Петербург. Там меня приняли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй – Городецкий. Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта. Городецкий меня свел с Клюевым, о котором я раньше не слышал ни слова. С Клюевым у нас завязалась, при всей нашей внутренней распри, большая дружба.

В эти же годы я поступил в Университет Шанявского, где пробыл всего полтора года, и снова уехал в деревню.

В Университете я познакомился с поэтами Семеновским, Наседкиным, Колоколовым и Филипченко.

Из поэтов-современников нравились мне больше всего Блок, Белый и Клюев. Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности.

В 1919 году я с рядом товарищей опубликовал манифест имажинизма. Имажинизм был формальной школой, которую мы хотели утвердить. Но эта школа не имела под собой почвы и умерла сама собой, оставив правду за органическим образом.

С.А. Есенин в 1914, 1921, 1923 годах

От многих моих религиозных стихов и поэм я бы с удовольствием отказался, но они имеют большое значение как путь поэта до революции.

С восьми лет бабушка таскала меня по разным монастырям, из-за нее у нас вечно ютились всякие странники и странницы. Распевались разные духовные стихи. Дед напротив. Был не дурак выпить. С его стороны устраивались вечные невенчанные свадьбы.

После, когда я ушел из деревни, мне долго пришлось разбираться в своем укладе.

В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном.

В смысле формального развития теперь меня тянет все больше к Пушкину.

Что касается остальных автобиографических сведений, – они в моих стихах.

Октябрь 1825

1. Расскажите, в каких условиях формировался каждый из поэтов. Есть ли что-то общее в их творческих судьбах?

2. Выделите в автобиографии каждого главное условие, повлиявшее на его становление как поэта. Сделайте вывод о том, что может определять особенности художественного мира писателя, поэта.

3. Сопоставьте автобиографии по языку, стилю. Назовите 2–3 отличительные черты творческого «почерка» каждого поэта. Найдите в текстах упоминания поэтических школ, к которым поэты себя относили.

4. Прокомментируйте смысл строк из стихотворения Б. Окуджавы «Я пишу исторический роман»:

... каждый пишет, как он слышит.
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
не стараясь угодить...

Подумайте, какое отношение эти строки могут иметь к теме нашего разговора.

Советуем прочитать:

1. Волков-Ланнит Л.Ф. Вижу Маяковского. – М., 1981.
2. Куняев С.Ю., Куняев С.С. Сергей Есенин («ЖЗЛ»). – М., 1997.
3. Михайлов А.А. Маяковский («ЖЗЛ»). – М., 1988.
4. Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин. Поэт. Человек. – М., 1973.
5. Ройзман М.Д. Все, что помню о Есенине. – М., 1973.
6. Чуковский К.И. Люди и книги. – М., 1960.
7. «Я лучшей доли не искал..» (Судьба А. Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях). – М., 1988.

Читаем и обсуждаем лирику Блока, Маяковского, Есенина

Проверьте, насколько верное представление о творческой манере каждого из поэтов вы составили на основе знакомства с их автобиографиями, предыдущего читательского опыта. Прочитайте стихотворения и определите их авторов.

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всюю зеленым.

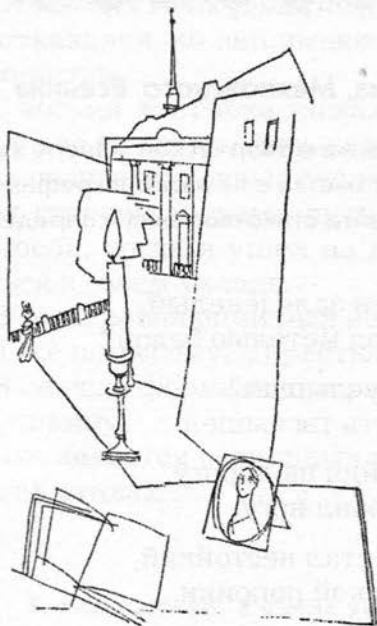
И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

1925

Вам ли понять,
почему я,
спокойный,
насмешек грозою
душу на блюде несу
к обеду идущих лет.
С небритой щеки площадей
стекая ненужной слезою,
я,
быть может,
последний поэт.

1912–1917

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце – надежды нездешние,
Волны бегут на песок.

Отзвуки, песня далекая,
Но различить не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.

Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.

В сердце – надежды нездешние,
Кто-то навстречу – бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

1901

Каковы ваши первые впечатления от прочитанного? Какое стихотворение вам ближе по мировосприятию?

Кто, по-вашему, его автор? Объясните свое решение. На какие особенности построения текста, поэтического языка вы обратили внимание?

Познакомьтесь с некоторыми принципами, в соответствии с которыми создавался стих поэтами разных поэтических школ.

Реалисты (назовите ваших любимых поэтов XIX века):

- максимальная четкость и ясность смысла, поэтической интонации;
- выдержанные ритмы, размеры, рифмы стиха;
- понятное деление текста на строфы, предложения.

Символисты (А. Блок и др.):

- туманность, неопределенность смысла;
- особое внимание к музыкальным возможностям слова, звука;
- замена образов символами, отражающими мироощущение автора.

Футуристы (В. Маяковский и др.):

- эпатажный (шокирующий, бросающий вызов) смысл;
- отказ от всего традиционного (строфы, строки, предложения, ритма, рифм и пр.) и построение нового стиха (запись стихов лесенкой и т.д.);
- новый поэтический язык (слова-неологизмы, яркие, подчас грубые метафоры, сравнения без союзов, любимые звуки [р], [ш], [щ] и др.).

Имажинисты (течение, в котором С. Есенин занимал особую позицию, и поэтому выделим принципы его творчества):

– ясность, реальность содержания;
– одушевленность всего сущего;
– народный язык (напевность, образность, лиризм, сравнения, метафоры и т.д.).

Покажите, как в прочитанных вами стихотворениях реализованы эти принципы.

Проанализируйте следующие стихотворения с точки зрения их принадлежности к определенной поэтической школе, обратите внимание на подчеркивания в текстах:

Замечали вы –
качается
в каменных аллеях
полосатое лицо повешенной скуки,
а у мчащихся рек
на взмыленных шеях
мосты заломили железные руки.
Небо плачет,
безудержно,
звонко;
а у облачка
гримаска на морщинке ротика,
как будто женщина ждала ребенка,
а бог ей кинул кривого идиотика.
Пухлыми пальцами в рыжих волосиках
солнце изласкало вас назойливостью овода –
в ваших душах выцелован раб.
Я, бесстрашный,
ненависть к дневным лучам понёс в веках;
с душой натянутой, как нервы прóвода,
я –
царь ламп!
Придите все ко мне,
кто рвал молчание,
кто выл
оттого, что петли полдней туги, –
я вам открою
словами
простыми, как мычанье,
наши новые души,
гудящие,
как фонарные дуги. <...>

В. Маяковский (отрывок из трагедии «Владимир Маяковский»).

1912–1917

О, я хочу безумно жить:
Все сущее – увековечить,
Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!

Пусть душил жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, –
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство – разве это
Сокрытый двигатель его?

Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!

А. Блок. 1914

Отговорила роща золотая
Березовым веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник –
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер вдаль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растроченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветъ.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

С. Есенин. 1924

1. Чей поэтический язык вам ближе и понятнее?

2. Ранее вы читали стихотворения Маяковского «А вы могли бы?», «Хорошее отношение к лошадям», стихотворения А. Блока «Ты помнишь, в нашей бухте сонной», «Девушка пела в церковном хоре», «Россия», С. Есенина «Где ты, где ты, отчий дом...», «Мой путь», «Гой ты, Русь моя родная», «Письмо матери», «Песнь о собаке». Какие из них вам захотелось перечитать заново? На что вы смотрите теперь иначе?

3. Подумайте, почему вам было предложено проанализировать лишь особенности поэтики каждого из поэтов без ответов на традиционные вопросы о теме, настроении стихотворения. В случае затруднения обратитесь повторно к строкам Б. Окуджавы.

4. Как вы понимаете слова А. Блока: «Всякая моя грамматическая оплошность в стихах не случайна, за ней скрывается то, чем я внутренне не могу пожертвовать»?

Поэты о поэтах

«Лицом к лицу лица не увидать, / Большое видится на расстоянии» — может быть, эти слова С. Есенина в какой-то степени объясняют противоречивость оценок творчества Блока, Маяковского, Есенина, высказанных критикой как при их жизни, так и после смерти.

Блока называли «поэтом для поэтов», далеким от насущных проблем строительства сначала социализма, затем — коммунизма.

Есенина обвиняли в аморальности, заблуждениях «с крестьянским уклоном»... Удивительно, но факт: долгие годы в учебниках литературы не было даже упоминаний имен этих поэтов.

Однако больше всех досталось Маяковскому. Еще при жизни из него «сделали» поэта-трибуна, а после высоких оценок его поэзии Сталиным судьба Маяковского-поэта, «революцией мобилизованного и призванного», была решена. В дни столетнего юбилея Маяковского (1993) писатель В. Ерофеев в одной из газетных статей назвал его, у которого, по собственному выражению, «под шерстью жилета бьется необычайнейший комок», «самым мертвым поэтом современности». До сих пор Маяковскому отказывают в праве быть причисленным к поэтам Серебряного века: формальное новаторство заслоняет лирическое Я поэта, выплеснутые в стихах душевные муки.

Интересно, на наш взгляд, познакомиться и с поэтическими оценками поэтического творчества. Прочитайте стихотворения В. Маяковского, А. Ахматовой, М. Цветаевой, в которых вы найдете и диалог поэтов, и определение собственной творческой позиции, и критический взгляд со стороны.

Стихи к Блоку

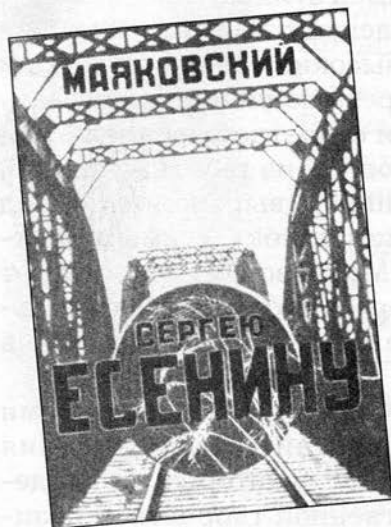
<Из цикла>

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке,
Одно-единственное движение губ.
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое, – ах, нельзя! –
Имя твое – поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим – сон глубок.

М. Цветаева.
15 апреля 1916

Сергею Есенину

Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.
Пустота...
Летите,
в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
Трезвость.
Нет, Есенин,
это
не насмешка.
В горле
горе комом –
не смешок.

Вижу –
 взрезанной рукой помешкав,
 собственных
 костей
 качаете мешок.
 – Прекратите!
 Бросьте!
 Вы в своем уме ли?
 Дать,
 чтоб щеки
 заливал
 смертельный мел?!
 Вы ж
 такое
 загибать умели,
 что другой
 на свете
 не умел.
 Почему?
 Зачем?
 Недоуменье смяло.
 Критики бормочут:
 – Этому вина
 то...
 да сё...
 а главное,
 что смычки мало,
 в результате
 много пива и вина. –
 Дескать,
 заменить бы вам
 богему
 классом,
 класс влиял на вас,
 и было б не до драк.
 Ну, а класс-то
 жажду
 заливает квасом?
 Класс – он тоже
 выпить не дурак. <...>
 Навсегда
 теперь
 язык
 в зубах затворится.

Сергей Есенин.
 Скульптор Н. Селиванов

С. Есенин. 1925

Мать поэта. 1946

Вечер на Оке

Тяжело
и неуместно
разводить мистерии.
У народа,
у языкотворца,
умер
звонкий
забулдыга подмастерье.
И несут
стихов заупокойный лом,
с прошлых
с похорон
не переделавши почти.
В холм
тупые рифмы
загонять колóм —
разве так
поэта
надо бы почтить? <...>
Дрянь
пока что
мало поредела.
Дела много —
только поспевать.
Надо
жизнь
сначала переделать,
переделав —
можно воспевать.
Это время —
трудновато для пера,
но скажите
вы,
калеки и калекши,
где,
когда,
какой великий выбирал
путь,
чтобы протоптанней
и легче?
Слово —
полководец
человечьей силы.

Марш!
 Чтоб время
 сзади
 ядрами рвалось.
 К старым дням
 чтоб ветром
 относило
 только
 путаницу волос.
 Для веселия
 планета наша
 мало оборудована.
 Надо
 вырвать
 радость
 у грядущих дней.
 В этой жизни
 помереть
 не трудно.
 Сделать жизнь
 значительно трудней.

В. Маяковский. 1926

Маяковский в 1913 году

Я тебя в твоей не знала славе,
 Помню только бурный твой рассвет,
 Но, быть может, я сегодня вправе
 Вспомнить день тех отдаленных лет.
 Как в стихах твоих крепчали звуки,
 Новые роились голоса...
 Не ленились молодые руки,
 Грозные ты возводил леса.
 Все, чего касался ты, казалось
 Не таким, как было до тех пор,
 То, что разрушал ты, — разрушалось,
 В каждом слове бился приговор.
 Одинок и часто недоволен,
 С нетерпением торопил судьбу,
 Знал, что скоро выйдешь весел, волен
 На свою великую борьбу.
 И уже отзывный гул прилива
 Слышался, когда ты нам читал,

В. Маяковский. Фото. 1913

Дождь косил свои глаза гневно,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,
Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать, как боевой сигнал.

А. Ахматова.

3–10 марта 1940

А

1. Какие оценки оказались для вас неожиданными?

2. Что нового вы узнали о судьбе каждого поэта? Могли ли их судьбы быть счастливыми в эпоху социальных катаклизмов, революций, гражданских войн?

3. Выпишите из каждого стихотворения ключевые строки, определяющие место Маяковского, Блока, Есенина в истории русской литературы.

Б

4. Почему М. Цветаева пишет, что в имени (фамилии) Блока – пять букв?

5. Назовите черты, традиционные для русской поэзии XIX–XX веков.

6. Сопоставьте поэтический язык Маяковского в трагедии «Владимир Маяковский» и в стихотворении «Сергею Есенину». Насколько справедливым вам кажется утверждение, что современная рок-поэзия наследует традиции Маяковского?

Развитие речи. Стилизация

Традиции модернизма начала века сохраняются в современном искусстве постмодернизма. Вместе со стилизацией поэзии Серебряного века в постмодернизме обозначились и новые по сравнению с началом века тенденции. Например, распространение получили такие поэтические жанры, как *коллаж*, *римейк*, развивается *формальная поэзия*, *визуальная поэзия*.

Вот было жарко –
не стало жарко.

И стало жалко,
что было жарко
и перестало быть жарко.

Стало быть – вот.

Всев. Некрасов. 2002

Можно по-разному относиться к этим поэтическим «опытам», для нас они представляют интерес как литературная игра, как полезные упражнения в языке, как средство постижения художественного мира поэта.

В качестве первого «опыта» предлагаем вам заняться стилизацией поэтических стилей Серебряного века. Вспомните: стилизация состоит в целенаправленном воспроизведении существенных черт какого-либо стиля литературных направлений (см. первую тему в учебнике).

Попробуем 2–3 прозаических предложения «перевести» на поэтический язык символизма и футуризма:

Наступил весенний вечер. Зажглись фонари. По тротуарам спешат прохожие.

Стилизация символизма

1. Подберем слова-символы: вечер – сумрак, фонари – звезды, прохожие – тени.

2. Придадим содержанию туманный, неопределенный характер: Темнел весенний сумрак. Зажигались на улицах звезды. Скользили мутно чернеющие тени.

3. Отредактируем звуковую и цветовую сторону текста. Весенний вечер с зажженными фонарями можно окрасить в синие, желтые, зеленые цвета. На языке символистов синий цвет соответствует звуку [и], желтый – звуку [о], зеленый – [јэ]. Синел весенний сумрак. Горели на улицах звезды. Скользили темнеющие тени.

4. Создадим ритмический рисунок:

Синел весенний сумрак.
Под желтою звездой
Скользили мягко тени,
Сливаясь с темнотой.

Стилизация футуризма

1. Придадим содержанию максимально громкий, вызывающий характер: Обрушилась вечерняя муть. Горят фонари. Прохожие месят весеннюю грязь.

2. Введем сравнения, метафоры, уберем, где возможно, сравнительные союзы: Упала вечерняя муть скукой. Горят глаза фонарей. Прохожие месят весеннюю грязь.

3. Заменяем «обычные» слова на образные: Упала вечерняя муть скукой. Пялятся глаза фонарей. Прохожие тонны весенней грязи взмахами шагов мнут.

4. Введем неологизмы: Упала вечерняя мартовая муть скукой. Вызвездились глаза фонарей. Прохожие тонны весенней грязи взмахами шагов мнут.

5. Введем слова со звуками [р], [ш], [щ]: Обрушилась вечерняя мартовая муть скукой. Вызвездились, зверей, глаза фонарей. Прохожие еще и еще груды весенней грязи взмахами шагов мерят.

6. Создадим неровный, рваный ритмический рисунок; где возможно, вставим тире, знаки вопроса и восклицания:

Обрушилась
вечера
мартовая муть
– скукой.
Вызвездились,
зверей,
глаза фонарей.

ВЗМАХАМИ ШАГОВ

мерят.

«Переведите» на поэтический язык символизма и футуризма любые 2–3 предложения по образцу в учебнике. Помните, что подобные задания интереснее выполнять в группе. Сделайте вывод, чем полезно подобное «вхождение» в стиль литературного течения.

Можете продолжить литературные «опыты». Например, Вс. Некрасов часто строит новое стихотворение, отталкиваясь от уже известных поэтических строк (по типу римейка). Составление такого текста требует уже не только чувства стиля, но и достаточного знакомства с творчеством поэтов. Главная задача – получить новый смысл путем соединения фрагментов разных текстов с сохранением особенностей их стиля.

Я помню чудное мгновенье,
Невы державное течение,
Люблю тебя, Петра творенье!
Кто написал стихотворенье?
Я написал стихотворенье!

1989

Если вам это интересно, составьте «римейк с продолжением» по стихам Маяковского, Блока, Есенина.

Работы русских футуристов

В. Маяковский. «Мистерия-буфф». Иллюстрация В. Ермолаева

«Железобетонная поэма». Иллюстрация В. Каменского

Страница из сборника
стихов В. Хлебникова. Ил-
люстрация П. Филонова

Вечер на Новом Арбате. Худ. Б.Ф. Рыбченков

Поэтическое осмысление действительности в лирике XX века

На примере поэзии начала века вы убедились в многообразии поэтических талантов России. XX век вообще оказался удивительно щедрым на поэтов «хороших и разных». Но судьбы поэтов в новом веке часто складывались трагически.

В первую треть века ушли из жизни В. Маяковский, С. Есенин, А. Блок, был расстрелян Н. Гумилев.

Уехали из Советской России И. Бунин, К. Бальмонт, З. Гиппиус, И. Северянин, Саша Черный, М. Цветаева, Г. Иванов... Кто-то еще вернется, кто-то навсегда покинул Отечество.

К. Бальмонт. 1936

И. Северянин.
1910-е годы

Саша Черный.
1926

Г. Иванов

М. Исаковский.
Худ. А.Г. Кручина

О. Мандельштам

Н. Заболоцкий.
Худ. А.Г. Кручина

В 30-40-е годы заявили о себе известные и новые поэты – лирики Б. Пастернак, М. Исаковский, Н. Заболоцкий, К. Симонов, А. Твардовский... В это же время (1937) в пересыльном лагере умирает О. Мандельштам.

В 50-60-е на страницах отечественных журналов активно печатались поэты, занимавшие порой разные идейные позиции: А. Ахматова, А. Тарковский, Л. Мартынов, Б. Слуцкий, Д. Самойлов...

Есть ли среди них ваши любимые поэты? Кого еще из поэтов XX века вы знаете? Что вы помните наизусть? Стихи каких поэтов – наших современников вы читали? Пишете ли сами стихи?

Лирика XX века – явление сложное и неоднородное, достаточно вспомнить, например, что в 60-е годы появились понятия «громкая лирика» и «тихая лирика». Представьте себе спортивные стадионы, которые заполняли жаждущие услышать Евгения

Б.Л. Пастернак

К.М. Симонов

А.А. Галич.
Рисунок Н. Дронникова

Евтушенко, Беллу Ахмадулину, Роберта Рождественского, Андрея Вознесенского. В эти же годы заговорили о поэтах-бардах, поэзия шагнула на эстраду:

Я весь в свету, доступен всем глазам,
Я приступил к привычной процедуре.
Я к микрофону встал как к образам.
Нет! нет! Сегодня – точно к амбразуре.

В. Высоцкий. 1971

Как вы понимаете эти строки поэта? А его поэтическую формулу: «Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души»? Можно ли эти слова отнести к поэтам XIX века? Приведите примеры.

История повторилась: как и в век предшествующий, поэтам рукоплескали и за стихи ссылали, отправляли в вынужденную эмиграцию; были поэты «придворные» и были те, чей голос слушали, ловя перекрываемую помехами радиоволну, а ведь все говорили о своей правде... Помните: «Каждый пишет, как он дышит»? Мы говорим с вами о недалеком прошлом, но как не похоже это время на сегодняшний день!

Расспросите своих родителей, бабушек и дедушек, сохранились ли у них тетрадки с переписанными от руки стихами, кого из поэтов своего времени они знают, чьи и какие стихи учили в школе, а что запоминали для себя, без домашнего задания.

Чтобы помочь вам составить собственное представление о поэзии XX века, остановимся лишь на двух поэтических судьбах – Анны Ахматовой и Марины Цветаевой.

А. Вознесенский

Р. Рождественский.
Рисунок Ю. Могилевского

Б. Окуджава

**Анна Андреевна Ахматова (1889—1966)
и Марина Ивановна Цветаева (1892—1941)**

Две великие поэтессы России противоположны во всем, видимо, прежде всего потому, что великие. Даже главное дело жизни — стихи — не объединило их, а развело.

Почему-то почти ни у кого из русских поэтов не было «розового» детства. Начиная с Пушкина и даже еще раньше — с Державина, все они рождались в непростых семьях.

Так случилось и с Ахматовой, и с Цветаевой. Разумеется, обе поэтессы получили религиозное воспитание. Но вот что странно: Цветаева, внучка сельского священника, уже в юности сомневается в существовании Бога, а для дочери народоволки Ахматовой Бог несомненен...

Не отсюда ли у них разное отношение к смерти, особенно к насильственной, вызывавшей еще в юности у обеих острое любопытство и, естественно, порождавшей стихи, для Ахматовой самовольный уход из жизни — смертный грех, для Цветаевой — это выход из безнадежного положения.

Марина Цветаева. 1911—1913 годы

Анна Ахматова. 1910-е годы

И в любви они тоже разные. У Ахматовой мужчина, возлюбленный и разлюбленный, всегда реален и отношения с ним, несмотря на покров тайны, реальны. Ахматова – враг подробностей, длиннот и монологов с доказательствами несравненной своей правоты... для нее главное не то, что в стихе, а то, что за стихом, не текст, а подтекст. И превыше всего опять-таки тайна:

Было душно от жгучего света,
А взгляды его – как лучи,
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился – он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

А. Ахматова. Смятение. 1913

Н. Гумилев

Почти каждое ахматовское стихотворение – это конспект рассказа или даже повести, куда вкраплены, по выражению Бориса Пастернака, крупницы прозы: *пристальной*, как обмолвился Пастернак, а он понимал что к чему...

Александру Блоку

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз
И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен,
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.

Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

А. Ахматова. Январь 1914

У Цветаевой же любовная лирика, несмотря на перечень деталей и подробностей, полувыдуманна, романтична. Мужчина и отношения с ним не всегда реальны. В юности герои ее стихов брались чаще всего из книг (генералы 1812-го года, несчастный сын Бонапарта). Позже в стихи вошел ее юный муж Сергей Эфрон, Александр Блок, которого она боготворила издали.

Трудно найти другого русского поэта, для которого жизнь так мало значила в сравнении со стихами:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти —
Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

М. Цветаева. Май 1913

Марина Цветаева и Сергей
Эфрон. 1911

Марина Цветаева.
Худ. М. Нахман. 1913

Александр Блок

Цветаева с годами не изменила своей манеры мгновенно откликаться на случившееся. Ахматова же, напротив, долго носила горе в себе, и ее стихи становились не только откликом на событие, но еще и итогом большой, длительной духовной работы, последовавшей за событием.

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал, —

<...>

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

А. Ахматова. Осень 1917

Лев Николаевич Гумилев

А. Ахматова и Б. Пастернак. 1946

Даже последователи и подражатели у них разные. У Ахматовой заимствовали и заимствуют (в основном поэтессы) тему, у Цветаевой – форму. И это не случайно.

Я научила женщин говорить,
Но, Боже, как их замолчать заставить? –

негодовала Ахматова, и суть эпиграммы гораздо глубже, чем простое сетование: Ахматова знает, что у нее прежде всего следует учиться недосказанности, подтексту, наконец, тайне. Но тайне, к сожалению или к счастью, не выучишься. Тайна либо есть в характере, либо ее нет. Так что учеба у Ахматовой мало кому помогла.

Другое дело – Цветаева. Она «до зубов» вооружила рифмами, ритмами, переносами – короче, всей зримой оснасткой не один десяток талантливых поэтов и вооружит еще сотни.

Читая Ахматову, ощущаешь, что событие миновало, что печаль не то чтобы исчезла, но как бы перешла в другое измерение. Ахматовские стихи действуют далеко не сразу.

У Цветаевой, наоборот, воздействие мгновенное, оглушительное. На вас обрушивается водопад, шквал, камнепад чувств... Сколько ни перечитывай ее стихи, каждый раз кажется, что все происходит при тебе, на твоих глазах...

С ахматовскими стихами все иначе. Никакого особенного сверхвнимания они от нас не требуют. Речь идет о чувствах, событиях и вещах вполне обычных, и слова в стихах вполне обычные: добрая их половина – глаголы. В общем, все по-будничному естественно. <...>

И Цветаева, и Ахматова – поэты трагические. Но у одной трагедия нараспашку, трагедия при нас, а у другой глубоко под спу-

дом, и нам, читателям, еще предстоит до нее дожить. И нельзя измерить, чье горе – цветаевское или ахматовское – глубже, как невозможно ответить, чей дар выше.

У одной – высокое смирение:

Но звонкий голос твой зовет меня оттуда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.
Ну что ж! попробую...

А. Ахматова. Памяти В.С. Срезневской. 1964

У другой – неистощимый бунт:

На развалинах счастья нашего
Город встанет: мужей и жен.
И на том же блаженном воздухе, –
Пока можешь еще – греши!
Будут лавочки на отдыхе
Пережевывать барыши...

Этажи и ходы надумывать,
Чтобы каждая нитка – в дом!
Ибо надо ведь хоть кому-нибудь
Крыши с аистовым гнездом!

.....
.....

Да не будет вам места злчного,
Телеса, на моей крови!

Тверже камня краеугольного,
Клятвой смертника на одре:
Да не будет вам счастья дольного,
Муравьи, на моей горе!..

М. Цветаева. «Поэма Горы». 1924

Будем же благодарны их несхожести и тому, что они, почти ровесницы, умудрились прожить как бы на разных полюсах времени. <...>

Пути поэзии по-прежнему неисповедимы, и, наверное, еще не одно столетие Цветаева и Ахматова будут попеременно сменять друг друга на вершине российского олимпа, и читательское внимание к той и другой будет то угасать, то снова разгораться. Словом, их стихам обеспечена естественная жизнь бессмертных творений.

В нашем рассказе об Ахматовой и Цветаевой мы обратились к размышлениям об их творчестве поэта В. Корнилова. Как вы можете объяснить желание поэтов говорить о других поэтах?

Поделитесь своим видением, представлением о поэзии XX века.

Александр Трифонович Твардовский (1910–1971)

Вспомните, с автобиографиями каких поэтов вы уже встречались. Что вам говорил о личности автора сам характер, язык рассказа о жизни?

Почему в автобиографии писатели не стараются подробно остановиться на каждом факте биографии? Сделайте вывод, что можно назвать художественной автобиографией.

Познакомьтесь с фрагментом автобиографии поэта, главного редактора журнала «Новый мир» А. Твардовского. Проследите, в каких условиях формировался его поэтический талант.

Автобиография

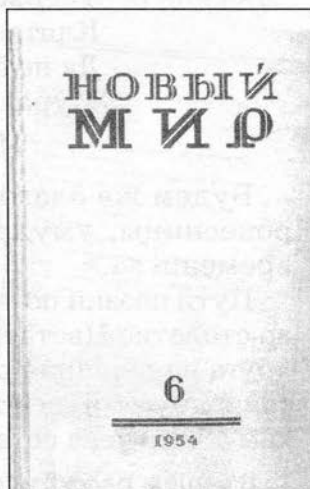
Родился я в Смоленщине, в 1910 году, 21 июня, на «хуторе пустоши Столпово», как назывался в бумагах клочок земли, приобретенный моим отцом, Трифоном Гордеевичем Твардовским, через Поземельный крестьянский банк с выплатой в рассрочку. Земля эта – десять с небольшим десятин, – вся в мелких болотцах – «оборках», как их у нас называли, и вся заросшая лозняком, ельником, березкой, – была во всех смыслах незавидна. Но для отца, который был единственным сыном безземельного солдата и многолетним тяжким трудом кузнеца заработал сумму, необходимую для первого взноса в банк, земля эта была дорога до святости. И нам, детям, он с самого малого возраста внушал любовь и уважение к этой кислой, подзолистой, скупой и недоброй, но нашей

Молодой Твардовский

А.Т. Твардовский

Обложка журнала «Новый мир»

земле – нашему «имению», как в шутку и не в шутку называл он свой хутор. Местность эта была довольно дикая, в стороне от дорог, и отец, замечательный мастер кузнечного дела, вскоре закрыл кузницу, решив жить с земли. Но ему то и дело приходилось обращаться к молотку: арендовать в отходе чужой горн и наковальню, работая исполу.

В жизни нашей семьи бывали изредка просветы относительно достатка, но вообще жилось скудно и трудно и, может быть, тем труднее, что наша фамилия в обычном обиходе снабжалась еще шутливо-благожелательным или ироническим добавлением «пан», как бы обязывая отца тянуться изо всех сил, чтобы хоть сколько-нибудь оправдать ее. Между прочим, он любил носить шляпу, что в нашей местности, где он был человек «пришлый», не коренной, выглядело странно и даже некоторым вызовом, и нам, детям, не позволял носить лаптей, хотя из-за этого случалось бегать босиком до глубокой осени. Вообще многое в нашем быту было «не как у людей».

Отец был человеком грамотным и даже начитанным по-деревенски. Книга не являлась редкостью в нашем домашнем обиходе. Целые зимние вечера у нас часто отдавались чтению вслух какой-либо книги. Первое мое знакомство с «Полтавой» и «Дубровским» Пушкина, «Тарасом Бульбой» Гоголя, популярнейшими стихотворениями Лермонтова, Некрасова, А.К. Толстого, Никитина произошло таким именно образом. Отец и на память знал много стихов: «Бородино», «Князя Курбского», чуть ли не всего ершовского «Конька-Горбунка». Кроме того, он любил и умел петь, смолоду да-

Деревенский быт. 1920-е годы

Плакат «Организируйте избы-читальни». Худ. А. Апсит. 1919

же отличался в церковном хоре. Обнаружив, что слова общеизвестной «Коробушки» только малая часть «Коробейников» Некрасова, он пел при случае целиком всю эту поэму.

Мать моя, Мария Митрофановна, была всегда очень впечатлительна и чутка, даже не без сентиментальности, ко многому, что находилось вне практических, житейских интересов крестьянского двора, хлопот и забот хозяйки в большой многодетной семье. Ее до слез трогал звук пастушьей трубы где-нибудь вдалеке за нашими хуторскими кустами и болотцами, или отголосок песни с далеких деревенских полей, или, например, запах первого молодого сена, вид какого-нибудь одинокого деревца и т.п.

Стихи писать я начал до овладения первоначальной грамотой. Хорошо помню, что первое мое стихотворение, обличающее моих сверстников, разорителей птичьих гнезд, я пытался записать, еще не зная всех букв алфавита и, конечно, не имея понятия о правилах стихосложения. Там не было ни лада, ни ряда – ничего от стиха, но я отчетливо помню, что было страстное, горячее до сердцебиения желание всего этого – и лада, и ряда, и музыки, – желание родить их на свет – и немедленно, – чувство, сопутствующее и доныне всякому новому замыслу.

Что стихи можно сочинять самому, я понял в связи с тем, что гостивший у нас в голодное время летом дальний наш городской родственник по материнской линии, хромой гимназист, как-то прочел по просьбе отца стихи собственного сочинения «Осень»:

Листья давно облетели,
И голые сучья торчат...

Строки эти, помню, потрясли меня тогда своей выразительностью: «голые сучья» – это было так просто, обыкновенные слова, которые говорят все, но это были стихи, звучащие, как из книги.

С того времени я и пишу.

1. Что, на ваш взгляд, в первую очередь повлияло на становление Твардовского-поэта?
2. Найдите в автобиографии поэта слова о родной земле. Сформулируйте, что такое чувство Родины для Твардовского.
3. Если бы вам пришлось писать автобиографию, то о каких прочитанных книгах вы бы вспомнили?

Советуем прочитать:

1. Кондратович А. Александр Твардовский. Поэзия и личность. – М., 1978.
2. Турков А.М. Александр Твардовский. – М., 1971.

Читаем и обсуждаем поэму «Василий Теркин»

О чем вам говорит название поэмы, в которое вынесено лишь имя героя, и ее подзаголовок – «Книга про бойца»?

Нарисуйте собирательный образ советского солдата времен Великой Отечественной войны. Каким вы представляете себе героя поэмы? Какими качествами он, на ваш взгляд, должен обязательно обладать? Ответ аргументируйте.

Познакомьтесь с отрывками из поэмы.

Из главы «На привале»

Теркин – кто же он такой?

Скажем откровенно:

Просто парень сам собой

Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.

Парень в этом роде

В каждой роте есть всегда,

Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силен,

Скажем откровенно:

Красотою наделен

Не был он отменной.

Не высок, не то чтоб мал,

Но герой – героем.

На Карельском воевал –

За рекой Сестрою.

И не знаем, почему, –

Спрашивать не стали, –

Почему тогда ему

Не дали медали.

С этой темы повернем,

Скажем для порядка:

Может, в списке наградном

Вышла опечатка.

Не гляди, что на груди,

А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,

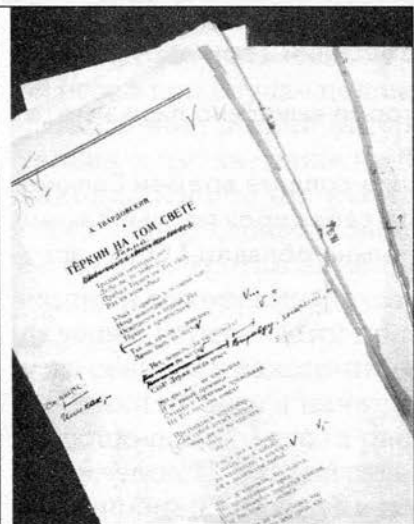
Снова Теркин на войне.

Василий Теркин.

Иллюстрация О. Верейского

Черновики «Теркин на том свете»

– Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.

Был в бою задет осколком,
Зажило – и столько толку.
Трижды был я окружен,
Трижды – вот он! – вышел вон.

И хоть было беспокойно –
Оставался невредим
Под огнем косым, трехслойным,
Под навесным и прямым...

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне – с места, с места – в бой.
Курит, ест и пьет со вкусом
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо –
Не сдавай, вперед гляди.

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

О награде

– Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.

Буду ль жив еще? – Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:

Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка - самый цвет.
— Нет, — сказал Василий Теркин
И вздохнул. И снова: — Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль...

Теркин, Теркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.

Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

А

1. Попробуйте объяснить, почему герой поэмы был так привлекателен для читателей в годы войны. Современен ли он сегодня? Какие жизненные ценности исповедовал Василий Теркин, а с ним — и автор поэмы? Можно ли Теркина назвать выразителем русского национального характера? Почему?

2. Первые главы поэмы были опубликованы в 1942 году, стихи о бойце сразу же стали необычайно популярны, многие читатели находили прототипы Теркина в своей роте. Прокомментируйте эти факты.

3. Как в содержании, характере героя, языке поэмы проявляется искренняя любовь Твардовского к Родине?

Б

4. Познакомьтесь со статьей А.Т. Твардовского «Как был написан „Василий Теркин“». Составьте рассказ об истории создания поэмы.

5. В «Автобиографии» Твардовский называет «Теркина» «моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю». На наш взгляд, в «Теркине» можно увидеть и сказочное начало (вспомните, например, солдата – главного героя многих бытовых сказок). Как проявляются эти жанровые начала в тексте поэмы?

6. Прочитайте поэму «Теркин на том свете» и подумайте, почему она была напечатана лишь спустя 30 лет после создания.

Поэма «Василий Теркин» в оценке современников

Познакомьтесь с оценкой поэмы современниками Твардовского.

И. Бунин: ...Это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный солдатский язык – ни сучка, ни задоринки, ни одного фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова!

С. Залыгин: ...Сколько надо прочитать сегодня книг, чтобы узнать о войне все то, что он один (Теркин. – Авт.) рассказал о ней! Чтобы узнать все, что говорит он и о своем авторе...

1. Что объединяет эти высказывания?

2. Разверните любое из суждений. Например, вслед за С. Залыгиным расскажите, что вы узнали о Великой Отечественной войне из поэмы Твардовского, что вы узнали о самом Твардовском.

Развитие речи.

Пишем художественную автобиографию

Вернитесь еще раз к автобиографиям А. Блока, С. Есенина, В. Маяковского, А. Твардовского. Выберите, какой текст понятнее вам по мироощущению, ближе по языку, стилю.

Докажите, что в художественной автобиографии речь, как правило, идет о каких-то ярких, особенно значимых событиях, фактах из жизни.

Убедитесь в том, что повествование в художественной автобиографии всегда эмоционально окрашено. Выделите в каждом тексте основные эмоции, проследите, происходит ли смена настроений по ходу рассказа.

Посмотрите, как авторы строят свой текст. Особое внимание обратите на возможные начала автобиографии.

Напишите собственную автобиографию в художественном стиле, используя один из перечитанных текстов в качестве образца.

Днепрострой. Худ. В. Сварог. 1931

Поиск нового героя в прозе XX века

1. Изучая курс истории литературы, мы с вами обращались к понятиям «литературный герой», «художественный образ», «типический характер», «маленький человек», «лишний человек». На конкретных примерах объясните, в чем суть этих понятий.

2. Вы, наверное, заметили, что каждая историческая эпоха рождает своего литературного героя. В первой половине XIX века – это «лишние» люди – Чацкий, Онегин, Печорин ... Их сменяют герои более деятельные, ищущие, бунтари и разрушители.

Свой герой есть и в русской прозе XX века. Вспомните прочитанные ранее повести и рассказы писателей середины и второй половины XX века: «Судьба человека» М. Шолохова, «Последний бой майора Пугачева» В. Шаламова, «Первый учитель» Ч. Айтматова, «Уроки французского» В. Распутина, «Хлеб для собаки» В. Тендрякова, «Завтра была война» Б. Васильева. Что объединяет их главных героев? Попробуйте нарисовать обобщенный портрет литературного героя отечественной прозы этого периода. Каков нравственный идеал этих писателей-реалистов?

3. Можно ли отнести составленный вами обобщенный портрет к главному герою рассказа В. Шукшина «Крепкий мужик»? Прочитайте самостоятельно другие рассказы Шукшина («Срезал», «Чудик», «Микроскоп», «Сапожки» и др.). Сделайте выводы.

4. Сформулируйте, какая традиция изображения героев сложилась в русской литературе середины и второй половины XX в.

Вам предстоит знакомство с новыми страницами литературы этого периода. После чтения рассказов А. Платонова и А. Солженицына подумайте, следуют ли их авторы этой традиции.

Андрей Платонович Платонов (1899—1951)

Вы еще не знакомы с жизнью и творчеством Андрея Платонова, хотя, наверняка, читали русские сказки в его обработке, слышали об этом писателе. Предлагаем вам познакомиться с воспоминаниями о писателе, оставленными Эм. Миндлиным. Читая их, постарайтесь составить представление об эпохе, в которую довелось жить Платонову, о судьбе писателя, о его личности, отношении к писательскому труду.

Он был человеком, благодарным за жизнь — за факт жизни, за явление жизни. Был благодарен жизни за то, что жизнь есть на земле.

Он смотрел глазами, полными доброты и печали. Крупная голова с необыкновенно высоким, неестественным лбом держалась на тонкой шее — такой тонкой, что воротничок рубашки не касался ее. И вся фигура была узкой и тонкой, словно очерченной острым карандашом. Этот большущий русский писатель был человеком тихого голоса и жизни.

<...> Платонову не приходилось искать трагического — трагическое само находило его. Трагическое постоянно входило в жизнь человека, мечтавшего о повеселении и воодушевлении человечества. Сам он воодушевлялся и не веселел. Он воодушевлялся фактом собственной жизни, полной печалей и потрясений. Жил страдальчески, но, как бы он ни страдал, страдания не выбивали из его рук писательского пера. Платонов писал всегда. Ни на день не замирало на бумаге его перо.

Не замирало в те черные для его семьи дни, когда еще несовершеннолетний Тоша Платонов был арестован и заключен в тюрьму.

Лицо Андрея Платоновича потемнело, стало обожженным от горя. На его жену Марию Андреевну страшно было смотреть. Прекрасные черты исказились таким нечеловеческим страданием, что при встрече с ней глазам становилось больно.

Теперь Платонов больше говорил о битве за освобождение Тоши. Он говорил по-прежнему тихим и ровным голосом, может быть, еще более тихим и еще более ровным, чем прежде. Где и у кого они только не были! К кому только они не ходили с мольбами

А.П. Платонов.

Рисунок О. Берзинь

Обложка книги Платонова.

Худ. Н. Воробьев

об освобождении из тюрьмы их единственного несовершеннолетнего и очень болезненного мальчика. Иногда рассказы Платонова о безнадежных хлопотах походили на бессвязный бред. Былая точность речи утратилась. А может быть, это потому так казалось, что то, о чем он рассказывал, скорее походило на бред, на неправдоподобные сцены из жизни нашего времени.

Тошу Платонова перевели из Москвы во владимирскую тюрьму. И вот мать и отец Платоновы – Мария Андреевна и Андрей Платонович – поехали во Владимир. Я, впрочем, точно не помню – был ли это город Владимир или какой-то другой, от Москвы недалекий город с тюрьмой, в которую бросили Тошу Платонова.

Но я хорошо помню рассказы Андрея Платонова о том, как он с женой часами простаивал на улице чужого города под стенами старинной тюрьмы, глаз не сводя с высоких каменных стен и бесплодно гадая – где, в какой стороне и на каком этаже этой провинциальной тюрьмы камера его несовершеннолетнего сына?

Они ездили в этот город несколько раз – отвозили передачи больному Тоше, добивались свидания с ним и, кажется, однажды добились...

Не помню, как долго Тоша сидел в тюрьме, – год, два или немногим больше. Болезнь помогла выволить его из тюрьмы. И уже совсем недолго семнадцати-восемнадцатилетний сын Андрея Платонова наслаждался свободой. А жизнью он и вовсе не успел насладиться. Тюрьма вконец подорвала и без того ослабленное здоровье сына Платоновых. Он уже не вставал с постели. При встречах Платонов говорил только о нем. Мечтал: Тоша выздоровеет, мы бы уехали... Не говорил – куда и зачем, не собирался ли совсем покинуть Москву? И вообще все чаще производил впечатление человека, не спавшего очень, очень много ночей...

А по ночам он, оказывается, писал. Писал, прислушиваясь к дыханию уже умиравшего сына.

1. Что вы знаете о времени, в которое Платонову довелось жить и писать? Какой отпечаток оно наложило на жизнь писателя?
2. Расскажите, каким вы представили себе Платонова-отца, Платонова-писателя, Платонова-человека.
3. Выделите в воспоминаниях ключевые, на ваш взгляд, слова, характеризующие личность Платонова.

Советуем прочитать:

1. Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. – М., 1994.
2. Андрей Платонов. Мир творчества. – М., 1994.
3. Бочаров С.Г. Вещество существования. – М., 1991.

Читаем и обсуждаем рассказ «Юшка»

1. В черновиках Платонова сохранилась неразборчивая запись: «Смысл существования – в ...». До чтения рассказа попробуйте «угадать» окончание фразы писателя.

2. Какого чтения вы ждете после знакомства с воспоминаниями о жизни и личности писателя?

3. Прочитайте рассказ, проведите диалог с автором. Обратите внимание на выделенные в тексте места.

Юшка

Давно, в старинное время, жил у нас на улице старый на вид человек. Он работал в кузнице при большой московской дороге; он работал подручным помощником у главного кузнеца, потому что он плохо видел глазами и в руках у него мало было силы. Он носил в кузницу воду, песок и уголь, раздувал мехом горн, держал клещами горячее железо на наковальне, когда главный кузнец отковывал его, вводил лошадь в станок, чтобы ковать ее, и делал всякую другую работу, которую нужно было делать. Звали его Ефимом, но все люди называли его Юшкой. Он был мал ростом и худ; на сморщенном лице его, вместо усов и бороды, росли по отдельности редкие седые волосы; глаза же у него были белые, как у слепца, и в них всегда стояла влага, как неостывающие слезы.

Юшка жил на квартире у хозяина кузницы, на кухне. Утром он шел в кузницу, а вечером шел обратно на ночлег. Хозяин кормил его за работу хлебом, щами и кашей, а чай, сахар и одежда у Юшки были свои; он их должен покупать на свое жалованье – семь рублей и шестьдесят копеек в месяц. Но Юшка чаю не пил и сахару не покупал, он пил воду, а одежду носил долгие годы одну и ту же без смены: летом он ходил в штанах и в блузе, черных и закопченных от работы, прожженных искрами насквозь, так что в нескольких местах видно было его белое тело, и босой; зимою же он надевал поверх блузы еще полушубок, доставшийся ему от умершего отца, а ноги обувал в валенки, которые он подшивал с осени и носил всякую зиму всю жизнь одну и ту же пару.

Когда Юшка рано утром шел по улице в кузницу, то старики и старухи подымались и говорили, что вон Юшка уж работать пошел, пора вставать, и будили молодых. А вечером, когда Юшка проходил на ночлег, то люди говорили, что пора ужинать и спать ложиться – вон и Юшка уж спать пошел.

А малые дети и даже те, которые стали подростками, увидя тихо бредущего старого Юшку, переставали играть на улице, бежали за Юшкой и кричали:

– Вон Юшка идет! Вон Юшка!

Дети поднимали с земли сухие ветки, камешки, сор горстями и бросали в Юшку.

– Юшка! – кричали дети. – Ты, правда, Юшка?

Старик ничего не отвечал детям и не обижался на них; он шел так же тихо, как прежде, и не закрывал своего лица, в которое попадали камешки и земляной сор.

Дети удивлялись Юшке, что он живой, а сам не сердчает на них. И они снова окликали старика:

– Юшка, ты правда или нет?

Затем дети снова бросали в него предметы с земли, подбегали к нему, трогали его и толкали, не понимая, почему он не поругает их, не возьмет хворостину и не погонится за ними, как делают все большие люди. Дети не знали другого такого человека, и они думали – вправду ли Юшка живой? Потрогав Юшку руками или ударив его, они видели, что он твердый и живой.

Тогда дети опять толкали Юшку и кидали в него комья земли, – пусть он лучше злится, раз он вправду живет на свете. Но Юшка шел и молчал. Тогда сами дети начинали сердчать на Юшку. Им было скучно и нехорошо играть, если Юшка всегда молчит, не пугает их и не гонится за ними. И они еще сильнее толкали старика и кричали вокруг него, чтоб он отозвался им злом и развеселил их. Тогда бы они отбежали от него и в испуге, в радости снова бы дразнили его издали и звали к себе, убегая затем прятаться в сумрак вечера, в сени домов, в заросли садов и огородов. Но Юшка не трогал их и не отвечал им.

Когда же дети вовсе останавливали Юшку или делали ему слишком больно, он говорил им:

– Чего вы, родные мои, чего вы, маленькие!.. Вы, должно быть, любите меня!.. Отчего я вам всем нужен?.. Обождите, не надо меня трогать, вы мне в глаза землей попали, я не вижу.

Дети не слышали и не понимали его. Они по-прежнему толкали Юшку и смеялись над ним. Они радовались тому, что с ним можно все делать, что хочешь, а он им ничего не делает.

Юшка тоже радовался. Он знал, отчего дети смеются над ним и мучают его. Он верил, что дети любят его, что он нужен им, только они не умеют любить человека и не знают, что делать для любви, и поэтому терзают его.

Дома отцы и матери упрекали детей, когда они плохо учились или не слушались родителей: «Вот ты будешь такой же, как

Юшка! Вырастешь и будешь ходить летом босой, а зимой в худых валенках, и все тебя будут мучить, и чаю с сахаром не будешь пить, а одну воду!»

Взрослые пожилые люди, встретив Юшку на улице, тоже иногда обижали его. У взрослых людей бывало злое горе или обида; или они были пьяными, тогда сердце их наполнялось лютой яростью. Увидев Юшку, шедшего в кузницу или ко двору на ночлег, взрослый человек говорил ему:

– Да что ты такой блажной, непохожий ходишь тут? Чего ты думаешь такое особенное?

Юшка останавливался, слушал и молчал в ответ.

– Слов у тебя, что ли, нету, животное такое! Ты живи просто и честно, как я живу, а тайно ничего не думай! Говори, будешь так жить, как надо? Не будешь? Ага!.. Ну ладно!

И после разговора, во время которого Юшка молчал, взрослый человек убеждался, что Юшка во всем виноват, и тут же бил его. От кротости Юшки взрослый человек приходил в ожесточение и бил его больше, чем хотел сначала, и в этом зле забывал на время свое горе.

Юшка потом долго лежал в пыли на дороге. Очнувшись, он вставал сам, а иногда за ним приходила дочь хозяина кузницы, она подымала его и уводила с собой.

– Лучше бы ты умер, Юшка, – говорила хозяйская дочь. – Зачем ты живешь?

Юшка глядел на нее с удивлением. Он не понимал, зачем ему умирать, когда он родился жить.

– Это отец-мать меня родили, их воля была, – отвечал Юшка. Мне нельзя помирать, и я отцу твоему в кузне помогаю.

– Другой бы на твое место нашелся, помощник какой!

– Меня, Даша, народ любит!

Даша смеялась:

– У тебя сейчас кровь на щеке, а на прошлой неделе тебе ухо разорвали, а ты говоришь – народ тебя любит!..

– Он меня без понятия любит, – говорил Юшка. – Сердце в людях бывает слепое.

– Сердце-то в них слепое, да глаза у них зрячие! – произносила Даша. – Иди скорее, что ль! Любят-то они по сердцу, да бьют тебя по расчету.

– По расчету они на меня серчают, это правда, – соглашался Юшка. – Они мне улицей ходить не велят и тело калечат.

– Эх ты, Юшка, Юшка! – вздыхала Даша. – А ты ведь, отец говорил, нестарый еще!

– Какой я старый! Я грудью с детства страдаю, это я от болезни на вид оплошал и старым стал...

По этой своей болезни Юшка каждое лето уходил от хозяина на месяц. Он уходил пешком в глухую дальнюю деревню, где у него жили, должно быть, родственники. Никто не знал, кем они ему приходились.

Даже сам Юшка забывал, и в одно лето он говорил, что в деревне у него живет вдовая сестра, а в другое, что там племянница. Иной раз он говорил, что едет в деревню, а в иной, что в самую Москву. А люди думали, что в дальней деревне живет Юшкина любимая дочь, такая же незлобная и лишняя людям, как отец.

В июле или августе месяце Юшка надевал на плечи котомку с хлебом и уходил из нашего города. В пути он дышал благоуханием трав и лесов, смотрел в белые облака, рождающиеся в небе, плывущие и умирающие в светлой воздушной теплоте, слушал голос рек, бормочущих на каменных перекатах, и больная грудь Юшки отдыхала, он более не чувствовал своего недуга – чахотки. Уйдя далеко, где было вовсе безлюдно, Юшка не скрывал более своей любви к живым существам. Он склонялся к земле и целовал цветы, стараясь не дышать на них, чтобы они не испортились от его дыхания, он гладил кору на деревьях и подымал с тропинки бабочек и жуков, которые пали замертво, и долго всматривался в их лица, чувствуя себя без них осиротевшим. Но живые птицы пели в небе, стрекозы, жуки и работающие кузнечики издавали в траве веселые звуки, и поэтому на душе у Юшки было легко, в грудь его входил сладкий воздух цветов, пахнувший влагой и солнечным светом.

По дороге Юшка отдыхал. Он садился в тень подорожного дерева и дремал в покое и тепле. Отдохнув и отдышавшись в поле, он не помнил более о болезни и шел весело дальше, как здоровый человек. Юшке было сорок лет от роду, но болезнь давно уже мучила его и состарила прежде времени, так что он всем казался ветхим.

И так каждый год уходил Юшка через поля, леса и реки в дальнюю деревню или в Москву, где его ожидал кто-то или никто не ждал, – об этом никому в городе не было известно.

Через месяц Юшка обыкновенно возвращался обратно в город и опять работал с утра до вечера в кузнице. Он снова начинал жить по-прежнему, и опять дети и взрослые, жители улицы, потешались над Юшкой, упрекали его за безответную глупость и терзали его.

Юшка смирно жил до лета будущего года, а среди лета надевал котомку за плечи, складывал в отдельный мешочек деньги, что заработал и накопил за год, всего рублей сто, вешал тот мешочек себе за пазуху на грудь и уходил неизвестно куда и неизвестно к кому.

Но год от году Юшка все более слабел, потому шло и проходило время его жизни и грудная болезнь мучила его тело и истощала его. В одно лето, когда Юшке уже подходил срок отправляться в свою дальнюю деревню, он никуда не пошел. Он брел, как обычно вечером, уже затемно из кузницы к хозяину на ночлег. Веселый прохожий, знавший Юшку, посмеялся над ним:

– Чего ты землю нашу топчешь, божье чучело! Хоть бы ты помер, что ли, может, веселее бы стало без тебя, а то я боюсь соскучиться...

И здесь Юшка осерчал в ответ – должно быть, первый раз в жизни:

– А чего я тебе, чем я вам мешаю!.. Я жить родителями поставлен, я по закону родился, я тоже всему свету нужен, как и ты, без меня тоже, значит, нельзя.

Прохожий, не дослушав Юшку, рассердился на него:

– Да ты что? Ты чего заговорил? Как ты смеешь меня, самого меня с собой равнять, юрод негодный!

– Я не равняю, – сказал Юшка, – а по надобности мы все равны...

– Ты мне не мудрой! – закричал прохожий. – Я сам помудрей тебя! Ишь, разговорился, я тебя выучу уму!

Замахнувшись, прохожий с силой злобы толкнул Юшку в грудь, и тот упал навзничь.

– Отдохни, – сказал прохожий и ушел домой пить чай.

Полежав, Юшка повернулся вниз лицом и более не пошевелился и не поднялся.

Вскоре проходил мимо один человек, столяр из мебельной мастерской. Он окликнул Юшку, потом переложил его на спину и увидел во тьме белые открытые неподвижные глаза Юшки. Рот его был черен; столяр вытер уста Юшки ладонью и понял, что это была спекшаяся кровь. Он опробовал еще место, где лежала голова Юшки лицом вниз, и почувствовал, что земля там была сырая, ее залила кровь, хлынувшая горлом из Юшки.

– Помер, – вздохнул столяр. – Прощай, Юшка, и нас всех прости. Забраковали тебя люди, а кто тебе судья!..

Хозяин кузницы приготовил Юшку к погребению. Дочь хозяина Даша омыла тело Юшки, и его положили на стол в доме кузнеца. К телу умершего пришли проститься с ним все люди, старые и малые, весь народ, который знал Юшку, и потешался над ним, и мучил его при жизни.

Потом Юшку похоронили и забыли его. Однако без Юшки жить людям стало хуже. Теперь вся злоба и глумление оставались среди людей и тратились меж ними, потому что не было Юшки, безответно терпевшего всякое чужое зло, ожесточение, насмешку и недоброжелательство.

Снова вспомнили про Юшку лишь глубокой осенью. В один темный непогожий день в кузницу пришла юная девушка и спросила у хозяина-кузнеца, где ей найти Ефима Дмитриевича.

– Какого Ефима Дмитриевича? – удивился кузнец. – У нас такого сроду тут не было.

Девушка, выслушав, не ушла, однако, и молча ожидала чего-то. Кузнец поглядел на нее: что за гостью ему принесла непогода? Девушка на вид была тщедушна и невелика ростом, но мягкое чистое лицо ее было столь нежно и кротко, а большие серые глаза глядели так, словно они готовы были вот-вот наполниться слезами, что кузнец подобрел сердцем, глядя на гостью, и вдруг догадался:

– Уж не Юшка ли он? Так и есть – по паспорту он писался Дмитриевичем...

– Юшка, – прошептала девушка. – Это правда. Сам себя он называл Юшкой.

Кузнец помолчал.

– А вы кто ему будете? Родственница, что ль?

– Я никто. Я сиротой была, а Ефим Дмитриевич поместил меня, маленькую, в семейство в Москве, потом отдал в школу с пансионом... Каждый год он приходил проводить меня и приносил деньги на весь год, чтоб я жила и училась. Теперь я выросла, я уже окончила университет, а Ефим Дмитриевич в нынешнее лето не пришел меня проводить. Скажите мне, где же он, – он говорил, что работал у вас двадцать пять лет.

– Половина века прошло, состарились вместе, – сказал кузнец.

Он закрыл кузницу и повел гостью на кладбище. Там девушка припала к земле, в которой лежал мертвый Юшка, человек, кормивший ее с детства, никогда не евший сахара, чтоб она ела его.

Она знала, чем болел Юшка, и теперь сама окончила ученье на врача и приехала сюда, чтобы лечить того, кто ее любил больше всего на свете и кого она сама любила всем теплом и светом своего сердца...

С тех пор прошло много времени. Девушка-врач осталась навсегда в нашем городе. Она стала работать в больнице для чахоточных, она ходила по домам, где были туберкулезные больные, и ни с кого не брала платы за свой труд. Теперь она сама уже тоже состарилась, однако по-прежнему весь день она лечит и утешает больных людей, не утомляясь утешать страдание и отдалять смерть от ослабевших. И все ее знают в городе, называя дочерью доброго Юшки, позабыв давно самого Юшку и то, что она не приходилась ему дочерью.

1. Каковы ваши первые впечатления, мысли? Что вас особенно поразило? Какие вопросы возникли по ходу чтения?
2. Расскажите, какой он, Юшка. Кого он вам больше напоминает: сказочного дурачка? блаженного юродивого? «маленького человека» типа Башмачкина, Девушкина? странного мудреца? При ответе опирайтесь на текст.
3. За что, по-вашему, люди просили у Юшки прощения? Найдите в тексте место, где прозвучало первое «Прости!».
4. Попробуйте сформулировать тему рассказа цитатой. Найдите цитату самостоятельно или выберите одну из предложенных: «Зачем ты живешь?», «Сердце в людях бывает слепое», «Эх ты, Юшка, Юшка!», «Меня народ любит!», «Прости нас, Юшка!».
5. Односельчане называют Юшку *блажной*, т.е. блаженный. В Евангелии от Матфея (глава 5: 3–8) вы можете прочитать о блаженных следующее:

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное (нищие духом – добровольно отказавшиеся от земных благ ради духа, даров духовных. – *Авт.*).

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Подходит ли какое-либо из этих определений к Юшке? Сформулируйте, в чем заключается смысл жизни «блаженного» Юшки.

6. Докажите, опираясь на текст рассказа, что Юшка – живой человек, со своими слабостями.
 7. Персонажи рассказа не раз обращаются к Юшке с вопросом: «Зачем ты живешь?». А зачем, по-вашему, живет Юшка? Есть ли люди, подобные Юшке, в нашей жизни?
 8. Обратите внимание на афористичность речи Юшки. Выпишите из текста рассказа соответствующие примеры.
 9. Замечательный поэт Иосиф Бродский первым заметил, что Платонов, в отличие от большинства своих современников, писал «на языке своей эпохи», «подчинил себя языку эпохи».
- Понаблюдайте над языком рассказа. Найдите все «странности» и «корявости» в первых трех предложениях рассказа, «исправьте» их. Сравните авторский вариант текста и свой. Что изменилось, что исчезло из повествования? Сделайте вывод о том, какую роль у Платонова играют простота, неторопливость, сниженность стиля повествования. Что, судя по языку рассказа, вы можете сказать об эпохе Платонова, о его герое?
10. Вернитесь к вашему окончанию фразы Платонова «Смысл существования – в ...». Прокомментируйте ее авторское окончание:

«Смысл существования – в мучительной привязанности к другому человеку». Эта мысль Платонова – ключевая для всего его творчества и жизни. А для рассказа «Юшка»? А для вас?

11. Почему так важна для автора такая деталь портрета Юшки, как белые глаза? В какой сцене Юшка становится по-настоящему зрячим?

12. Найдите в предложении «неплатоновские» слова:

«Но год от году мой Юшка все более слабел, потому шло и проходило время его трудной жизни и тяжелая грудная болезнь мучила его немощное тело и истощала его».

Сделайте вывод, почему автор избегает прямых оценок и как, в таком случае, он выражает свое отношение к герою.

13. Известный исследователь творчества А. Платонова С. Бочаров утверждает, что «в том, как складывает Платонов фразу, прежде всего очевидно его своеобразие». Проведите наблюдения над синтаксисом Платонова. Соберите «рассыпанное» предложение и сравните его с авторским вариантом:

как обычно вечером, из кузницы, он брел, на ночлег, уже затемно, к хозяину

К каким выводам о своеобразии стиля Платонова вы пришли?

14. Вставьте в предложения из текста пропущенные слова:

Юшка останавливался, слушал и _____ в ответ.

От _____ Юшки взрослый человек приходил в ожесточение _____.

...и опять дети и взрослые, жители улицы, потешались над Юшкой, упрекали его за _____ глупость и терзали его.

Юшка _____ жил до лета будущего года.

Как эти слова характеризуют героя? Почему их можно назвать ключевыми для характеристики Юшки?

15. В начале года мы заметили, что древнерусская житийная литература помогает современному читателю понять героев Андрея Платонова, которые лишь на первый взгляд кажутся бессмысленными чудаками... Докажите или опровергните справедливость этого утверждения.

16. Проведите исследовательскую работу. Сопоставьте текст рассказа с известной притчей о добром самарянине из Евангелия от Луки:

...некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живым.

По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо.

Также и левит (священнослужитель. – Авт.), быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо.

Самарянин же (житель Самарии, язычник. – *Авт.*) некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился.

И подошед перевязал ему раны, возливая масло и вино; и посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем.

А на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе.

Кто из этих троих, думаешь ты, был ближним попавшемуся разбойникам?

Как такие явные переклички с текстом притчи помогают вам понять авторский замысел?

17. Американский писатель Э. Хемингуэй с восхищением отзывался о рассказах А. Платонова. Известно, что после чтения одного из них эпиграфом к своему роману «По ком звонит колокол» Хемингуэй выбрал слова английского поэта XVII века Джона Донна:

«Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе; каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной сметет в море береговой Утес, меньше станет Европа...смерть каждого Человека умаляет и меня; ибо я един со всем Человечеством; а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол; он звонит по Тебе».

Чем вы можете объяснить удивительное созвучие мотивов творчества английского поэта и русского писателя?

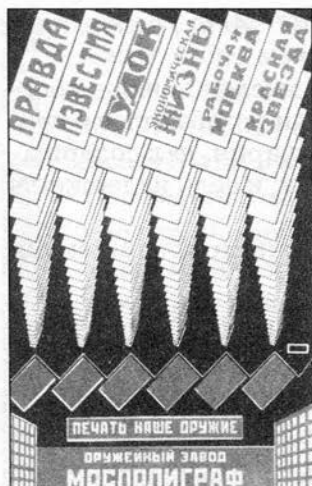
Андрей Платонов и литературная критика

Литературная критика по достоинству оценила вклад Платонова в русскую литературу лишь после смерти писателя, при жизни его преследовало непонимание критики. К сожалению, травля советских писателей – отличительная черта эпохи конца 1920–30-х годов. Платонов боролся с этим всю жизнь, стараясь объяснить свой язык, свои замыслы, защитить самого себя, свое имя, свое достоинство писателя и человека.

Вспомните, кто из русских писателей также чутко реагировал на критику, пытаясь объяснять и толковать свои книги?

Опираясь на свой читательский опыт, прокомментируйте самые распространенные обвинения критики в адрес писателя: «Платонов антинароден, поскольку истинные качества русского народа извращены в его произведениях», «Непроходимая пропасть отделяет платоновских героев от действительных героев нашего времени». Что в рассказе «Юшка» могло не соответствовать целям пролетарской революции, партийным задачам?

Познакомьтесь с открытым письмом Платонова к своим «критикам».

Плакаты «Печать — наше оружие». Худ. А. Родченко

В редакцию «Литературной газеты»
В редакцию журнала «Литературный критик»

Просьба напечатать мое нижеследующее письмо (письмо осталось неопубликованным. — Авт.).

В последнее время — уже в течение полугода или более — моя фамилия часто употребляется разными литераторами, которые, стремясь доказать свои теоретические положения, ссылаются на меня как на писателя, — по любой причине и без особой причины. Убогость аргументации именем Платонова — очевидна. Поэтому я здесь не хочу вступать с этими людьми в какой-либо спор: у меня есть более полезная работа, чем употреблять те средства подавления и коррупции, которые применяют ко мне люди, считающие меня своим противником. Кроме того, я бы не смог употребить эти средства, потому что для того я бы должен превратиться из писателя в администратора. Например, я бы не смог (да и не стал бы, если даже мог) ликвидировать напечатанные и разрешенные к опубликованию книги, как поступили недавно с моей книгой, не стал бы подчеркивать каждое слово в печати, если оно не содержит резкого осуждения Платонова, и прочие подобные поступки я не позволил бы себе совершить и отговорил бы от таких поступков других людей, активность которых опережает их разумение.

В заключение я приведу слова Гоголя, которые в точности излагают мою мысль и просьбу: «Молодые чиновники подсмеивались и острили над ним во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же пред ним разные составленные про него истории... Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: оставьте меня».

А. Платонов. 15/V 1940 г.

1. Что нового о судьбе писателя вы узнали из этого письма?
2. Выделите в тексте письма ключевую фразу, характеризующую личность Платонова.
3. Попробуйте объяснить включение в письмо отрывка из гоголевской «Шинели». Означает ли это, на ваш взгляд, что Платонов ощущал себя маленьким человеком по отношению к своим гонителям?

Развитие речи.

Учимся писать развернутую аннотацию

Вам уже приходилось составлять краткую аннотацию прочитанной книги, то есть давать краткую характеристику прочитанного.

В основе развернутой аннотации также лежат восприятие и анализ текста (книги, статьи) и создание в ходе анализа интерпретации нового текста, содержащего краткую характеристику исходного материала: тема (о чем говорится), проблематика (какие проблемы ставятся), адресат (для кого предназначен), выводы (чем и кому может быть интересен).

Важно, чтобы написанная аннотация свидетельствовала не только о том, что прочитанный текст и авторский замысел поняты вами верно, но и о том, что вы владеете соответствующими языковыми средствами.

Познакомьтесь с возможными структурными компонентами развернутой аннотации и примерным перечнем средств, которые помогут вам раскрыть содержание каждого из указанных компонентов:

Компоненты аннотации	Языковые средства
Сведения об авторе и его творчестве	Ему принадлежат... Им написано... Первая его книга вышла в свет... В творчестве... привлекает...
Характеристика структуры произведения	Книга представляет собой...
Характеристика периода истории, которому посвящено произведение (или когда создавалось произведение)	Историческая эпоха... Оказала влияние... Создавалась в условиях...
Краткий пересказ сюжета, композиции	
Краткая характеристика главных героев	
Место произведения в ряду подобных	Автор не раз обращался...
Языковые особенности произведения	Обращает на себя внимание...
Оценка произведения критиками	Критики отмечают... Неоднократно высказывались мнения...
Адресат произведения	Следует прочитать... Можно рекомендовать... Ее адресат ... Будет особенно интересно...

Область знания (искусства, жизни вообще), с которой связано содержание произведения	Заставляет вспомнить, обратиться... Перекликается, напоминает... Можно провести параллель...
Цели автора	Для автора значимо (важно, необходимо)...
Значимость для читателя (что узнает, переживает и т.д. читатель, ознакомившись с произведением)	Читателю будет интересно... Для читателя будет неожиданно...
Характеристика выводов, результатов, итогов, к которым пришел автор	Автор (писатель) показал...
Общая оценка произведения	Основные достоинства книги заключаются в том... Автор правдиво (ярко, увлекательно, исторически точно...) рассказал (раскрыл, увлек, нарисовал...)...
Общие сведения о произведении	Книга издана (напечатана)... Большой тираж... Яркие иллюстрации... Выдержала тираж...
Сведения типа примечаний	В предисловии (послесловии)... Важные ссылки... В указателе имен (исторических комментариях)...

При составлении развернутой аннотации следует раскрыть содержание лишь 4–5 самых значимых, с вашей точки зрения, компонентов.

Выделите эти компоненты из общего перечня и напишите аннотацию рассказа Платонова «Юшка».

Александр Исаевич Солженицын (1918 – 2008)

Александр Исаевич Солженицын – наш современник. Что вы знаете об этом писателе, публицисте? О чем вам говорит тот факт, что в разных источниках (даже в учебниках литературы!) указаны разные годы рождения Солженицына – 1918, 1919?

В начале года вы читали о «нелюбопытствующем веке» Фонвизина. Что может сделать каждый из нас, чтобы век XXI не сохранился в памяти наших потомков как век иванов, родства не помнящих?

Вы совсем недавно познакомились с автобиографиями поэтов, писали собственную художественную автобиографию. Солженицын рассказал о себе в кратком жизнеописании. Обратите внимание, что такое повествование отличается от автобиографии стилем и стремлением зафиксировать все основные этапы жизненного пути.

Краткое жизнеописание

Появился на свет в декабре 1918 года в Кисловодске. Отец происходил из крестьян, затем стал студентом. Добровольцем ушел на Первую мировую войну и был награжден Георгиевским крестом. Он погиб на охоте за шесть месяцев до рождения своего единственного ребенка.

Деды – и тот и другой – мужики. Совершенно случайно род Солженицыных зафиксирован даже документами 1698 года, когда предок Филипп пострадал от гнева Петра I... А прапрадеда за бунт сослали из Воронежской губернии на землю Кавказского войска.

Были Солженицыны обыкновенные ставропольские крестьяне: в Ставрополе до революции несколько пар быков и лошадей, десяток коров да двести овец никак не считались богатством. Большая семья, и работали все своими руками.

Мать была дочерью пастуха, пришедшего на Кубань из Таврии и ставшего здесь зажиточным хуторянином; после революции бывшие рабочие безвозмездно кормили его еще двенадцать лет, покуда он не был арестован и не погиб в годы коллективизации.

После средней школы Солженицын заканчивает в Ростове-на-Дону физико-математический факультет университета; с четвертого курса одновременно учится заочником в Московском институте философии и литературы. Не довершив в последнем обучения, уходит на войну, с 1943-го по 1945-й командует на фронте батареей, награжден орденами и медалями. В феврале 1945-го в звании капитана арестован из-за отслезенной в переписке критики Сталина и осужден на 8 лет, из которых полгода провел на следствии и пересылках, почти год – в лагере на Калужской заставе в Москве, около четырех – в тюремном НИИ и два с половиной самых трудных – на общих работах в политическом Особлаге. Затем был сослан в Казахстан «навечно»: однако рукотворная вечность продолжалась (лишь) три года, после чего определением военной коллегии Верховного суда СССР от 6 февраля 1957 года последовала реабилитация.

А.И. Солженицын

Рытье заключенными котлована под фундамент ТЭЦ. 1942

По реабилитации работал школьным учителем в Рязани. Вслед за публикацией в 11-м номере «Нового мира» за 1962 год рассказа «Один день Ивана Денисовича» принят в Союз писателей, но, кроме еще нескольких рассказов и одной статьи, все написанное вынужден был отдавать в самиздат или печатать за рубежом. В 1969 году из СП исключен, в 1970-м удостоен Нобелевской премии по литературе. В 1974-м в связи с выходом первого тома «Архипелага ГУЛАГ» насильственно изгнан на Запад. До 1976 года жил в Цюрихе, затем перебрался в американский штат Вермонт, природоу напоминающий среднюю полосу России.

Женат, у него трое детей – Ермолай, Игнат и Степан, в настоящее время помогающие отцу в историческом издательском труде.

Вернулся на родину из эмиграции в 1990 году.

Таков внешний перечень «личного дела»; но есть еще и стоящий за ним внутренний, сокрытый от поверхностного взгляда Путь.

«Хотя знакомство с русской историей могло бы давно отбить охоту искать какую-то руку справедливости, какой-то высший вселенский смысл в цепи русских бед, – я в своей жизни эту направляющую руку, этот очень светлый, не от меня зависящий смысл привык с тюремных лет ощущать. Броски моей жизни я не всегда управлялся понять вовремя, часто по слабости тела и духа понимал обратно их истинному и далеко рассчитанному значению. Но позже непременно разъяснялся мне истинный разум происшедшего – и я только немел от удивления. Многие в жизни я делал противоположно моей же главной поставленной цели, не понимая истинного пути, – и всегда меня поправляло Нечто. Это стало для меня так привычно, так надежно, что только и оставалось у меня задачи: правильней и быстрее понять каждое крупное событие моей жизни... Давно оправдался и мой арест, и моя смертельная болезнь, и многие личные события...»

А.И. Солженицын. По книге литературно-общественных воспоминаний «Бодался теленок с дубом»

1. Знакомы ли вам слова из нашей недавней истории: ГУЛАГ, Особлаг, самиздат? О чем они говорят?
2. На какие факты биографии Солженицына вы обратили внимание в первую очередь?
3. Как писатель разводит и соединяет свой внешний путь и Путь духовный?

Советуем прочитать:

1. Паламарчук П. Александр Солженицын. Жизнь и творчество. – М., 1991.
2. Чалмаев В. Александр Солженицын. – М., 1994.

Читаем и обсуждаем рассказ «Матренин двор»

Как вы можете объяснить следующий факт: при напечатании рассказа по требованию редакции в рассказе было изменено время действия – с 1956 года на 1953 год, дохрущевское время?

Вдумайтесь в название рассказа до его чтения. О чем оно вам говорит?

Известно, что первоначально рассказ назывался «Не стоит село без праведника», заголовок «Матренин двор» предложил Твардовский. О чем вам говорит эта информация?

Познакомьтесь с рассказом (в сокращении).

Матренин двор

На сто восемьдесят четвертом километре от Москвы по ветке, что идет к Мурому и Казани, еще с добрых полгода после того все поезда замедляли свой ход почти как бы до ошупи. Пассажиры льнули к стеклам, выходили в тамбур: чинят пути, что ли? из графика вышел?

Нет. Пройдя переезд, поезд опять набирал скорость, пассажиры усаживались.

Только машинисты знали и помнили, отчего это все.

Да я.

Летом 1956 года из пыльной горячей пустыни я возвращался наугад – просто в Россию. Ни в одной точке ее никто меня не ждал и не звал, потому что я задержался с возвратом годиков на десять. Мне просто хотелось в среднюю полосу – без жары, с лиственным рокотом леса. Мне хотелось затесаться и затеряться в самой внутренней России – если такая где-то была, жила.

За год до того по сю сторону Уральского хребта я мог наняться разве таскать носилки. Даже электриком на порядочное строительство меня бы не взяли. А меня тянуло – учительствовать. Говорили мне знающие люди, что нечего и на билет тратиться, впус- тую проезжу.

Но что-то начинало уже страгиваться. Когда я поднялся по лестнице Владимирского облоно и спросил, где отдел кадров, то с удивлением увидел, что кадры уже не сидели здесь за черной ко- жаной дверью, а за остекленной перегородкой, как в аптеке. Все же я подошел к окошечку робко, поклонился и попросил:

– Скажите, – не нужны ли вам математики где-нибудь подаль- ше от железной дороги? Я хочу поселиться там навсегда.

Каждую букву в моих документах перещупали, походили из ко- наты в комнату и куда-то звонили. Тоже и для них редкость была – все ведь просятся в город, да покрупней. И вдруг-таки дали мне местечко – Высокое Поле. От одного названия веселела душа. <...>

Ветром успокоения потянуло на меня от этих названий. Они обещали мне кондовую Россию.

И я попросил мою новую знакомую отвести меня после базара в Тальново и подыскать избу, где бы стать мне квартирантом.

Я оказался квартирантом выгодным: сверх платы сулила шко- ла за меня еще машину торфа на зиму. По лицу женщины прошли заботы уже не умильные. У самой у нее места не было (они с му- жем *воспитывали* ее престарелую мать), оттого она повела меня к одним своим родным и еще к другим. <...>

Так привыкли Матрена ко мне, а я к ней, и жили мы запросто. Не мешала она моим долгим вечерним занятиям, не досаждала никакими расспросами. До того отсутствовало в ней бабье любо- пытство или до того она была деликатна, что не спросила меня ни разу: был ли я когда женат? Все тальновские бабы приставали к ней – узнать обо мне. Она им отвечала:

– Вам нужно – вы и спрашивайте. Знаю одно – *дальний* он.

И когда нескоре я сам сказал ей, что много провел в тюрьме, она только молча покивала головой, как бы подозревала и раньше.

А я тоже видел Матрену сегодняшнюю, потерянную старуху, и тоже не бережил ее прошлого, да и не подозревал, чтоб там было что искать.

Знал я, что замуж Матрена вышла еще до революции, и сразу в эту избу, где мы жили теперь с ней, и сразу к *печке* (то есть не было в живых ни свекрови, ни старшей золовки незамужней, и с первого после брачного утра Матрена взялась за ухват). Знал, что детей у нее было шестеро и один за другим умирали все очень рано, так что двое сразу не жило. Потом была какая-то воспитанница Кира. А муж Матрены не вернулся с этой войны. Похоронного тоже не было. Односельчане, кто был с ним в роте, говорили, что либо в плен он попал, либо погиб, а только тела не нашли. За одиннадцать послевоенных лет решила и Матрена сама, что он не жив. И хорошо, что думала так. Хоть и был бы теперь он жив – так женат где-нибудь в Бразилии или в Австралии. И деревня Тальново, и язык русский изглаживаются из памяти его...

Раз, придя из школы, я застал в нашей избе гостя. Высокий черный старик, сняв на колени шапку, сидел на стуле, который Матрена выставила ему на середину комнаты, к печке-«голландке». Все лицо его облегал густые черные волосы, почти не тронутые сединой: с черной окладистой бородой сливались усы густые, черные, так что рот был виден едва; и непрерывные бакены черные, едва выказывая уши, поднимались к черным космам, свисавшим с темени; и еще широкие черные брови мостами были брошены друг другу навстречу. И только лоб уходил лысым куполом в лысую просторную маковку. Во всем облике старика показалось мне многознание и достоинство. Он сидел ровно, сложив руки на посохе, посох же отвесно уперев в пол, – сидел в положении терпеливого ожидания и, видно, мало разговаривал с Матреной, возившейся за перегородкой. <...>

Она поднялась с убогой тряпичной кровати и медленно выходила ко мне, как бы идя за своими словами. Я откинулся – и в первый раз совсем по-новому увидел Матрену.

Верхнего света не было в нашей большой комнате, как лесом заставленной фикусами. От настольной же лампы свет падал кругом только на мои тетради, – а по всей комнате глазам, оторвавшимся от света, казался полумрак с розовинкой. И из него выступала Матрена. И щеки ее померещились мне не желтыми, как всегда, а тоже с розовинкой.

– Он за меня первый сватался... раньше Ефима... Он был брат – старший... Мне было девятнадцать, Фаддею – двадцать три... Вот в этом самом доме они тогда жили. Ихний был дом. Ихним отцом строенный.

Я невольно оглянулся. Этот старый серый изгнивающий дом вдруг сквозь блекло-зеленую шкуру обоев, под которыми бегали мыши, проступил мне молодыми, еще не потемневшими тогда, стругаными бревнами и веселым смолистым запахом.

— И вы его?.. И что же?..

— В то лето... ходили мы с ним в рощу сидеть, — прошептала она. — Тут роща была, где теперь конный двор, вырубили ее... Без малого не вышла, Игнатич. Война германская началась. Взяли Фаддея на войну.

Она уронила это — и вспыхнул передо мной голубой, белый и желтый июль четырнадцатого года: еще мирное небо, плывущие облака и народ, кипящий со спелым жнивом. Я представил их рядом: смоляного богатыря с косой через спину; ее, румяную, обнявшую сноп. И — песню, песню под небом, какие давно уже отстала деревня петь, да и не споешь при механизмах.

— Пошел он на войну — пропал... Три года затаилась я, ждала. И ни весточки, и ни косточки...

Обвязанное старческим слинявшим платочком, смотрело на меня в не прямых мягких отсветах лампы круглое лицо Матрены — как будто освобожденное от морщин, от будничного небрежного наряда — испуганное, девичье, перед страшным выбором. <—>

И шли года, как плыла вода... В сорок первом не взяли на войну Фаддея из-за слепоты, зато Ефима взяли. И как старший брат в первую войну, так младший без вести исчез во вторую. Но этот вовсе не вернулся. Гнила и старела когда-то шумная, а теперь пустынная изба — и старела в ней беспритульная Матрена.

И попросила она у той второй, забитой, Матрены — чрева ее урывочек (или кровиночку Фаддея?) — младшую их девочку Киру.

Десять лет она воспитывала ее здесь как родную, вместо своих невыстоявших. И незадолго до меня выдала за молодого машиниста в Черусти. Только оттуда ей теперь и помощь сочилась: иногда сахарку, когда поросенка зарежут — сальца.

Страдая от недугов и чая недалекую смерть, тогда же объявила Матрена свою волю: отдельный сруб горницы, расположенный под общею с избой, после смерти ее отдать в наследство Кире. О самой избе она ничего не сказала. Еще три сестры ее метили получить эту избу.

Так в тот вечер открылась мне Матрена сполна. И, как это бывает, связь и смысл ее жизни, едва став мне видимыми, — в тех же днях пришли и в движение. Из Черустей приехала Кира, забеспокоился старик Фаддей: в Черустах, чтобы получить и удержать участок земли, надо было молодым поставить какое-нибудь строение. Шла для этого вполне матренина горница. А другого нечего было и поставить, неоткуда лесу взять. И не так сама Кира, и не

так муж ее, как за них старый Фаддей загорелся захватить этот участок в Черустах. <...>

Но в тот же день началась мятель – дýель, по-матрениному. Она кутила и кружила двое суток и замела дорогу непомерными сугробами. Потом, чуть дорогу умяли, прошел грузовик-другой – внезапно потеплело, в один день разом распустило, стали сырые туманы, журчали ручьи, прорывшиеся в снегу, и нога в сапоге увязала по все голенище.

Две недели не давалась трактору разломанная горница! Эти две недели Матрена ходила как потерянная. Оттого особенно ей было тяжело, что пришли три сестры ее, все дружно обругали ее душой за то, что горницу отдала, сказали, что видеть ее больше не хотят, – и ушли.

И в те же дни кошка колченогая сбрела со двора – и пропала. Одно к одному. Еще и это пришибло Матрену.

Наконец стаявшую дорогу прихватило морозом. Наступил солнечный день, и повеселело на душе. Матрене что-то доброе приснилось под тот день. С утра узнала она, что я хочу сфотографировать кого-нибудь за старинным ткацким станом (такие еще стояли в двух избах, на них ткали грубые половики), – и усмехнулась застенчиво:

– Да уж погоди, Игнатич, пару дней, вот горницу, бывает, отправлю – сложу свой стан, ведь цел у меня – и снимешь тогда. Ей-богу правда!

Видно, привлекало ее изобразить себя в старине. От красного морозного солнца чуть розовым залилось замороженное окошко сеней, теперь укороченных, – и грел этот отсвет лицо Матрены. У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей.

Перед сумерками, возвращаясь из школы, я увидел движение близ нашего дома. Большие новые тракторные сани были уже нагружены бревнами, но многое еще не поместилось – и семья деда Фаддея, и приглашенные помогать кончали сбивать еще одни сани, самодельные. Все работали, как безумные, в том ожесточении, какое бывает у людей, когда пахнет большими деньгами или ждут большого угощения. Кричали друг на друга, спорили.

Спор шел о том, как везти сани – порознь или вместе. Один сын Фаддея, хромой, и зять-машинист толковали, что сразу обои сани нельзя, трактор не утянет. Тракторист же, самоуверенный толстомордый здоровяга, хрипел, что ему видней, что он *водитель* и повезет сани вместе. Расчет его был ясен: по уговору машинист платил ему за перевоз горницы, а не за рейсы. Двух рейсов за ночь – по двадцать пять километров да один раз назад – он никак бы не сделал. А к утру ему надо было быть с трактором уже в гараже, откуда он увел его тайком для *левой*.

Старику Фаддею не терпелось сегодня же увезти всю горницу, и он кивнул своим уступить. Вторые, наспех сколоченные сани подцепили за крепкими первыми.

Матрена бегала среди мужчин, суетилась и помогала накатывать бревна на сани. Тут заметил я, что она в моей телогрейке, уже измазала рукава о льдистую грязь бревен, — и с неудовольствием сказал ей об этом. Телогрейка эта была мне память, она грела меня в тяжелые годы.

Так я в первый раз рассердился на Матрену Васильевну.

— Ой-ой-ойиньки, головушка бедная! — озадачилась она. — Ведь я ее бегма подхватила, да и забыла, что твоя. Прости, Игнатич. — И сняла, повесила сушиться.

Погрузка кончилась, и все, кто работал, человек до десяти мужчин, прогремели мимо моего стола и нырнули под занавеску в кухню. Оттуда глуховато застучали стаканы, иногда звякала бутылка, голоса становились все громче, похвальба — задорнее. Особенно хвастался тракторист. Тяжелый запах самогона докатился до меня. Но пили недолго — темнота заставляла спешить. Стали выходить. Самодовольный, с жестоким лицом вышел тракторист. Сопровождать сани до Черустей шли зять-машинист, хромой сын Фаддея и еще племянник один. Остальные расходились по домам. Фаддей, размахивая палкой, догонял кого-то, спешил что-то втолковать. Хромой сын задержался у моего стола закурить и вдруг заговорил, как любит он тетку Матрену, и что женился недавно, и вот сын у него родился только что. Тут ему крикнули, он ушел. За окном зарычал трактор.

Последней торопливо выскочила из-за перегородки Матрена.

<...>

И вдруг скрипнула наша калитка. Я быстро вышел на мосты:

— Матрена Васильевна?

В избу, пошатываясь, вошла ее подруга Маша:

— Матрена-то... Матрена-то наша, Игнатич...

Я усадил ее, и, мешая со слезами, она рассказала.

На переезде — горка, въезд крутой. Шлагбаума нет. С первыми санями трактор перевалил, а трос лопнул, и вторые сани, самодельные, на переезде застряли и разваливаться начали — Фаддей для них лесу хорошего не дал, для вторых саней. Отвезли чутки первые за вторыми вернулись, трос ладили — тракторист и сын Фаддея хромой, и туда же, меж трактором и санями понесло и Матрену. Что она там подсобить могла мужикам? Вечно она в мужичьи дела мешалась. И конь когда-то ее чуть в озере не сшиб, под прорубь. И зачем на переезд проклятый пошла? — отдала горницу, и весь ее долг, рассчиталась... Машинист все смотрел, чтобы

с Черустей поезд не нагрязнул, его б фонари далеко видать, а с другой стороны, от станции нашей, шли два паровоза сцепленных – без огней и задом. Почему без огней – неведомо, а когда паровоз задом идет машинисту с тендера сыплет в глаза пылью угольной, смотреть плохо. Налетели – и в мясо тех троих расплющили, кто между трактором и саниами. Трактор изувечили, сани в щепки, рельсы вздыбили, и паровоза оба набок. <...>

А первые сани, нагруженные, целые, так и стояли за переездом невдали.

И именно это – что одни сани дразнили, ждали с готовым тросом, а вторые еще можно было выхватывать из огня – именно это терзало душу чернобородого Фаддея всю пятницу и всю субботу. Дочь его трогалась разумом, над зятем висел суд, в собственном доме его лежал убитый им сын, на той же улице – убитая им женщина, которую он любил когда-то, – Фаддей только ненадолго приходил постоять у гробов, держась за бороду. Высокий лоб его был омрачен тяжелой думой, но дума эта была – спасти бревна горницы от огня и от козней матрениных сестер.

Перебрав тальновских, я понял, что Фаддей был в деревне такой не один.

Что до б р о м нашим, народным или моим, странно называет язык имущество наше. И его-то терять считается перед людьми постыдно и глупо.

Фаддей, не присаживаясь, метался то на поселок, то на станцию, от начальства к началству, и с неразгибающейся спиной, опираясь на посох, просил каждого снизойти к его старости и дать разрешение вернуть горницу.

И кто-то дал такое разрешение. И Фаддей собрал своих уцелевших сыновей, зятей и племянников, и достал лошадей в колхозе – и с того бока развороченного переезда, кружным путем через три деревни, обвозил остатки горницы к себе во двор. Он кончил это в ночь с субботы на воскресенье.

А в воскресенье днем – хоронили. Два гроба сошлись в середине деревни, родственники поспорили, какой гроб вперед. Потом поставили их на одни розвальни рядышком, тетю и племянника, и по февральскому вновь обсыревшему насту под пасмурным небом повезли покойников на церковное кладбище за две деревни от нас. Погода была ветреная, неприютная, и поп с дьяконом ждали в церкви, не вышли в Тальново навстречу. <...>

Фаддей не пришел на поминки Матрены – потому ли, что поминал сына. Но в ближайшие дни он два раза враждебно приходил в эту избу на переговоры с матрениными сестрами и с сапожником-дезертиром.

Спор шел об избе: кому она – сестре или приемной дочери. Уж дело упиралось писать в суд, но примирились, рассудя, что суд отдаст избу не тем и не другим, а сельсовету. Сделка состоялась. Козу забрала одна сестра, избу – сапожник с женою, а в зачет фаддеевой доли, что он «здесь каждое бревнышко своими руками перенячил», пошла уже свезенная горница, и еще уступили ему сарай, где жила коза, и весь внутренний забор, между двором и огородом.

И опять, преодолевая немощь и ломоту, оживился и помолодел ненасытный старик. Опять он собрал уцелевших сыновей и зятей, они разбирали сарай и забор, и он сам возил бревна на саночках <...>.

Все отзывы ее о Матрене были неодобрительны: и нечистоплотная она была; и за обзаводом не гналась; и не бережная; и даже поросенка не держала, выкармливать почему-то не любила; и, глупая, помогала чужим людям бесплатно (и самый повод вспомнить Матрену выпал – некого было дозвать огород вспахать на себе сохою).

И даже о сердечности и простоте Матрены, которые золовка за ней признавала, она говорила с презрительным сожалением.

И только тут – из этих неодобрительных отзывов золовки – выплыл передо мною образ Матрены, какой я не понимал ее, даже живя с нею бок о бок

В самом деле! – ведь поросенок-то в каждой избе! А у нее не было. Что может быть легче выкармливать жадного поросенка, ничего в мире не признающего, кроме еды! Трижды в день варить ему, жить для него – и потом зарезать и иметь сало.

А она не имела...

Не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни.

Не гналась за нарядами. За одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев.

Не понятая и брошенная даже мужем своим, схоронившая шесть детей, но не нрав свой общительный, чужая сестрам, золовкам, смешная, по-глупому работающая на других бесплатно, – она не скопила имущества к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы...

Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша.

1959

А

1. Прав ли Солженицын, называя отнюдь не идеальную Матрену праведницей? Каких известных вам героев русской литературы вы тоже назвали бы праведниками?

2. Почему праведницу Матрену не понимали ни муж, ни сестры, ни соседи? Каково отношение автора к своей героине?

3. В чем в первую очередь разные Фаддей и Матрена? Представьте, если бы на земле жили только праведники...

4. Кто виноват в судьбе Матрены? Сама она? Люди? Или власть? Проверьте, совпадает ли ваша точка зрения с авторской.

Б

5. Какие строчки рассказа вы бы назвали публицистичными? Почему автор так открыто формулирует собственную позицию?

6. Выпишите наиболее образные, афористичные высказывания Матрены. Почему автор выбирает народный язык для всего повествования, а не только для речи героини?

7. Известно, что рассказ «Матренин двор» – автобиографический: «Жизнь Матрены Васильевны Захаровой и ее смерть воспроизведены как были. Истинное название деревни – Мильцево Курловского района Владимирской области». В чем проявился автобиографический характер повествования? Почему все, написанное А. Солженицыным, в той или иной степени автобиографично?

8. Можно ли, на ваш взгляд, характер Матрены назвать русским национальным характером?

Критики о характере Матрены

До знакомства со взглядом современных критиков на характер Матрены запишите собственную оценку ее личности.

Найдите, в чем дополняют друг друга авторы, принадлежащие к разным национальным культурам:

У Матрены, «русской женщины» (вспомним Некрасова!), двойное призвание: она образец скромности, воздержности, и Солженицын видит в ней истинный смысл русской жизни, но вместе с тем она таит в себе трагедию. Трагично ее прошлое, исковерканное скотской грубостью мужчин. Трагичен ее конец: жадный деверь, который вырвал у нее «горницу, стоявшую без дела», и сделался, таким образом, косвенной причиной ее бессмысленной смерти на железнодорожном переезде, это само вечное буйство, эгоизм, хищность, которые обезображивают Россию и рушат «связи и смысл» Матрениной жизни.

Ж. Нива (французский исследователь)

Волнение Матрены во время воспоминаний о своем прошлом было настолько впечатляющим, что рассказчик как бы воочию видел ее и Фаддея молодыми. Оказывается, столько долгих лет грекло ее сердце это вспыхнувшее однажды и не погасшее чувство. А Фаддей? Ничто не дрогнуло в нем при виде мертвой Матрены. Сразу после похорон он заботится только о разделе ее имущества и не успокаивается до тех пор, пока не перевозит к себе домой на санках доставшиеся ему сарай и забор.

Почему же они такие разные – Фаддей и Матрена? В сострадательном и негодующем тоне рассказа как бы все время звучит этот вопрос. Ответ же заключен в самом сопоставлении героев: как бы тяжела и неотвратима ни была судьба, она только ярче проявляет меру человеческого в каждом из людей.

Л.А. Симакова

Сопоставьте собственную точку зрения с мнением критиков. В чем вы с ними совпали, в чем оказались оригинальны?

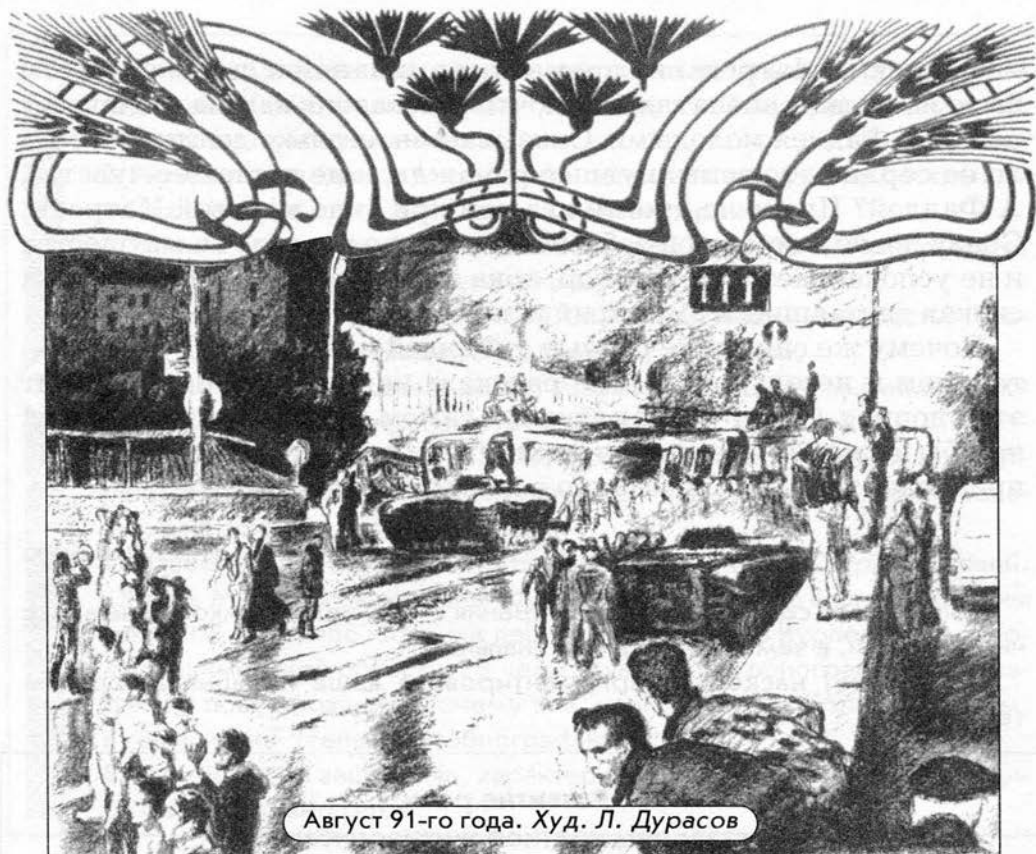
Проверьте, насколько аргументирована ваша позиция авторским текстом.

Развитие речи.

Составляем краткое жизнеописание

Напишите свое краткое жизнеописание. Напоминаем, что, в отличие от художественной автобиографии, вам нужно зафиксировать в нем все основные этапы своего жизненного пути и написать текст в публицистическом стиле.

Из литературы второй половины – конца XX века

Путешествие по истории русской литературы завершается – нам осталось перелистать страницы художественной прозы второй половины – конца XX века. Эти годы в литературном процессе действительно напоминают страницы...

40–50-е годы – появляется послевоенная проза («В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Звезда» Э. Казакевича и др.); вся страна читает рассказ М. Шолохова «Судьба человека».

60-е годы – «лирики» и «физики» спорят о смысле жизни и вечных ценностях. В ходу слова «урбанизация», «НТР» (научно-техническая революция)...

70-е годы – в официальной советской литературе идет активный поиск положительного героя; как выражение иной общественной позиции воспринимаются песни бардов, роман В. Богомолова «Момент истины» (1973), рассказы В. Шукшина...

И все эти годы существовала литература, написанная «в стол» (позднее, когда она дойдет до читателя, ее назовут возвращенной), литература диссидентов, запрещенная официально, но печатавшаяся на Западе, расхаживавшая в списках.

М. Шолохов

В. Шукшин

В. Распутин

80-е годы – годы перестройки, объявленных демократических свобод – все читают «толстые» журналы, обсуждают романы А. Рыбакова «Дети Арбата», В. Дудинцева «Белые одежды» и пр., повествующие о страшном времени в истории России. Однако интерес к чтению «на злобу дня» падает быстро.

В результате от этих лет в истории литературы осталось немного: «Пожар» В. Распутина (1985), «Печальный детектив» В. Астафьева (1986), возвращенные рассказы В. Тендрякова, В. Шаламова, роман В. Белова «Кануны» (1989), роман Б. Можая «Мужики и бабы», повесть Ф. Абрамова «Поездка в прошлое» (1989), романы В. Аксенова, удивительные книги С. Довлатова...

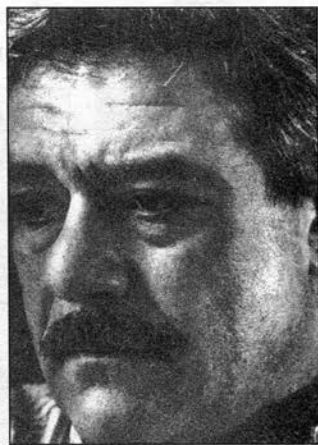
90-е годы – активный «пересмотр» советской классики. В это же время наблюдается приход в литературу «новой женской прозы». Женщины пишут философскую прозу, осваивают иронический детектив, несут в литературу новое содержание и язык...

В. Астафьев

В. Аксенов

С. Довлатов

В эти сложные годы яркие реалистические произведения создают В. Астафьев (роман «Прокляты и убиты», 1992–1994), рассказ «Людочка» (1997); В. Богомолов (повесть «В кригере», 1993); Юрий Бондарев (роман «Искушение», 1991), В. Маканин (повесть «Лаз», 1991)...

Реализм приобретает и новые формы: иногда он имеет гротескный (Ю. Поляков, А. Войнович), иногда – почти магический характер (Вл. Маканин).

Реалистическая проза не просто устояла в 90-е годы, годы высмеивания ее языка, гуманистических ценностей, но и продемонстрировала свою способность к развитию, обновлению. Свидетельством этого обновления стали и рассказы А. Солженицына «На изломах» (1996) и «Желябугские выселки» (1998), и роман бывшего диссидента Владимира Максимова «Кочевание до смерти» (1994), и роман Г. Владимова о Великой Отечественной войне «Генерал и его армия»...

К счастью, классика и все лучшие произведения многих десятилетий русской и советской литературы и сейчас работают над созиданием будущего. Еще только начинает свой путь к читателю Андрей Платонов, на очереди возвращение к молодым поколениям А.А. Фадеева и М. Горького, иное прочтение М.А. Шолохова, А.Т. Твардовского.

Растет и новая литература наших дней, конечно, растет, соприкасаясь с суровой, часто антиэстетической действительностью.

К чему же должен быть готов современный читатель? К непрерывному вечному обновлению литературы, к вечному движению и вечной незавершенности, утолению духовной жажды и новому желанию размышлять, спорить, соглашаться...

Обратитесь к «Указателю имен» и выпишите в хронологическом порядке имена русских и советских писателей XX века. Назовите тех, чьи произведения вы читали. Вспомните, с творчеством каких еще писателей прошлого века вы знакомы по нашим учебникам.

Подведем итоги нашей работы за год

1. На примере любого отрезка историко-литературного процесса покажите, как в русской литературе сочетаются стремление к обновлению и стремление к сбережению традиций, завоеванных классикой высот.

2. Поразмышляйте, почему литература как вид искусства вытесняется видео- и кинопродукцией? Есть ли, по-вашему, будущее у литературы?

3. Прочитайте стихотворение Д. Самойлова и найдите в нем упоминание знакомых литературных героев, писателей, исторических деятелей.

Свободный стих

В третьем тысячелетье
Автор повести
О позднем Предхиросимье
Позволит себе для спрессовки сюжета
Небольшие сдвиги во времени –
Лет на сто или на двести.

В его повести
Пушкин
Поедет во дворец
В серебристом автомобиле
С крепостным шофером Савельичем.

За креслом Петра Великого
Будет стоять
Седой арап Ганнибал –
Негатив постаревшего Пушкина.
Царь в лиловом кафтане
С брызнувшим из рукава
Голландским кружевом
Примет поэта, чтобы дать направление
Образу бунтовщика Пугачева.
Он предложит Пушкину
Виски с содовой,
И тот не откажется,
Несмотря на покашливание
Старого эфиопа.

«Что же ты, мин херц?» –
Скажет царь,
Пяля рыжий зрачок
И подергивая левой щекой.
– Вот мое последнее творение,
Государь, –
И Пушкин протянет Петру

Стихи, начинающиеся словами
«На берегу пустынных волн...»

Какие исторические «ошибки» вы заметили в тексте?

Объясните смысл заглавия стихотворения.

4. Прочитайте отрывок из басни И.А. Крылова «Лисица и Сурок»:

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой, —
А смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согресишь, не скажешь:
Что у него пушок на рыльце есть.

На близость этого текста к другим произведениям русской классической литературы впервые обратил внимание критик В.Г. Белинский.

Кто из героев русской литературы, на ваш взгляд, мог бы произнести этот монолог? Аргументируйте свой ответ.

5. Назовите вершинные произведения русской литературы, к которым, по-вашему, можно отнести понятие памятник.

Познакомьтесь с главой из книги К.И. Чуковского «Великое искусство» (в сокращении), в которой писатель размышляет о переводах памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве».

«Слово...» было переведено на русский язык сорок четыре или сорок пять раз – и всякий раз по-другому. В каждом из этих сорока пяти переводов отразились и личность переводчика со всеми ее индивидуальными качествами, и та эпоха, когда был создан перевод, так как каждый переводчик вносил в свою версию именно те элементы, которые составляли основу актуальной в то время эстетики.

Всякий новый перевод, таким образом, представлял собой новое искажение подлинника, обусловленное вкусами того социального слоя, к которому адресовался переводчик. То есть, иными словами, каждая эпоха давала переводчикам свой собственный рецепт отклонений от подлинника, и этого рецепта строго придерживались, причем их современникам именно в данных отклонениях и чудилось главное достоинство перевода.

Эпоха ложноклассицизма диктовала поэтам такие переводы «Плача Ярославны»:

Я горлицей сама к Дунаю полечу,
Бобровый свой рукав в Каяле омочу,

И раны оботру на Игорево м теле,
На бледном, может быть, и хладном уж доселе.

Перевод А. Палицына (1807)

Получались пышные александрийские вирши, явно предназначенные для декламации на театральных подмостках. Таким стихом писались «громогласные» трагедии Озерова, Княжнина, Сумарокова.

Эпоха романтизма потребовала, чтобы переводчик превратил «Плач Ярославны» в романс:

О, где ты, где ты, друг мой милый?
Где Ярославнин ясный свет?
Кто даст мне, грустной, быстры крылы
И легкой ласточки полет?

Перевод В. Загорского (1825)

Получился чувствительный романс для клавесина. Перевод так и назывался: «Ярославна. Романс».

В эпоху увлечения Гомером (вскоре после появления Гнедичской «Илиады») Ярославна принуждена была плакать гекзаметром:

Слышен глас Ярославны; пустынной кукушкой с утра
Кличет она: «Полечу, — говорит, — по Дунаю кукушкой,
Мой бобровый рукав омочу во Каяльские воды».

Перевод М. Де Ля-Рю (1839)

В эпоху распада той высокой поэтической культуры, которой была отмечена первая треть XIX века в России, «Плач Ярославны» снова зазвучал по-другому: ловким и звонким, но пустопо-рожным стихом, лишенным какой бы то ни было лирики:

«Я быстрее лесной голубки
По Дунаю полечу.
И рукав бобровой шубки
Я в Каяле обмочу».

Перевод Н. Гербеля (1854)

Как всегда бывает в таких эпигонских стихах, их механический ритм несколько не связан с их темой: вместо «Плача» получилась пляска.

В эпоху модернизма «Плач Ярославны» зазвучал дешевыми псевдододекадентскими ритмами:

Утренней зарею
Горлицей лесною

Стонет Ярославна на градской стене.
Стонет и рыдает,
Друга поминает,
Мечется и стонет в тяжком полусне.

Перевод Г. Вольского (1908)

Почему, сравнивая разные поэтические переводы «Слова...», К.И. Чуковский остановился именно на «Плаче Ярославны»?

Найдите, какие литературные эпохи и соответствующие им литературные направления выделяет К. Чуковский в истории русской литературы. Какие направления из известных вам не упоминаются в тексте?

Подумайте, как «Плач Ярославны» мог бы быть переведен в наше время. На вкусы какого социального слоя вы бы ориентировались, если бы сами выполняли перевод?

6. Вам знакомо стихотворение Пушкина «Памятник». Подобное же поэтическое завещание (подражание оде Горация «К Мельпомене») оставили и Ломоносов, и Державин.

Прочитайте поэтическое завещание Державина.

Памятник

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный.
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из неизвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить...

1795

Интересное задание нам подсказал критик Н.Г. Чернышевский.

Он заметил «Гораций говорит: «Я считаю себя достойным славы за то, что хорошо писал свои стихи». Державин заменяет это другим: «Я считаю себя достойным славы за то, что». Закончите фразу Чернышевского.

Продолжите ряд высказываний по образцу: «_____ (имя писателя) достоин славы за то, что».

7. Определите, когда примерно написано это стихотворение:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Проверьте себя: это последнее стихотворение Г.Р. Державина, написанное им за два дня до смерти. Почему оно звучит так современно?

Попробуйте найти, вспомнить поэтические строки, которые, на ваш взгляд, звучали бы как эпиграф к прочитанным вами в этом году страницам истории отечественной литературы.

8. Если вы относите себя к настоящим поклонникам художественной литературы, вам будет интересно постоянно следить за ее новинками.

В этом вам помогут Интернет-сайты «Интеллектуальный форум», «Круг чтения». А еще советуем регулярно бывать в виртуальном журнальном зале (электронной библиотеке современных литературных журналов России) по адресу: <http://magazines.russ.ru>

Если же вам нравятся литературные поиски и вас не пугают опыты пост-модернистов, вам будет интересен «Русский журнал» (www.russ.ru).

Осталось перевернуть последнюю страницу учебника, но наше литературное путешествие по реке времени на этом не заканчивается. Когда-то (еще в четвертом классе!) мы с вами путешествовали на машине времени в историю детской литературы, быстро перемещаясь в пространстве. А в 9-м классе мы не случайно предложили вам путешествие в воображаемой лодке по реке времени: хотелось медленно и вдумчиво перелистывать вместе с вами страницы истории отечественной литературы и сделать так, чтобы каждый из вас смог задержаться на своей странице.

Настала пора вам отправиться в путь по реке времени самостоятельно. Смотрите внимательно по сторонам и не забывайте, что любая книга создавалась при определенных исторических условиях автором – личностью с ярко выраженной индивидуальностью.

В добрый час и хороших вам книг!

*Рустэм Николаевич Бунеев,
Екатерина Валерьевна Бунеева,
Ольга Васильевна Чиндилова*

Словарь понятий и терминов

Акмеизм (от греч. акме – цветущая сила, высшая степень чего-либо) – одно из самых ярких поэтических течений в России начала XX века, во многом возникшее в недрах символизма и в противовес ему. Главное расхождение с символистами касалось литературных задач, акмеисты задались целью показать мир во всей его «вещности».

Анонимность (безымянность) – отсутствие указания имени или псевдонима автора произведения, характерна для большинства древнерусских литературных памятников, так как с точки зрения религиозной морали подписывать работы было не принято.

Апокрифы – предания, легенды о персонажах библейской истории, объявленные церковью неканоничными, т.е. недостоверными, и потому отвергаемыми.

Библейские жанры – эпические: повесть, притча, послание, проповедь, житие, родословие и др.; лирические: плач, гимн, молитва, псалом и др.

Вводный (вставной) эпизод – элемент композиции. Обычно имеет относительно законченный самостоятельный сюжет и собственную систему персонажей, не связанную с сюжетом и системой персонажей основного повествования.

Вечные образы – название персонажей, к которым постоянно обращаются писатели разных стран и эпох, поскольку эти персонажи имеют общечеловеческое вневременное значение.

Деталь художественная – выразительная подробность в произведении, несущая значительную смысловую, эмоциональную, идейную нагрузку (подробности быта, пейзажа, портрета, жеста, речи).

Диалектика души – изображение в литературе человеческого характера как проявления внутренних психологических противоречий между желаемым и возможным и т.п., причем сами противоречия оказываются основой развития характера.

Жития святых – повествования о жизни и подвижничестве людей, достигших христианского идеала – святости.

Идейность – выражение в произведении искусства мыслей о сущности показанных событий и характеров, которые могут быть переданы только или по преимуществу в художественных образах.

Имажинизм (от англ., франц. image – образ) – литературное течение, которое возникло в России в первое послереволюционное десятилетие. На первый план в эстетике имажинизма выдвигался образ «как таковой» и слово-метафора.

Историко-литературный процесс – это единство и взаимодействие стремления к обновлению, к выходу из сферы застывших, неполных представлений о мире и человеке и одновременно – стремления к сбережению традиций, устойчивости, завоеванных классикой высот.

Классицизм (от лат. classicus – образцовый) – художественное направление в искусстве и литературе, для которого характерны высокая гражданская тематика и строгое соблюдение определенных правил.

Классика – литературные произведения, идейная и художественная значимость которых сохраняется на протяжении длительного времени; произведения, оказывающие сильное эстетическое воздействие на каждое новое поколение читателей.

Конфликт художественный (от лат. conflictus – столкновение) – противоборство, противоречие между изображенными в произведении действующими

силами: героями, характерами и обстоятельствами, различными сторонами личности персонажей.

Критика (литературная) – одна из составных частей литературоведения, которая в основном оценивает современное состояние литературы, анализирует художественное произведение, исходя в первую очередь из задач, стоящих перед обществом на данном этапе его развития.

Литературное направление (течение) – объединяет писателей, связанных общностью идейно-эстетических позиций.

Литературный процесс – историческое существование литературы в ее развитии, во взаимодействии литературных явлений и в восприятии читателей.

Литературный тип – художественный образ, в котором воплощены наиболее характерные, общественно значимые, существенные для той или иной среды, эпохи черты, особенности личности (тип «лишнего человека», тип «маленького человека» и др.).

Литературоведение – наука о художественной литературе, ее происхождении, сущности и развитии. Различают три главные составные части литературоведения: история литературы, теория литературы, литературная критика.

Лирические отступления – форма авторской речи, слово автора – повествователя, отвлекающегося от сюжета для комментирования и оценки событий или по другим поводам, прямо не связанным с действием произведения.

Модернизм (от франц. *moderne* – новейший, современный) – философско-эстетическое течение в литературе и искусстве конца XIX – XX века, общее название совокупности литературных направлений и течений, в которых предпринимались попытки отразить новые общественные и психологические явления новыми художественными средствами.

Молитва – лирический жанр: стихотворение, написанное на религиозные сюжеты или с использованием религиозных мотивов.

Мотив – устойчивый формально-содержательный компонент литературного текста.

Народность – идейно-художественное качество литературного произведения, связанное с проявлением в нем духовных интересов широких слоев общества, его традиций, идеалов. «Истинная народность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа» (Н.В. Гоголь).

«Натуральная школа» – наименование течения в русской реалистической литературе 40–50-х годов XIX века, которое развивало отдельные принципы творчества Н.В. Гоголя (художественный анализ социальных проблем, реалистическая точность изображения жизни) и культивировало такие жанры, как роман (А.И. Гончаров, Ф.М. Достоевский, А.И. Герцен), повесть (М.Е. Салтыков-Щедрин, Д.Д. Григорович) и «физиологический очерк» (В.И. Даль, И.И. Панаев, Н.А. Некрасов). Теоретическое обоснование «школы» дал В.Г. Белинский.

Новаторство – обогащение литературы новыми художественными открытиями, естественно дополняющими национальную литературную традицию и оказывающими влияние на дальнейшее развитие литературного творчества.

Ода – стихотворение возвышенного содержания, в котором торжественно прославляется какое-либо важное событие, выдающийся общественный деятель, замечательное явление природы.

Очерк – небольшое литературное произведение, в основе которого лежит воспроизведение реальных фактов, событий, лиц, увиденных автором непосредственно в самой жизни.

Палеография – наука, определяющая по своеобразию начертания букв, особенностям почерка, характеру писчего материала, водяным знакам на бумаге, орнаменту и пр. время создания рукописи и количество писцов, работавших над ней.

Патриотизм – проявление гордости и любви авторов к родной земле.

Пафос – эмоциональное звучание, эмоциональный настрой произведения.

Позиция автора – проявление в произведении оценок изображаемых писателем явлений жизни, его социально-политических, нравственных, эстетических взглядов, идеалов.

Послание – литературный жанр: стихотворное письмо.

Постмодернизм – явления искусства, лишённые «единой программы», но отличающиеся вниманием к способу выражения мыслей через язык, своеобразную форму, придающие большое значение условности, смешению различных стилей.

Поэма – крупное стихотворное произведение с повествовательным или лирическим сюжетом.

Рассказ – небольшое по объёму изображённых явлений повествовательное произведение.

Реализм (от позднелат. *realis* – вещественный, действительный) – художественное направление в искусстве и литературе, в центре внимания которого находятся факты, события, люди, закономерности, соответствующие реальной жизни.

Реализм критический – тип реализма, сложившийся в XIX веке, по-новому изображающий отношение человека к окружающей среде, когда человеческий характер раскрывается в связи с социальными обстоятельствами.

Романтизм – художественное направление в искусстве и литературе, для которого характерны особый интерес к личности, ее духовному миру, окружающей среде, стремление уйти от неудовлетворяющей действительности и создать свой вымышленный образ мира.

Свободный стих (*верлибр*) – стихи, строки которых связаны интонационными, графическими и синтаксическими средствами, при этом количество слогов и ударений в строке может быть разным, у ударений нет постоянного места.

Сентиментализм (от англ. *sentimental* – чувствительный) – художественное направление в искусстве и литературе, в котором доминантой личности объявлялись чувства, а не разум.

Силлабо-тоническое стихосложение – стихи с равным количеством слогов и ударений в строке, с постоянным местом ударных слогов.

Символизм (от греч. *symbolon* – знак, символ) – литературное направление конца XIX – начала XX века. Возник во Франции как протест против действительности, общепринятой философии, культуры, искусства. Символисты поставили перед собой задачу интуитивного постижения мирового единства. В основе концепции символизма лежит убежденность в способности поэта постигать абсолютные основы языка мира и выражать их особыми средствами. При этом поэтический символ рассматривался как более действенной, чем собственно образ, художественное орудие, помогающее «прорваться» сквозь покров повседневности к идеальной сущности мира.

Стиль (в литературе) – единство всех элементов художественной формы произведения, выраженной средствами языка (стиль произведения, стиль писателя, стиль эпохи, стиль литературного направления и пр.).

Стихотворения в прозе – лирические произведения в прозаической форме.

Текстология – наука, изучающая язык разных редакций рукописей, устанавливающая место и время их написания, определяющая соответствие текста авторскому замыслу.

Типизация – отбор и художественное осмысление характерных черт, явлений реальной жизни в процессе создания художественных образов.

Трагедия – драматический жанр, произведение, в котором изображаются сильные личности, столкновение героя с непреодолимыми обстоятельствами, в результате которого он гибнет или терпит поражение.

Традиция (литературная) – усвоение опыта, творческих принципов литературных предшественников их последователями.

Условность – принцип художественной изобразительности, обозначающий нетождественность художественного образа объекту воспроизведения.

Футуризм (от лат. futurum – будущее) – одно из основных авангардистских литературных течений в европейском искусстве начала XX века. Футуристы прокламировали полный разрыв с традиционной культурой, утверждая новую эстетику. В основе эстетической программы футуристов лежала утопическая мечта о сверхискусстве, способном преобразить мир.

Художественная литература – вид искусства, отражающий жизнь при помощи слова.

Художественный мир – вымышленная реальность, существующая в пределах конкретного художественного произведения по законам, заданным творческой фантазией автора.

Церковная (духовная) литература – литература, содержащая, по мнению деятелей церкви, непреходящие ценности религии.

Элегия – грустное лирическое стихотворение, содержащее, как правило, философские размышления, раздумья, воспоминания.

Эпиграмма – короткое сатирическое стихотворение.

Эпитафия – надгробная надпись, преимущественно стихотворная.

Указатель имен

- Аввакум** (1620 или 1621–1682) – глава и идеолог русского церковного раскола; писатель, автор «Жития протопопа Аввакума».
- Аксаков Константин Сергеевич** (1817–1860) – поэт и публицист.
- Александр I** (1777–1825) – российский император (с 1801).
- Александр II** (1818–1881) – российский император (с 1855).
- Александр III** (1845–1894) – российский император (с 1881).
- Андреев Леонид Николаевич** (1871–1919) – писатель.
- Андроников (Андроникашвили) Ираклий Луарсабович** (1908–1990) – литературовед.
- Апухтин Алексей Николаевич** (1840–1893) – поэт, беллетрист.
- Ахматова (Горенко) Анна Андреевна** (1889–1966) – поэтесса.
- Байрон Джордж Ноэл Гордон** (1788–1824) – английский поэт-романтик.
- Бакунин Александр Павлович** (1799–1862) – лицейский товарищ А.С. Пушкина.
- Бакунина Екатерина Павловна** (1795–1869) – сестра А.П. Бакунина, юношеская любовь А.С. Пушкина.
- Бальмонт Константин Дмитриевич** (1867–1942) – поэт-символист.
- Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович** (1800–1844) – поэт.
- Батюшков Константин Николаевич** (1787–1855) – поэт.
- Бекетов Андрей Николаевич** (1825–1902) – ученый-ботаник, профессор и ректор Петербургского университета.
- Белинский Виссарион Григорьевич** (1811–1848) – литературный критик.
- Белов Василий Иванович** (род. в 1932 г.) – писатель.
- Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич)** (1880–1934) – поэт и прозаик.
- Бенедиктов Владимир Григорьевич** (1807–1873) – поэт.
- Бенкендорф Александр Христофорович** (1781 или 1783 – 1844) – шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения императорской канцелярии.
- Бестужев (Марлинский) Александр Александрович** (1797–1837) – писатель, декабрист.
- Битов Андрей Георгиевич** (род. 1937) – писатель.
- Блок Александр Александрович** (1880 – 1921) – поэт.
- Блок Любовь Дмитриевна** (1881–1939) – жена поэта А. Блока, дочь Д.И. Менделеева.
- Брюсов Валерий Яковлевич** (1873–1924) – поэт, основоположник русского символизма.
- Буало Никола́** (1636–1711) – французский поэт, теоретик классицизма.
- Булгаков Михаил Афанасьевич** (1891–1940) – писатель.
- Булгарин Фаддей Венедиктович** (1789–1859) – писатель и журналист.
- Бунин Иван Алексеевич** (1870–1953) – поэт, писатель, лауреат Нобелевской премии.
- Бурлюк Давид Давидович** (1882–1967) – поэт и художник; один из основателей русского футуризма.
- Вайль Петр** (род. 1949) – писатель, критик.
- Владимир II Мономах** (1053–1125) – Великий князь киевский (с 1113).
- Воронцов Михаил Семенович** (1782–1856) – новороссийский генерал-губернатор.
- Воронцова Елизавета Ксавьеревна** (1792–1880) – жена М.С. Воронцова, адресат лирики Пушкина.

Высоцкий Владимир Семенович (1938–1980) – поэт, актер, автор и исполнитель песен.

Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) – поэт и критик, друг А.С. Пушкина.

Ганнибал Абрам Петрович (ок. 1697–1781) – прадед А.С. Пушкина.

Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888) – писатель.

Герцен Александр Иванович (1812–1870) – писатель, публицист.

Генис Александр (род. 1953) – писатель, критик.

Гиппиус (Мережковская) Зинаида Николаевна (1869–1945) – поэтесса, идеолог символизма.

Глинка Михаил Иванович (1804–1857) – композитор.

Гнедич Петр Петрович (1855–1925) – писатель, переводчик.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) – писатель.

Гомер – легендарный древнегреческий поэт.

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868–1936) – писатель.

Греч Николай Иванович (1787–1867) – писатель, журналист.

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) – писатель, дипломат.

Григорovich Дмитрий Васильевич (1822–1899/1900) – писатель.

Григорьев Аполлон Александрович (1822–1864) – поэт и литературный критик.

Гончаров Иван Александрович (1812–1891) – писатель.

Гроссман Леонид Петрович (1888–1965) – литературовед и писатель.

Гуковский Григорий Александрович (1902 – 1950) – литературовед.

Гумилев Николай Степанович (1886–1921) – поэт.

Давыдов Денис Васильевич (1784–1839) – поэт и военный писатель.

Даль Владимир Иванович (1801–1872) – ученый-диалектолог, этнограф, писатель.

Дантес Жорж Шарль (барон Геккерен) (1812–1895) – французский офицер, смертельно ранивший А.С. Пушкина на дуэли.

Дельвиг Антон Антонович (1798–1831) – поэт; друг А.С. Пушкина.

Державин Гаврила Романович (1743–1816) – поэт.

Добролюбов Николай Александрович (1836–1861) – литературный критик.

Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957) – художник.

Долинина Наталья Григорьевна (1928–1979) – педагог, литературовед.

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – писатель.

Екатерина II (1729–1796) – императрица (с 1762).

Елизавета Петровна (1709–1761/62) – императрица (с 1741).

Ермолов Алексей Петрович (1777–1861) – генерал, главнокомандующий русскими войсками на Кавказе.

Есенин Сергей Александрович (1895–1925) – поэт.

Завадовский Петр Васильевич (1739–1812) – государственный деятель, председатель Комиссии по составлению законов.

Зоценко Михаил Михайлович (1894–1958) – писатель.

Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971) – литературовед.

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – поэт.

Капнист Василий Васильевич (1758–1823) – поэт, драматург.

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – писатель, историк.

Каратыгин Василий Андреевич (1802–1853) – актер Александринского театра в Санкт-Петербурге, трагик.

Качалов (Шверубович) Василий Иванович (1875–1948) – актер МХТ.
Крылов Иван Андреевич (1769–1844) – писатель, баснописец.
Куницын Александр Петрович (1783–1840) – преподаватель Царскосельского лицея.

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797–1846) – поэт, декабрист.

Лакшин Владимир Яковлевич (1933–1993) – литературовед.
Лансере Евгений Евгеньевич (1875–1946) – график и живописец.
Левитан Исаак Ильич (1860–1900) – художник.
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – поэт, писатель.
Лесков Николай Семенович (1831–1895) – писатель.
Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999) – литературовед, общественный деятель.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – поэт, ученый.

Лотман Юрий Михайлович (1922–1993) – литературовед, пушкинист.

Майков Аполлон Николаевич (1821–1897) – поэт.

Малиновский Иван Васильевич (1796–1873) – лицейский товарищ А.С. Пушкина.

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852–1912) – писатель.

Матюшкин Федор Федорович (1799–1872) – мореплаватель, лицейский друг А.С. Пушкина.

Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930) – поэт, драматург.

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) – театральный режиссер.

Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) – ученый-химик.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941) – писатель, философ.

Мочалов Павел Степанович (1800–1848) – актер.

Набоков Владимир Владимирович (1899–1977) – писатель.

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877/78) – поэт.

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858–1943) – театральный режиссер.

Никитин Иван Саввич (1824–1861) – поэт.

Николай I (1796–1855) – российский император (с 1825).

Николай II (1868–1918) – российский император (с 1894 по 1917 г.).

Новиков Николай Иванович (1744–1818) – писатель, журналист.

Островский Александр Николаевич (1823–1886) – драматург.

Паскевич Иван Федорович (1782–1856) – генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русскими войсками на Кавказе.

Пестель Павел Иванович (1793–1826) – декабрист.

Петр I Великий (1672–1725) – царь (с 1689), император (с 1721).

Петрашевский Михаил Васильевич (1821–1866) – публицист, организатор кружка, пропагандировавшего идеи социалистов-утопистов.

Платонов Андрей Платонович (1899–1951) – писатель.

Пнин Иван Петрович (1773–1805) – писатель, общественный деятель.

Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742–1775) – предводитель Крестьянского восстания 1773–1775 гг.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – поэт, писатель.

Пушкин Василий Львович (1770–1830) – дядя А.С. Пушкина, поэт.

Пушкин Сергей Львович (1770–1840) – отец А.С. Пушкина.

Пушкина Надежда Осиповна (урожд. Ганнибал) (1775–1836) – мать А.С. Пушкина.

- Пушкина Наталья Николаевна** (урожд. Гончарова, во втором браке Ланская) (1812–1863) – жена А.С. Пушкина.
- Пуцин Иван Иванович** (1798–1859) – декабрист, лицейский друг А.С. Пушкина.
- Репин Илья Ефимович** (1844–1930) – художник.
- Рубцов Николай Михайлович** (1936–1971) – поэт.
- Салтыков-Щедрин (Салтыков) Михаил Евграфович** (1826–1889) – писатель-сатирик.
- Самарин Иван Васильевич** (1817–1885) – актер.
- Скатов Николай Николаевич** (род. в 1931 г.) – литературовед.
- Солженицын Александр Исаевич** (1918–2008) – писатель, публицист, лауреат Нобелевской премии.
- Солоухин Владимир Алексеевич** (1924–1997) – писатель.
- Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич** (1863–1938) – театральный режиссер.
- Столыпин Петр Аркадьевич** (1862–1911) – министр внутренних дел и председатель Совета министров.
- Сумароков Александр Петрович** (1717–1777) – поэт и драматург.
- Суриков Иван Захарович** (1841–1880) – поэт.
- Твардовский Александр Трифонович** (1910–1971) – поэт.
- Тендряков Владимир Федорович** (1923–1984) – писатель.
- Тихонов Николай Семенович** (1896–1979) – поэт.
- Толстой Лев Николаевич** (1828–1910) – писатель.
- Тургенев Александр Иванович** (1784–1845) – общественный деятель, историк.
- Тургенев Иван Сергеевич** (1818–1883) – писатель.
- Тургенев Николай Иванович** (1789–1871) – декабрист, один из учредителей «Союза благоденствия».
- Тургенев Сергей Иванович** (1790–1827) – брат А.И. и Н.И. Тургеневых, дипломат.
- Тютчев Федор Иванович** (1803–1873) – поэт.
- Успенский Глеб Иванович** (1843–1902) – писатель.
- Херасков Михаил Матвеевич** (1733–1807) – писатель.
- Ходасевич Владимир Фелицианович** (1886–1939) – поэт.
- Цветаева Марина Ивановна** (1892–1941) – поэтесса.
- Чаадаев Петр Яковлевич** (1794–1856) – философ.
- Чайковский Петр Ильич** (1840–1893) – композитор.
- Чивилихин Владимир Алексеевич** (1928–1984) – писатель.
- Чехов Антон Павлович** (1860–1904) – писатель.
- Чуковский Корней Иванович (Николай Васильевич Корнейчуков)** (1882–1969) – писатель, литературовед.
- Шаламов Варлам Тихонович** (1907–1982) – писатель.
- Шанский Николай Максимович** (1922–2005) – ученый-лингвист.
- Шергин Борис Викторович** (1893–1973) – писатель.
- Шиллер Иоганн Фридрих** (1759–1805) – немецкий поэт, драматург.
- Шишков Александр Семенович** (1754–1841) – писатель, президент Российской академии, основатель общества «Беседа любителей русского слова».
- Шолохов Михаил Александрович** (1905–1984) – писатель, лауреат Нобелевской премии.

Шувалов Иван Иванович (1727–1797) – государственный деятель, фаворит Елизаветы Петровны.

Шукшин Василий Макарович (1929–1974) – писатель, киноактер, кинорежиссер.

Щепкин Михаил Семенович (1788–1863) – актер.

Энгельгардт Егор Антонович (1775–1862) – директор Царскосельского лицея.

Языков Николай Михайлович (1803–1846/47) – поэт.

Яблочкина Александра Александровна (1866–1964) – актриса.

Памятки к работам по развитию речи

Памятка 1

Примерная структура устного рассуждения

Введение.

Сообщение темы.

Постановка цели выступления.

Обоснование актуальности темы.

Общий обзор основных пунктов главной части.

Главная часть.

Доказательства. Доводы. Детали.

Заключение.

Заключительные утверждения.

Завершающие замечания.

Памятка 2

Подготовка развернутого ответа на вопрос

Развернутый ответ на вопрос содержит две части:

- 1) прямой, точный ответ, сформулированный в виде одного предложения;
- 2) его мотивировка, состоящая из нескольких предложений:
 - доказательств (аргументов);
 - контраргументов;
 - членение целого на части.

Далее необходимо подвести итоги, сформулировать краткие выводы, «собрать» перечисленные характеристики романтизма.

Памятка 3

Подготовка развернутой аннотации

Возможные структурные компоненты развернутой аннотации:

1. Сведения об авторе и его творчестве.
 2. Характеристика структуры произведения.
 3. Характеристика периода истории, которому посвящено произведение (или когда создавалось произведение).
 4. Краткий пересказ сюжета, композиции.
 5. Краткая характеристика главных героев.
 6. Место произведения в ряду подобных.
 7. Языковые особенности произведения.
 8. Оценка произведения критиками.
 9. Адресат произведения.
 10. Область знания (искусства, жизни вообще), с которой связано содержание произведения.
 11. Цели автора.
 12. Значимость для читателя (что узнает, переживает и т.д. читатель, ознакомившись с произведением).
 13. Характеристика выводов, результатов, итогов, к которым пришел автор.
 14. Общая оценка произведения.
 15. Общие сведения о произведении.
 16. Сведения типа примечаний.
- При подготовке краткой аннотации раскрывается содержание 4–5 самых важных компонентов.

Памятка 4

Подготовка доклада

1. Сбор материалов на выбранную тему.
 2. Их систематизация, определение последовательности изложения материала в докладе:
 - во вступлении обосновывается выбор темы, подчеркивается ее значимость, актуальность;
 - в заключении подводятся общие итоги.
- Желательно указать, какая литература использована при подготовке доклада.

Памятка 5

Составление конспекта

Конспект – краткое, связанное изложение содержания книги или какой-либо ее части.

Последовательность работы над конспектом:

- 1) деление текста на смысловые части;
- 2) выделение главного в каждой части (сворачивание информации);
- 3) запись.

Конспект допускает использование такого способа цитирования, как включение в собственную речь отдельных авторских слов, выражений, предложений.

Памятка 6

Составление речевой характеристики драматического произведения

1. Обзор содержания высказываний (о чем говорит?).
2. Перечисление стилевых особенностей речи (какие языковые стили использует в речи).
3. Характеристика индивидуальных особенностей речи.
4. Характеристика эмоциональной выразительности речи.
5. Вывод о том, как речь характеризует личность героя.

Памятка 7

Написание сочинения-рассуждения на литературную тему

1. Анализ темы: толкование слов-понятий, выделение ключевых слов, написание над способом формулирования темы.

Тема сочинения может быть сформулирована как утверждение, как вопрос, как понятие (дается лишь общее указание на главную идею сочинения).

2. Формулировка вопроса к теме и запись тезиса, ответа-суждения (главного смысла сочинения).

3. Подбор аргументов, составление рабочего плана основной части.

4. Написание вступления (возможно и сочинение без вступления).

Вступления к сочинениям на литературную тему условно делятся на:

- историческое (показывается знание и понимание историко-литературного процесса, теории литературы);
- биографическое (указываются предшественники автора, показывается знание текстов, биографии автора, его творческого пути);
- аналитическое (проводится анализ темы, на основе которого определяются подходы к ее раскрытию);

– лирическое (своего рода эмоциональный зачин).

Рекомендации по написанию вступления:

– содержание темы разворачивается последовательно, чаще анализ начинается со второй части темы – ремы;

– используется цепная связь высказываний, от первой фразы до «риторического вопроса», утверждения или перечисление, когда во вступлении изложен план основной части;

– во вступлении должны быть употреблены все слова, которые есть в названии темы;

– небольшой объем вводной части – примерно 5–8 предложений.

6. Написание заключения (4–5 предложений). Заключение лучше начинать с первой части темы, следует упомянуть из темы хотя бы 1–2 слова. В заключении уместно конкретное произведение «вписать» в какую-либо литературную традицию, связать творчество писателя с эпохой, обозначить его предшественников и последователей. Информация должна говорить о вашей начитанности, реальных знаниях, не сводите ее к простому перечислению имен, названий, не ограничивайтесь общими фразами. Чаще всего заключение строится по принципу цепочки: от основной мысли к заключительной цитате, обобщающему предложению.

Вступление и заключение должны быть связаны между собой и по содержанию, и по стилю.

Памятка 8

Подготовка дословного пересказа

1. Перечитайте текст. Определите основное информативное содержание текста (О чем? Какая информация содержится? Как строится текст? О чем говорится в каждой части? и т.д.).

2. Сформулируйте основную мысль (главную задачу) текста. Проверьте, все ли новые понятия, ключевые слова и словосочетания вы выделили в тексте. Выпишите их.

3. Выделите конструкции, предложения, несущие наибольшую смысловую нагрузку. Выпишите их.

4. Сформулируйте вопросы ко всем частям (абзацам) текста.

5. Составьте графическую схему (вопросный план), отражающую основное содержание текста.

6. Используя опоры, запишите свой вариант текста.

7. Сравните свой вариант текста с авторским. Подчеркните все искажения, замены, обозначьте пропуски. Подумайте, насколько эти изменения искажают основное информативное содержание текста.

8. Выпишите слова и словосочетания, необходимые для восстановления авторского текста.

Памятка 9

Примерная схема анализа стихотворения

1. Каково ваше общее впечатление от стихотворения? Как оно звучит, на какой лад настраивает читателя?

2. О чем это стихотворение? В каком значении употребляется автором слово «ангел»?

3. Перечитайте стихотворение, определите его жанр, выделите жанровые особенности.

4. Проследите развитие (движение) авторской мысли в стихотворении. Выделите – в зависимости от ключевого образа, эмоционального тона – основные композиционные части.

5. Последовательно рассмотрите лексический строй, изобразительно-выразительные средства, синтаксис и ритмико-интонационную структуру каждой части стихотворения в их соотношении между собой. Подумайте, какими способами выражается авторская мысль. Обратите внимание на звуковую организацию стихотворения, его музыкальность; слова-антонимы в начале и конце стихотворения; инверсию в последнем предложении; возвышенную архаичную лексику.

Помните: особую смысловую нагрузку в стихотворении могут нести такие элементы:

- синтаксис стиха (синтаксический параллелизм, инверсия, знаки препинания и др.);

- тропы (метафора, эпитет, сравнение, гиперболы, олицетворение, оксюморон и др.);

- смысловые фигуры (повтор, анафора, антитеза, восклицание, обращение, вопрос, умолчание, риторический оборот и др.);

- лексика (многозначность слова, синонимы, омонимы, архаизмы, историзмы, иноязычные элементы, неологизмы и др.);

- цветовая организация стиха;

- звуковая организация стиха (звукопись, звукоподражание и др.);

- использование различных частей речи, союзов и местоимений;

- стиховые элементы (ритм, рифма, стихотворный размер, длина стиха);

- графика стиха (форма записи стиха) и др.

6. Сформулируйте главную мысль стихотворения.

7. Расскажите о творческой истории стихотворения.

8. Подведите общий итог. Дайте свою оценку стихотворения, определите его ценность для вас как читателя.

Список иллюстраций

Книга 1

- С. 6 – Рождественский собор. Суздаль.
С. 20– 43 – В оформлении главы «Слово о полку Игореве» использованы иллюстрации В.А. Фаворского.
С. 50 – Дорцовая набережная в Петербурге. *Рисунок Х. Марселиуса 1725 года.*
С. 118 – Царскосельский парк. *Литография А.Е. Мартынова. 1821–1822.*
С. 202 – 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади (фрагмент). *Акварель К.И. Кольмана. 1830-е годы.*
С. 223 – Михайловский замок со стороны набережной Фонтанки (фрагмент). *Акварель Б. Патерсена. 1801.*
С. 269 – Павловский парк.

Книга 2

- С. 30 – Иллюстрации к произведениям А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: сверху слева – *худ. В.В. Гельмерсен*, внизу слева – *худ. Н.В. Кузьмин*; А.С. Грибоедова «Горе от ума»: сверху справа – *худ. П. Соколов*, внизу справа – *худ. Д.Н. Кардовский.*
С. 32 – Петербург. Невский проспект. *Литография. 30-е годы XIX века.*
С. 42, 59, 65 – Иллюстрации к пьесам А.Н. Островского. *Худ. О.Б. Рытман.*
С. 68 – Грачи прилетели. *Худ. А.К. Саврасов.*
С. 70 – Беседка в парке. *Неизвестный художник. Первая половина XIX века.*
С. 74 – Отдых. *Этюд И. Репина. 1882.*
С. 75 – (сверху) Ветка сирени и канарейка. *Худ. Ф. Толстой. 1819.*
С. 75 – (внизу) У окна в лунную ночь. *Худ. Ф. Толстой. 1822.*
С. 77 – Портрет Н.А. Некрасова. *Гравюра И.П. Пожалостина с портрета работы И.Н. Крамского. 1878.*
С. 81 – Паломник. *Этюд И. Репина. 1881 (внизу).*
С. 126 – Гравюра на дереве. *Худ. Н. Побединская.*
С. 130 – Петербург. Невский проспект. *Конец XIX века. Открытка.*
С. 160 – Чернышев мост. *Худ. М. Добужинский. 1881.*
С. 165 – Казнь. После 1905 года. *Худ. П.Н. Филонов. 1913*
С. 191 – Рисунок художника Н. Долгорукова.
С. 192 – Иллюстрация к стихотворению А.А. Блока «О доблестях, о подвигах, о славе...». *Худ. Г. Траугот.*
С. 194 – (сверху) Иллюстрация к стихотворению А.А. Блока «Балаганчик». *Худ. Н. Дмитриевский.*
С. 194 – (внизу) Золотая осень (фрагмент). *Худ. И.И. Левитан. 1896.*
С. 196 – (сверху) Портрет А.А. Блока. *Худ. К.А. Сомов. 1907;* (в середине) афиша вечера А.А. Блока в Большом драматическом театре в Петрограде.
С. 196 – (внизу) Обложка первого издания стихотворения «Сергею Есенину». 1926.
С. 215 – Играй, мой баян... (фрагмент открытки). *Худ. В. Орлов. 1943.*
С. 216 – Слава городам-героям! (фрагмент открытки). *Худ. В. Федотов. 1945.*
С. 217 – И кто его знает... (фрагмент открытки). *Худ. И. Кулешов. 1943.*
С. 218 – С Новым годом! (фрагмент открытки). *Худ. П. Мальцев. 1945.*

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Васильевич Гоголь	3
Читаем поэму «Мертвые души»	13
Русская критика о Чичикове	23
<i>Развитие речи. Сочинение в жанре путешествия</i>	28
Подведем итоги	29
Путешествие 4. Вершины художественной литературы середины XIX века	32
Александр Николаевич Островский	37
Читаем и обсуждаем комедию «Свои люди – сочтемся»	41
Русская критика о значении комедий А.Н. Островского	62
<i>Развитие речи. Воссоздание текста по опоре</i>	65
<i>Страницы поэзии середины и второй половины XIX века</i>	66
Федор Иванович Тютчев	67
Афанасий Афанасьевич Фет	72
Николай Алексеевич Некрасов	77
Подведем итоги	90
<i>Развитие речи. Лингвистический анализ стихотворного текста</i>	92
Иван Сергеевич Тургенев	95
Лев Николаевич Толстой	100
Федор Михайлович Достоевский	104
Читаем и обсуждаем повесть «Бедные люди»	111
«Бедные люди» в оценке критики	127
<i>Развитие речи. Сочинение в эпистолярном жанре</i>	128
Путешествие 5. Литература последних десятилетий XIX века	130
Антон Павлович Чехов	141
Читаем и обсуждаем рассказ Чехова «Человек в футляре»	146
Толстой о Чехове	156
<i>Развитие речи. Учимся выразительно читать художественную прозу</i>	157
Путешествие 6. Страницы литературы XX века	160
<i>Особенности литературного процесса начала XX века</i>	164
Александр Иванович Куприн	167
Иван Алексеевич Бунин	169
Максим Горький	172
<i>Традиции и новаторство в поэзии начала XX века</i>	175
Александр Александрович Блок	180
Владимир Владимирович Маяковский	182
Сергей Александрович Есенин	188
Читаем и обсуждаем лирику Блока, Маяковского, Есенина	191
Поэты о поэтах	195
<i>Развитие речи. Стилизация</i>	200
<i>Поэтическое осмысление действительности в лирике XX века</i>	203
Анна Андреевна Ахматова и Марина Ивановна Цветаева	206
Александр Трифонович Твардовский	212
Читаем и обсуждаем поэму «Василий Теркин»	215
Поэма «Василий Теркин» в оценке современников	219
<i>Развитие речи. Пишем художественную автобиографию</i>	219

Поиск нового героя в прозе XX века	220
Андрей Платонович Платонов	221
Читаем и обсуждаем рассказ «Юшка»	223
Андрей Платонов и литературная критика	231
Развитие речи. Учимся писать развернутую аннотацию	233
Александр Исаевич Солженицын	235
Читаем и обсуждаем рассказ «Матренин двор»	238
Критики о характере Матрены	246
Развитие речи. Составляем краткое жизнеописание	247
Из литературы второй половины — конца XX века	248
Подведем итоги нашей работы за год	251
Приложения	256
Словарь понятий и терминов	256
Указатель имен	260
Памятки к работам по развитию речи	265
Список иллюстраций	269

Серия «Свободный ум»

Бунеев Рустэм Николаевич, Бунеева Екатерина Валерьевна, Чидилова Ольга Васильевна

ЛИТЕРАТУРА

**История твоей литературы
(Литературное путешествие по реке времени)**

**Учебник для 9-го класса
Книга 2**

**Авторы выражают благодарность кандидату исторических наук
Д.Д. Данилову за помощь в подготовке учебника**

Концепция оформления, художественное редактирование, обложка – Е.Д. Ковалевская

**Подписано в печать 24.03.10. Формат 70х100/16. Гарнитура Журнальная.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 17 п.л. Тираж 11 000 экз. Заказ № 25318 (к-л).**

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953005 – литература учебная

**Издательство «Баласс»
111123 Москва, 1-я Владимирская ул., д. 9
Почтовый адрес: 111123 Москва, а/я 2, «Баласс»
Телефоны для справок: (495) 368-70-54, 672-23-34, 672-23-12
<http://www.school2100.ru> E-mail: balass.izd@mtu-net.ru**

**Отпечатано в ОАО «Смоленский полиграфический комбинат»
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.**

ахов

А.И. Куприн
А.И. Куприн
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
МАТЕКОГО

ДОМ ИСКУССТВ
ВЕЧЕРА
Александра Блок
В.И. ТУРОВСКИЙ
ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЛОКЕ
АЛЕКСАНДР БЛОК

А. Блок

А. Есенин

А. Ахматова

А. Цветаева

1917 г.

М. Горький

В.В. Маяковский

А.П. Платонов

А.Т. Твардовский

А.И. Солженицын

XX век

Мы, авторы
«Школы 2100»,
написали учебники
для своих детей и теперь
предлагаем их вам

Каждому необходимо научиться:

Решать любые возникающие в жизни задачи.

Самостоятельно открывать новое.

Выбирать главное и интересное.

Главное не знания, а умение ими пользоваться!

Не надо зубрить и искать готовые ответы!

Далеко не всё, что есть в учебнике, нужно запомнить или выполнить!

У НАШИХ КНИГ ОДНИ И ТЕ ЖЕ АВТОРЫ – ОТ НАЧАЛЬНОЙ ДО СТАРШЕЙ ШКОЛЫ!

НЕПРЕРЫВНЫЙ КУРС РУССКОГО ЯЗЫКА

(авторы Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, Л.Ю. Комиссарова, И.В. Текучёва и др.)

Учебники по русскому языку 5–11 кл.:

Основная школа

Старшая школа

Самостоятельные и проверочные работы, сборники диктантов, тематические тесты
и методические рекомендации по русскому языку:

Самостоятельные и проверочные
работы, 5–9 кл.

Сборники диктантов,
5–7, 8–9 кл.

Тематические тесты для
подготовки к итоговой
аттестации и ЕГЭ

Методические
рекомендации, 5–9 кл.

Заявки принимаются по адресу: 111123 Москва, а/я 2, «Баласс»

Телефоны для справок: (495) 672-23-12, 672-23-34, 368-70-54; www.school2100.ru

Заявки на отправку по почте: (495) 735-53-98, bal.post@mtu-net.ru

Запись на курсы повышения квалификации по телефону: (495) 368-42-86

Ежемесячный журнал «Начальная школа плюс До и После»

В журнале – материалы о работе по учебникам «Школы 2100»

Почтовый индекс для подписчиков РФ – 48990